

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (42) 2021

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*Пи

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2021

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
1 (42) 2021
Март 2021**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 20.03.2021 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 16,25

Тираж 300 экз.

Заказ № 2103365

Отпечатано в типографии «Малахит»

620014, г. Екатеринбург,

ул. Шейнкмана, 7

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
1 (42) 2021
March 2021**

Published four times a year

Founded by

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by

Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:

PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on March 20, 2021

Format 70x100^{1/16}

Reference sheet area 16,25

Issues – 300

Order # 2103365

Printed by typography «Malahit»

Scheinkman street 7

Ekaterinburg, 620014, Russia

Manuscripts are reviewed

The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:

Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**

www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

The journal is abstracted/indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included into the «CyberLeninka» database

October 6, 2020 the journal is included in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS

№ 1 (42)

Тропы метода

Го Лишуан

Упразднение и преобразование: вызовы транснационализма, культурного сообщества, национальной и государственной идентичности10

Гаврилова М.В.

«Передавая сегодня символ государственной власти...» – дискурсивные особенности выступления уходящего с должности президента России31

Галицкая К.А.

Политика национальной памяти как технология легитимации власти.....48

Костогрызов П.И.

Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I62

Конференц-зал

III-и Субботние политологические чтения, проводимые Школой политических исследований Института общественных наук РАНХиГС совместно с РАПН и Академией политической науки 19 сентября 2020

Руководитель – Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор РАНХиГС (Москва)

Тема чтений:

«Поиск идентичности в современном геополитическом дискурсе»

*Доклады***Камышанов В.И.**

Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию: фактор идентичности.....78

Буркова Е.И.

Религиозная идентичность как фактор политического развития России91

Савельева М.А.

Политико-психологический анализ восприятия Дня Победы
молодежью стран ЕАЭС..... 114

Парадигмы и процессы**Желнин А.И.**

От «первой в истории контролируемой пандемии»
к рациональному биополитическому управлению..... 130

Коаччи Ф.

О принципах глобальной экологической справедливости..... 142

Ризоён Ш.Ш.

Внешняя образовательная миграция молодежи Таджикистана
как двухуровневый ресурс «мягкой силы» 158

Каталева К.В.

Институциональное и нормативно-правовое обеспечение
развития международного туризма на пространстве
Содружества Независимых Государств 176

1 (42)

Tropes of Method

Guo, Lishuang

Abolition and Transformation: Challenges of Transnationalism, Cultural Community, and National Identity for State Identity.....10

Gavrilova, M.V.

“Transmitting Today a Symbol of State Power...” –
Discursive Features of the Outgoing
President’s Speech31

Galitskaya, K.A.

The Politics of National Memory as a Technology of Legitimation of the Power48

Kostogryzov, P.I.

Decisionism in Russia: Carl Schmitt’s Pre-Revolutionary Precursors
and Modern Interpreters. Part I62

Conference Chamber

**About the III Saturday Political Science Readings held by the School
of Political Studies of the Institute for Social Sciences of RANEPA
in Cooperation with the RPSA and the Academy of Political Science
on September 19, 2020**

**Head – Lidiya Nikolaevna Timofeeva, Doctor of Political
Sciences, Professor, RANEPA (Moscow)**

The topic of the readings:

“The search for identity in modern geopolitical discourse”

*Reports***Kamyshanov, V.I.**

Fragmentation of Globalization as a Challenge to Sustainable Development:
Identity Factor78

Burkova, E.I.

Religious Identity as a Factor of Political Development of Russia.....91

Savelyeva, M.A.

Political-Psychological Analysis of Perception of Victory Day
of Youth of EAEU Countries 114

Paradigms and Processes

Zhelnin, A.I.

From “The First Controlled Pandemic in History”
to Rational Biopolitical Administration..... 130

Coacci, F.

On The Principles of Global Environmental Justice 142

Rizoyon, Sh.Sh.

Foreign Education of Tajik Youth
as a Two-Way Resource of Soft Power 158

Kataleva, K.V.

Institutional and Regulatory Support
of International Tourism Development in the Space
of the Commonwealth of Independent States 176

УПРАЗДНЕНИЕ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА, КУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА, НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Го Лишуан,

Фуданьский университет,
доктор философских наук, профессор,
Шанхай, Китай,
ORCID: 0000-0002-2265-0528,
E-mail: guolishuang@fudan.edu.cn

Статья поступила в редакцию 30.09.2020, принята к публикации 13.01.2021

Для цитирования: Го Лишуан. Упразднение и преобразование: вызовы транснационализма, культурного сообщества, национальной и государственной идентичности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 10–30. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

Аннотация

Данная статья раскрывает причины кризиса современной государственной идентичности с точки зрения трёх аспектов: транснационализма, культурного сообщества и национальной идентичности. Во-первых, автор показывает, что глобализация, выходя за пределы отдельных государств и наций, порождает региональное или глобальное транснациональное (наднациональное) сознание, которое упраздняет функции и авторитет национальных государств. Во-вторых, дифференциация и преобразование культурного сообщества посредством увеличения значения защитной идентичности трансформируется в политическое сообщество, что в свою очередь усиливает рефлексивное самосознание различных цивилизаций и ставит под сомнение легитимность государственной идентичности. В-третьих, когда политическая природа национальной идентичности отделяется от её культурной составляющей, особенно в многонациональных странах в период социальных преобразований, то на-

© Го Лишуан, 2021

циональная идентичность напрямую упраздняет государственную идентичность. В данной статье утверждается, что менталитет «дифференциации», «признания различий» должен быть устранён посредством равноправного общения и диалога, конфликт цивилизаций должен рассматриваться в связи с уникальностью различных культур, а политические и культурные характеристики национальной идентичности должны быть унифицированы с учётом уважения к национальным особенностям. При этом необходимо отказаться от предрассудков «надменности и высокомерия» как транснационализма, так и культурного национализма во избежание конфликтов, вызванных кризисом государственной идентичности.

Ключевые слова:

государственная идентичность, транснационализм, культурное сообщество, национальная идентичность.

UDC 303.01

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

ABOLITION AND TRANSFORMATION: CHALLENGES OF TRANSNATIONALISM, CULTURAL COMMUNITY, AND NATIONAL IDENTITY FOR STATE IDENTITY

Lishuang Guo,

Fudan University,
Doctor of Philosophy, Professor,
Shanghai, China,
ORCID: 0000-0002-2265-0528,
E-mail: guolishuang@fudan.edu.cn

Article received on September 30, 2020, accepted on January 13, 2021

To cite this article: Guo, Lishuang. (2021). Uprazdnenie i preobrazovanie: vyzovy transnacionalizma, kul'turnogo soobshhestva, nacional'noj i gosudarstvennoj identichnosti [Abolition and transformation: challenges of transnationalism, cultural community, and national identity for state identity]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 10-30. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

Abstract

This article reveals the causes of the crisis of modern state identity from the point of view of three aspects: transnationalism, cultural community and national identity.

First, the author shows that globalization, going beyond the borders of individual States and Nations, generates a regional or global transnational (supranational) consciousness, which abolishes the functions and authority of national States. Second, the differentiation and transformation of the cultural community by increasing the value of protective identity is transformed into a political community, which, in turn, strengthens the reflexive self-awareness of various civilizations and calls into question the legitimacy of state identity. Third, when the political nature of national identity is separated from its cultural component, especially in multi-ethnic countries during a period of social transformation, national identity directly abolishes state identity. This article argues that the mentality of “differentiation”, “recognition of differences” should be eliminated through equal communication and dialogue, the conflict of civilizations should be considered in connection with the uniqueness of different cultures, and the political and cultural characteristics of national identity should be unified with respect for national characteristics. At the same time, it is necessary to abandon the prejudices of “arrogance and haughtiness” of transnationalism and cultural nationalism in order to avoid conflicts caused by the crisis of state identity.

Keywords:

state identity, transnationalism, cultural community, national identity.

От научного редактора¹

Прежде чем приступить непосредственно к чтению текста, представляется разумным сделать несколько замечаний относительно перевода некоторых терминов, а также дать краткие определения основных понятий, используемых проф. Го Лишуан. Автор в своём анализе проводит различие между двумя понятиями *mínzú rèntóng* и *guójíā rèntóng*, которые на русский язык могут быть переведены одним термином – *национальная идентичность*. Но поскольку в китайском языке *mínzú rèntóng* буквально означает *отождествление себя с нацией, народом*, а *guójíā rèntóng* – *отождествление себя со страной, государством*, то в данном тексте мы будем передавать *mínzú rèntóng* как *национальная* (в смысле *этническая*) *идентичность*, а *guójíā rèntóng* – как *государственная* (*гражданская*) *идентичность* (например, как в случае с *Èluósī guójíā*, Российским *государством*).

Второе замечание. Го Лишуан использует китайский термин *chāo guójíā zhīyì*, который на русский язык можно перевести как *наднационализм, супранационализм, транснационализм*. Сегодня уже говорят и о *постнациональной идентичности*. Все эти термины, так или иначе, используются как в отечественных, так и зарубежных исследованиях, при этом их объёмы то совпадают, то пересекаются. В предлагаемом переводе мы используем термин *транснационализм*, т.е. *выходящий за пределы нации, страны, государства* (по аналогии с *транснациональными компаниями*).

Теперь о дефинициях ключевых понятий. Под *идентичностью* в целом понимается «осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе,

¹ Научный редактор – Кондрашов Пётр Николаевич, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

что позволяет ему определить своё место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» (Левина-Крамер, 2008, с. 115).

Национальная (этническая) идентичность (*mínzú rèntóng*) – духовная, эмоциональная, культурно-историческая, языковая, религиозная привязанность к конкретному народу, этносу, его самобытности и отождествление себя с этим этносом; чувство духовного единства с ним. «В этносоциальных представлениях отражаются мнения, убеждения, верования, идеи, которые получили своё выражение в мифах, легендах, эпосах, обыденных формах мышления и поведения. Совокупность этих знаний и представлений связывают членов данной этнической группы и служит основой её отличий от других этнических групп... Другими словами, для каждого человека этническая идентичность означает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности, осознание уникальности и неповторимости своего этноса, его культуры» (Левина-Крамер, 2008, с. 116).

Государственная идентичность (*guójiā rèntóng*) – это когнитивная и эмоциональная привязанность граждан к своей стране, отождествление себя как гражданина с конкретным государством. С функциональной точки зрения государственная идентичность является не только источником ценностей, но и формой единства государственного самосознания (*guóbīn yìshì*), поэтому она также выступает основным источником легитимности государства, обеспечивая необходимые географические, социальные, культурные и психологические условия для стабильности и развития страны.

Транснациональная (наднациональная и надгосударственная) идентичность, транснационализм (*chāo guójiā zhǐyì*), – осознание человеком своей принадлежности к наднациональным и надгосударственным политическим сообществам, когнитивное, эмоциональное, культурное, политическое отождествление себя с ними в противоположность («узко») этническим, национальным, религиозным, государственным идентичностям. Транснационализм может быть как региональным (европоцентризм, евразийство, латиноамериканская идентичность), так и глобалистским (космополитизм, общечеловеческая идентичность, постгуманистическая идентичность).

Политическое сообщество – социальный конструкт, возникающий как «результат актуализации одних признаков и элиминации других, различения между «мы» и «они», «свои» и «чужие» (Панов, 2007, с. 94–95), характеризующийся наличием чувства «мы», субъективным измерением институционального политического порядка; общностью интересов; наличием определённых средств, позволяющих сдерживать внутреннее разрушительное насилие; устойчивой взаимной убеждёностью, что разногласия между субъектами такого сообщества будут находить ненасильственное разрешение; наличием учреждений и институтов для принятия и проведения в жизнь совместных решений, составляющих предмет общей заботы. Необходимыми признаками политического сообщества (в отличие от культурного, религиозного, этнического и т. д.) являются: 1) пространственная локализация (которая влечёт за собой интенсификацию соединения-со-своими и разъединения-с-чужими); 2) правовая институционализация (государственные органы, конституция, законы, уставы организаций); 3) навязанность (например, индивиды – всегда либо граждане того или иного

государства, либо лица без гражданства, но всё равно включённые в институциональные структуры и политический порядок конкретных государств). «Политическое сообщество может принимать форму (1) региональной организации, которая поощряет ограниченное сотрудничество между членами в конкретных областях; (2) федеративной системы с центральной властью, обладающей наднациональными полномочиями; или (3) унитарного сообщества, возникающего в результате слияния ранее суверенных образований» (Piapo, Olton, 1988, p. 306).

Введение

После окончания «холодной войны» кризис государственной идентичности стал одной из самых горячо обсуждаемых тем нашего времени, и она по-прежнему актуальна. На *теоретическом* уровне многие дисциплины, такие как социология, психология, политология, этика и т. д., исследуют государственную идентичность каждая со своих методологических позиций, предлагая широкий спектр различных точек зрения. На *практическом* уровне люди почти повсюду переосмысливают и пересматривают, что у них общего и что отличает их от других, спрашивая: «кто мы такие? К чему мы принадлежим?» Поиск идентичностей имеет разную направленность, содержание которой определяется либо дезинтеграцией, либо интеграцией или реинтеграцией. Так, после распада Советского Союза отдельные независимые республики переосмысливали, выстраивали или возрождали свою *особую* государственную идентичность (результат дезинтеграции), а Германия после объединения ГДР и ФРГ, напротив, стремилась к формированию *единой* национальной идентичности (результат реинтеграции).

Сегодня даже страны с относительно стабильным политическим порядком ставят под сомнение и ищут свою идентичность. Например, современная Япония запутана в противоречиях между своим географическим положением, ориентализацией истории, демократической системой западного образца и вестернизацией повседневного образа жизни. Канада, Бразилия, Дания тоже сталкиваются с кризисом характеристик своей государственной идентичности. Даже Соединенные Штаты, когда-то очень уверенные в наличии общей культуры и общих убеждений, также задаются вопросом: *какова идентичность Соединенных Штатов?*

Почему же проблема идентичности, которая, казалось бы, не должна была быть слишком сложной, теперь сталкивается с подобными трудностями? И почему имеет место *глобальный кризис государственной идентичности?*

1. Транснационализм устраняет некоторые функции и авторитет государства и делает национальную идентичность динамичной и многомерной. С нашей точки зрения, транснационализм, порождаемый глобализацией, является главной причиной кризиса государственной идентичности. Он, возникая в экономической сфере, постепенно проникает и расширяется в политические и культурные области, и в конце концов выходит за рамки национальных и государственных границ. Он действует, подобно обоюдоострому мечу, одновременно способствуя политическому, экономическому и культурному развитию и укреп-

пляя тесные связи, но при этом постоянно разрушая функции и роль государств, создавая серьезные вызовы государственной идентичности всех стран.

С интернационализацией сетевых коммуникаций, транспорта и мобильности людей, особенно с быстрым развитием рыночной экономики в различных странах, тенденция к глобальной экономической интеграции становится всё более и более очевидной, а экономический кризис высветил реальность того, что глобальная экономика влияет на всё в мире.

Например, валютный кризис в Таиланде в 1997 году сначала затронул Юго-Восточную Азию, Южную Корею и Японию, а затем распространился на Россию и Латинскую Америку, вызвав тем самым глобальные финансовые потрясения. В 2008 году «финансовое цунами» на Уолл-стрит в США распространилось на мир с эффектом домино, и многие финансовые учреждения обанкротились. Очевидно, что экономическая глобализация усиливает взаимозависимость экономик стран, и проблемы, возникающие в экономике любой страны, в конечном итоге влияют на другие страны по-разному и в разной степени.

С другой стороны, хотя транснациональные корпорации создают более трети мирового богатства, они мешают экономическому суверенитету принимающей страны и оказывают негативное влияние, поскольку их цели развития не согласуются с долгосрочными планами экономического развития этих принимающих стран. Дело в том, что страны, в которых размещаются транснациональные компании, – это в основном страны *развивающиеся*. Хотя экономическая глобализация и способствует экономическому развитию последних, она также сопряжена с огромными рисками, такими как истощение дефицитных ресурсов, обесценивание (девальвация) валютных резервов и нарушение экономического порядка. Например, обвал фондового рынка в Китае с июня 2015 г. является классическим примером того, как злонамеренное вмешательство международного финансового капитала непосредственно спровоцировало нисходящее движение китайского фондового рынка, которое до сих пор не стабилизировалось.

Транснационализм, порождённый экономической глобализацией, не только привёл многие страны к постепенной утрате своего экономического суверенитета, не только развеял общие национальные ценности, но также заставил граждан усомниться в функциях экономического управления страной и ослабил их гражданскую, государственную идентичность. Отныне «социальная структура характеризуется гибридом экономических сообществ и раздробленных индивидов и их интересов. В результате интеграционная способность государства ослабевает, а целостные представления о государстве теряют свои позиции» (Zhuojun, Hualing, 2014, p. 145). Глобальное проникновение свободных рыночных экономических отношений и индивидуалистических ценностей нарушило существующие формы экономического развития в разных странах и оказало разрушительное влияние на исконные традиционные ценности, что привело к скептицизму и дезориентации в вопросах государственной идентичности.

В *политическом* плане транснациональность способствовала развитию международных организаций, изменила статус и функции национального государства, в некоторой степени снизила его авторитет, ослабила чувство идентичности граждан со страной. Ряд важных международных институтов постепенно взял на себя основные функции традиционных государств, став разработчиками правил глобальных действий и арбитром в спорах между странами.

Несомненно, что люди лелеют желание установить гармоничный международный порядок и наделить Организацию Объединенных Наций полномочиями по ведению международных дел, но иногда они сожалеют о том, что ООН, которая лишь афиширует свою моральную позицию, но при этом бессильна в действии. Так, ЮНЕСКО сыграла незаменимую роль в защите мирового культурного наследия, а ЮНИСЕФ (Детский фонд Организации Объединенных Наций) – в стремлении обеспечить равное достоинство детей во всем мире. Тем не менее, действия некоторых международных институтов подрывают функции суверенных государств. В частности, Международный валютный фонд осуществляет свою власть во имя обеспечения эффективного международного финансового порядка. Однако он фактически определяет финансовые внутренние дела многих стран, особенно это касается экономических отношений с развивающимися странами, когда неравенство установленных МВФ правил часто вредит реальным интересам самих этих развивающихся стран.

Транснационализм, таким образом, приводит к постепенной потере государственной и правительственной власти. «Государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны» (Хантингтон, 2003, с. 37).

Более того, Европейский союз как международная региональная организация наднационального сообщества не только значительно продвинул процесс европейской интеграции, но и нарушил Вестфальский договор (1648 г.), который в своё время озаменовал формирование современных национальных государств и положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Политика ЕС размывала границы между странами Европы, а также привела к постепенному формированию «глобализированного» сознания среди граждан стран региона и «рассеиванию» государственной идентичности граждан этих стран.

«Глобализация уничтожила силу наций. Развитие мирового рынка и других глобальных явлений действительно сократили права, которые ранее были, но в настоящее время отсутствуют в некоторых странах» (Гидденс, 2010, с. 9). В соответствии с идеями космополитизма и мирового гражданства, предложенными И. Кантом, по мере того, как глобализация выходит за рамки узкого национализма и национального самосознания, чувство государственной идентичности постепенно элиминируется, а идеология транснационализма, напротив, становится всё более и более сильной.

Однако самое интересное состоит в том, что транснациональность, порождённая глобализацией, не только ослабляет государственную идентичность, но одновременно с этим делает её более *динамичной* и *многомерной*. С международными потоками информации, рынков и людей государственная идентичность больше не является единственным подтверждением того, к какой стране принадлежит гражданин. Вместо этого он становится гражданином, у которого интегрированы самые разные идентичности с множеством ролей и множеством вариантов выбора.

Как утверждали С. Хантингтон (2003), Б. Андерсон (2001) и другие исследователи, национальная идентичность – это сконструированная концепция,

воображаемое «я», которые могут быть изменены в зависимости от реальной ситуации субъекта в данный момент. Например, в эпоху глобализации гражданин Китая, который является сотрудником иностранной компании, должен быть идентифицирован не только по пространственной координате «Китай–Мир», но и по временной координате «исторического настоящего». Стало быть, (1) его *государственная* идентичность указывает на гражданина Китая; (2) его *культурная* идентичность включает в себя как китайскую культуру, так и иностранное культурное влияние, а (3) его *экономическая* идентичность принадлежит многонациональной компании.

Таким образом, в эпоху глобализации государственная идентичность перестаёт непосредственно и однозначно определяться единой национальностью и устоявшейся исторической реальностью. Это уже не бессознательная коллективная принадлежность одной нации, – отныне граждане могут свободно выбирать свою позицию внутри самобытной национальной системы, культуры и т. д. Такое положение дел с необходимостью ставит под сомнение те механизмы, посредством которых государственная идентичность интегрирует множество гетерогенных идентичностей (Хан, 2010).

2. Культурное сообщество трансформируется в политическое сообщество, бросая вызов легитимности государственной идентичности. В своём развёртывании процесс глобализации идёт от экономики к политике, но на культурном уровне он сильно тормозится. Речь идёт о том, что глобализация способствует мировой экономической политической интеграции, но при этом она не может сформировать общую мировую культурную систему. Неoliberalизм некогда высокомерно считал, будто распад Советского Союза означал, что история закончилась победой либеральной демократии в мире, и мир будет объединен в *универсальную цивилизацию западной культурной модели*. Однако реальность глобального культурного развития противоречит этому факту: вместо признаков формирования универсальной цивилизации в глобальном культурном развитии часто возникают конфликты и столкновения различных культур и ценностей, которые приводят к разделению и перестройке культурного сообщества, а глобальная политическая карта перекраивается по линии межкультурного разлома. Конфликт цивилизаций создаёт новые противоречия и кризисы в национальной идентичности, обостряет проблему государственной идентичности и делает её более актуальной.

Статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованная в 1993 году (Huntington, 1993; Хантингтон, 1994), вызвала ожесточённые споры в международных академических кругах, и её влияние до сих пор не уменьшилось. Это связано с тем, что Хантингтон вводит новые аналитические рамки для анализа и прогнозирования мировой политической картины в перспективе «столкновения цивилизаций», исследуя новые модели конфронтации и координации между странами после холодной войны, которые были подтверждены рядом реальных событий. По мнению Хантингтона, культура – это не культурное произведение в узком смысле (как артефакт), а скорее культурное и цивилизационное явление в широком смысле. «Под «культурой», – пишет он, – мы понимаем совокупность языка, религии, общественных и политических ценностей, социального кодекса, разграничивающего «хорошее» и «дурное»,

«допустимое» и «недопустимое», а также общественных институтов и поведенческих структур, отражающих эти субъективные элементы» (Хантингтон, 2004, с. 64)².

После окончания «холодной войны» мировая политика перестраивалась по культурным линиям, и большинство стран теперь не формулируют свои собственные интересы на основе идеологии, а всё в большей степени определяют их в соответствии с цивилизационным типом и идентичностью ценностей, стремясь объединиться со странами со схожими культурными формами, чтобы противостоять другим, которые отличаются от них в этом отношении.

В настоящее время атрибуция (приписывание) культурной идентичности имеет больше практической эффективности в процессе формирования ценностей и воспитания, чем построения и призывы государственной идеологии. Думается, что изменения в государственной или культурной идентичности, вызванные столкновением цивилизаций, могут привести к новым политическим конфликтам между странами или регионами, которые серьезно повлияют на становление нового политического и культурного порядка в мире.

За последние два десятилетия многие международные события поразительно соответствовали предполагаемой парадигме цивилизационного развития Хантингтона: разделение Советского Союза и Югославии, усиление торгового конфликта между Соединенными Штатами и Китаем, плавный прогресс европейской интеграции и террористические атаки мусульманских экстремистских организаций против европейских и американских стран, конфликт между Россией и Украиной и др.

Одним из наиболее показательных примеров является то, что Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» (Huntington, 1996; Хантингтон, 2003), используя парадигму цивилизационного развития, предсказал российско-украинский конфликт так же, как и тот факт, который произошел в 2014 году, что этот конфликт не приведёт к широкомасштабной войне, а более вероятно, что Украина будет разделена на две части вдоль линии разлома цивилизации. «Полицивилизационный подход... делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах..., фокусируясь на цивилизационной «линии разлома», которая делит Украину на православную восточную и униатскую западную части. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает её до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины» (Хантингтон, 2003, с. 41). Хотя текущая внутривосточная ситуация на Украине ещё не стабилизировалась, факт присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации в результате референдума достаточен

² Ср.: «Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей» (Хантингтон, 1994, с. 34). Ср.: «Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями» (Хантингтон, 2003, с. 17).

для доказательства справедливости прогнозов парадигмы цивилизационного развития.

В настоящее время, когда транснациональность становится всё более выраженной, национальные культурные традиции подвергаются шоку, постепенно теряют свою нормативную силу, и повседневный образ жизни людей формируется в диалектическом движении обеих этих тенденций. Почему глобальная политическая экология будет реконструироваться по культурной линии?

Причина в том, что поскольку после окончания «холодной войны» идеологические разногласия и конкуренция между странами снизились, то самыми существенными различиями между людьми стали различия культурные. Чтобы ответить на вопрос «Кто мы?», люди более склонны определять себя с точки зрения происхождения, религии, языка, истории, ценностей и т. д., т. е. идентифицировать себя со своими собственными культурными традициями на более широком уровне.

«Модернизация, прорывы в экономическом развитии, урбанизация и глобализация, – пишет С. Хантингтон, – привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить её рамки, превратить её в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история» (Хантингтон, 2004, с. 37).

Страны, базирующиеся на *общих культурных традициях*, с большей вероятностью через *политическое* сотрудничество достигнут внутреннего консенсуса, и поэтому из культурного сообщества трансформируются в сообщество *политическое*. Это та внутренняя сила, которую культурные традиции и ценности раскрывают в современной политической экологии.

В ответ на тезис Хантингтона о том, что «глобальная политическая экология будет реконструирована по культурной линии», Мануэль Кастельс более подробно изучил ремоделирование, трансформацию культурного сообщества с социологической точки зрения. Он отметил, что построение идентичности в культурном сообществе в основном вращается вокруг принципа *сопротивления* легитимной государственной идентичности, который способствует дезинтеграции идеологической идентичности, созданной через правовую идентичность. А новое сообщество, как коллективная сила социальной трансформации, формируется через *защитную* идентичность.

Культурное сообщество, стремящееся к своей уникальности, возникает в процессе построения защитной идентичности, основанной на географии, истории, языке и т. д. Оно строится на правилах, определенных историей и географией. Культурное сообщество, созданное как защитная реакция, устраняет уже существующую легитимную идентичность, создавая новые культурные символы, превращая их в источник смысла и идентичности (Castells, 2010, pp. 69–72).

Таким образом, культура является одновременно и разделяющей, и объединяющей силой, а перестройка нового культурного сообщества привела к тому, что глобальная политическая экология была реконструирована вдоль линий разлома между культурами. Поэтому в этом новом культурном контексте страны должны переосмыслить свою *государственную* идентичность.

В современном обществе существует три причины пассивного изменения культурного сообщества. Во-первых, трансформация культурного сообщества является ответом на глобализацию. Глобализация разрушает автономию институтов, организаций и систем коммуникации, от которых зависит выживание человечества. Таким образом, во всём мире идёт процесс реструктуризации религиозных, этнических и территориальных культурных сообществ, формирования защитной идентичности, функционирующей как убежище и единство внутри культурного сообщества, сохранения и поддержания его уникальных ценностей и смыслов.

Во-вторых, ремоделирование культурного сообщества – это реакция на возникновение эластичных информационных сетей, которые разрушают пространственно-временные границы, стирают различия между участниками сетевой коммуникации, что приводит к структурной дестабилизации работы, времени и пространства.

Наконец, в-третьих, перестройка культурного сообщества является ответом на кризис патриархальной семьи: «Когда патриархальная поддержка личности разрушается, люди утверждают трансцендентную ценность семьи и общины [community], как основанной на воле Бога» (Castells, 2010, p. 69).

3. Диалектика политических и культурных сторон национальной идентичности определяет усиление или разрушение государственной идентичности. В процессе преобразования культурного сообщества и конфликтов между различными культурами сила национальной идентичности постоянно усиливается, иногда даже выходя за пределы национальных границ, рассеивая идентичность государственную, что приводит как к внутренним национальным конфликтам, так и конфликтам между странами. Противоречия между государственной и национальной идентичностями, особенно в многонациональных странах в период социальных преобразований, играют ведущую роль в обществе и бросают вызов легитимности государственной идентичности. Государственная идентичность является главным источником легитимности государства, которая тесно связана с национальной, этнической идентичностью.

Является ли политическая и культурная природа национальной идентичности *единой*, непосредственно определяет, способствует ли она развитию или разрушает идентичность государственную. Двойственность национальной идентичности проявляется в следующем. Когда имеет место политическое и культурное *единство*, то этническое самосознание способствует формированию и укреплению государственной идентичности; когда они *разделены*, то этническая идентичность разрушает государственную идентичность населения страны и становится силой, разрушающей государство.

В начале формирования современного политического государства политические и культурные аспекты национальной идентичности были *гармоничны*. Национально-культурное сообщество использовало трансцендентную силу – культуру национальных эмоций и воображения – для конституирования и осознания единой государственной идентичности, осуществления национальной и социальной интеграции и обеспечения необходимой коллективной основы для государственной идентичности. Как источник коллективной идентичности национальная идентичность заполняет пробел, образовавшийся в результате

распада религиозного метафизического мировоззрения и утраты традиционной политической легитимности, а также закладывает основу социального единства и единства для реализации экономических и политических целей современного общества.

Напротив, если политическая и культурная природа национальной идентичности *разделены*, то противоречие между государственной идентичностью и национальной, этнической идентичностью неизбежно. Внешнее исключение и внутренняя интеграция государственной идентичности должны устранить индивидуальность этнических групп, ослабить и стереть неоднородность между ними, особенно в многонациональных странах.

В этой связи создание и распад Советского Союза признается наиболее типичным примером. Советский Союз был построен под двумя идентичностями: национальной идентичности более чем 200 народов и новой исторической, социальной и интернациональной общности – *советского народа*. На ранних стадиях своего развития Советский Союз использовал свою огромную идеологическую машину, чтобы попытаться ослабить этнические идентичности, интегрировать их в общую идентичность, т. е. интегрировать идентичность каждой нации в советскую систему и попытаться построить генеральную государственную идентичность – *советский народ*.

В то время политические и культурные аспекты этнической идентичности были внутренне когерентны, совпадали, что, собственно, и способствовало конституированию мощной (государственной) национальной идентичности. По словам Бенедикта Андерсона, это означает замену *воображаемого сообщества – воображением сообщества*. В 1960-х годах у людей всех этнических групп в Советском Союзе постепенно формировалось чувство идентичности с советской сверхдержавой, но это чувство идентичности было разрушено, прежде чем оно укоренилось в сердцах людей.

В более поздний период социальных преобразований и политических потрясений в Советском Союзе потенциальное отталкивание и деструкция государственной идентичности со стороны этнических идентичностей было стимулировано возрождением национализма и стало одной из причин распада Советского Союза. «Духовная пустота, возникшая из-за неспособности привить массам марксистско-ленинские идеи, была заменена в 1980-х годах, когда люди были свободны выражать свои идеи, единственным источником идентичности, сохранившимся в коллективной памяти людей – национальной идентичностью» (Castells, 2010, p. 43).

В этом контексте культурная природа национальной идентичности отвергает её политическую природу и играет ведущую негативную роль в разрушении идентичности государственной. Как заметила Юлия Синеокая, хотя советские люди, воспитанные идеологией, обладали общим эффективным мобилизационным единством, тем не менее, оно, не имея эндогенной ценностной основы, неизбежно было разрушено возрождением национализма.

С конца XX века до настоящего времени культурная тенденция национальной идентичности стала более заметной, и сформировалась новая политическая тенденция. Возрождение национализма тесно связано с идеей культурного национализма, который высвобождает мощные силы. Благодаря совместному опыту и общей истории люди создают сильную национальную, культурную

и региональную идентичность. Однако, укрепляя границы, ценностные суждения меняются местами – происходит аксиологическая инверсия, которая, в свою очередь, способствует трансформации культурной общности в политическое сообщество.

Таким образом, возрождение современного национализма – явление не случайное, – это реакция на глобализацию европейской и американской моделей и культурный универсализм. Национальные культурные традиции – важнейшие характеристики нации. В ситуации, когда культурные традиции народа оказываются под угрозой, самобытность национальной культурной общности может быть сохранена только путём творческого восстановления уникальных исторических и культурных атрибутов национальной общности. Идентичность сопротивления (исключения), порождённая национализмом и направленная против идентичности государственного единства, как заменитель религии, даёт людям ощущение бессмертия через приобщение к национальной истории и культуре.

Первоначальная цель современного национализма не предполагала политического суверенитета страны. Он использует культурную идентичность сопротивления для защиты культуры национального сообщества, которая хранится в коллективной памяти. Однако когда общество находится в переходном периоде или в нём меняется политическая система, эта культурная национальная идентичность быстро трансформируется в политическую и государственную идентичность. Но такая трансформация неполитической национально-культурной общности в странах с разными этническими и культурными составляющими будет иметь диаметрально противоположный эффект.

Так, для стран с *высокой этнической однородностью*, таких как Япония и Южная Корея, восстановление национальных культурных сообществ является силой, способствующей продвижению и укреплению государственной идентичности. Для стран же с *высокой этнической неоднородностью*, таких как США, Китай и Россия, напротив, возрождение национальных культурных общностей является силой, разрушающей и рассеивающей государственную идентичность.

Русский антрополог В. А. Тишков подробно разграничил национализм, основанный на *этническом принципе*, и национализм, основанный на *гражданстве*. «Различия между двумя типами национализма существенны: этнический национализм основан на *идеологии исключения и отрицания многообразия*, а гражданский национализм основан на *идеологии солидарности и признания многообразного единства*» (Тишков, 2008, с. 137). «Каким бы неоднородным ни было население государств, оно повсюду самоопределяет себя как нации и свои государства считает национальными. Народ и нация выступают в данном случае синонимами, и именно эти категории придают изначальную легитимность современному государству» (Тишков, 2008, с. 136). Определение нации, данное Бенедиктом Андерсоном, также раскрывает эту тенденцию современного национализма. «Я предлагаю, – пишет он, – следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2001, с. 30).

При этом воображаемое политическое сообщество не становится ложным, потому что оно основывается на воображаемой связи. Оно – продукт когнитив-

ного процесса социальных групп и *социальный факт* в социальной психологии³, поэтому культурный национализм неизбежно оказывает положительное или отрицательное, сильное или слабое влияние на государственную идентичность.

Национальная идентичность, построенная на культурном национализме, порождает ряд исключительных и радикальных национальных (расовых) движений, «что приводит к отделению этнокультурной идентичности от идентичности государственной. В политической практике это приводит к таким политическим действиям, как этнические столкновения [ethnic clashes], сепаратистские движения и расизм, которые подрывают национальную целостность [national integrity]» (Zhuojun, Hualing, 2014, p. 147).

Существенную роль в этом процессе играет то, что идентичность исключения бросает вызов прошлой легитимной идентичности и отрицает легитимность государственной, общенациональной, гражданской идентичности. Например, после распада Советского Союза 25 миллионов русских жили в разных независимых республиках, что привело к сложному переплетению и взаимодействию национальной идентичности и гражданского самосознания. Прибалтийские республики подвергли дискриминации этнических русских на своей территории, что привело к возникновению многих новых этнических конфликтов.

В 2014 году отчёт международного семинара «Валдай» на тему «Национальная идентичность и будущее России» ясно показал нынешнюю роль культурного национализма в распаде («растворении») гражданской идентичности: «Исторически российский характер – это характер мужественных и терпеливых людей. Открытых к другим культурам и религиям... Российская идентичность есть, и изобретать её не нужно. Любая попытка подменить национальную идентичность этнической или религиозной – антироссийская и антиисторическая, поскольку направлена на подрыв государства и народов, столетиями живущих вместе, создавших и отстоявших вместе великую страну» (Национальная идентичность и будущее России, 2014, с. 10).

Ключевым вопросом здесь является взаимосвязь между национальной, культурной и территориальной идентичностями. Хаотичное отождествление национальной идентичности и идентичности территориальной может привести к конфликтам между странами или регионами, а внешняя территориальная идентичность, установленная так, чтобы соответствовать однородности внутренней национальной идентичности, очень вредна.

При основании Советского Союза была признана национальная идентичность всех народов, причем в основу принципа национального самоопределения была положена национальная культура, а не территория. «Во время кровавого кризиса бывшей Югославии правительства Организации Объединенных Наций, Соединенных Штатов и Западной Европы были вынуждены принять формулу «территориальная единица = единая этническая группа = нация-государство». Этот компромисс не только противоречил политической философии, но и проповедуемой ими этике» (Grosser, 2010, p. 11). Такой территориальной идентично-

³ «Оно *вообразенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» (Андерсон, 2001, с. 31).

стью не является территория страны, в которой проживают граждане государства, состоящие из разнородного населения. Скорее, речь идёт о территории, на которой проживают люди с общей идентичностью, определяемой принадлежностью к одной этнической группе.

Связь между разделением (делимитацией) границ между странами и национальной идентичностью не абсолютна. Иногда разграничение территориальных границ может породить новую гражданскую идентичность, а доступ людей к общему образованию, совместному управлению и участию в общественной жизни формирует и укрепляет чувство общей идентичности. Чувство принадлежности к стране – исторично и может развиваться со временем. Примером этого является то, что западные колониальные страны сначала ликвидировали произвольное разделение границ этнической принадлежности в Африке, а затем сформировали границы нынешних африканских стран.

В некоторых случаях этническая идентичность также приводит к территориальным требованиям для повторного разграничения установленных границ. В настоящее время Россия и Украина сталкиваются с хаотическим отождествлением и путаницей между национальной, культурной и территориальной идентичностями. Это привело к тому, что национальная идентичность вышла за пределы государственных границ и породила конфликты между государствами.

4. Несколько мыслей о мерах по предотвращению конфликтов, вызванных кризисом государственной идентичности. Таким образом, три фактора – транснационализм, вызванный глобализацией, перестройка новой культурной общности и укрепление национальной идентичности являются основными причинами современного кризиса идентичности государственной. Они разрушили гражданскую, государственную идентичность на разных уровнях и – более того – поставили под вопрос её легитимность.

В данной статье мы проанализировали причины современного кризиса государственной идентичности, но конечная цель нашего рассмотрения – подумать о том, как можно избежать конфликтов между странами или регионами, вызванных кризисом государственной идентичности.

4.1. Равное общение и диалог в целях устранения «признания различий». Для различных типов государственных субъектов вызовы транснациональности, детерминированные глобализацией, различны по существу. Для западных развитых стран, возглавляемых США, суть кризиса государственной идентичности заключается в «признании» новой оппозиции и потенциальных врагов после окончания «холодной войны», а также в их страхе и беспокойстве по поводу глобальной политической многополярности и культурного разнообразия. Они придают большое значение культивированию и воспитанию идентичности своих граждан и изо всех сил стараются уменьшить влияние мультикультурализма на государственную идентичность. Однако они выдвинули лозунг о том, что права человека выше суверенитета развивающихся стран, чтобы проникнуть в их политические системы и идеи. Цель состоит в том, чтобы занять доминирующее положение в культуре и ценностях развивающихся стран и тем самым их контролировать для реализации своих собственных национальных.

Для незападных стран деконструкция государственной идентичности, вызванная транснационализмом и глобализацией, по сути, является распростра-

нением западного центризма во главе с США в незападных странах в ущерб интересам последних. Западные развитые страны доминируют в процессах формулирования, разработки и осуществления международных правовых норм, пытаются агрессивно продвигать и навязывать всему остальному миру механизмы и структуры рыночной экономики и демократические политические модели. Они стремятся к созданию единства, но по существу исключают слабых, объединяя сильных, что заставляет незападные страны задаться вопросом и задуматься о функциях и идентичностях своих собственных государств и правительств. При этом под интерактивным влиянием внутренних трансформаций и волн глобализации незападные страны стараются не ассимилироваться с западной цивилизацией в процессе модернизации.

Эта логика сильных основана на нанесении ущерба интересам слабых. Когда западные развитые страны намереваются внедрить свои собственные правила и модели в политическую и экономическую жизнь незападных стран, то последние сопротивляются, чтобы сохранить суверенитет и преемственность государственной идентичности. Хотя у таких действий мало практических результатов, тем не менее они идут в правильном направлении и могут ещё больше изменить несправедливую логику сильных посредством постоянного общения и диалога. Известный российский политический социолог А. Г. Дугин указал на более реалистичный подход в этом отношении: «Но если выстоим, новый мировой порядок рухнет. Это в конце концов исполнение исторического долга... Это будет не просто новым рождением империи, это будет духовное пробуждение, рывок и одновременно конец мировой доминации «цивилизации Charlie» (Дугин, 2015, с. 247).

Стало быть, кризис государственной идентичности, вызванный глобализацией, в политическом и экономическом аспектах напрямую связан с различиями в политической идеологии и различиями в материальных экономических интересах. Посредством равноправного общения и диалога бинарная оппозиция «признания различий» (*tèn yì*) может быть постепенно устранена. Исходя из предпосылки сохранения своей уникальности, разные национальные идентичности выходят за пределы узкого национализма и национального самосознания, чтобы достичь *мировой истории*, предложенной Марксом, и *мирового гражданства*, предложенного Кантом.

4.2. Уважение самобытности различных культур и противостояние цивилизационным конфликтам. Наднациональный характер глобализации, усиливая межгосударственное взаимодействие и взаимозависимость в экономической, политической, коммуникационной и человеческой сферах, обострил рефлексивное самосознание наций, принадлежащих к разным цивилизациям. Таким образом, транснационализм, ослабляя власть государства и лишая его своих собственных возможностей, в то же время «жалит» нервы национальной культурной идентичности. Поэтому противоречия между политическими идеологиями и экономическими материальными интересами если и не могут быть разрешены полностью, то по крайней мере в этом вопросе можно в определенной степени достичь компромисса путём обсуждения, переговоров и консультаций. Однако подобными методами не могут разрешиться различия в ценностях различных культур и религий. Только *на основе уважения и признания культурного разнообразия* различные культуры и различные типы цивили-

лизаций могут мирно сосуществовать, не вызывая катастрофических событий для человечества.

Как заметил Энтони Гидденс, «главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью» (Гидденс, 2004, с. 20). Перед лицом конфликта цивилизаций наиболее остро встаёт вопрос и о том, как примирить мультикультурализм с государственной идентичностью. Мы считаем, что диалог и консультации должны осуществляться на основе мультикультурализма и плюралистических ценностей, уважения разнообразия и сложности культуры и понимания проблемы государственной идентичности с культурной точки зрения только для того, чтобы найти эффективный способ укротить этот вышедший из-под контроля мир.

4.3. Уважение национальных особенностей способствует объединению политических и культурных аспектов национальной идентичности. Наконец, ещё один вопрос. Как избежать конфликтов, которые могут быть вызваны национальной идентичностью, бросающей вызов идентичности государственной? Для многоэтнических стран укрепление национальной идентичности может привести к изменению в содержании государственной идентичности. Более того, когда национальная идентичность выходит за пределы границ страны, это приводит к новым конфликтам между странами или регионами. Иными словами, укрепление национальной идентичности ставит под сомнение легитимность гражданской, государственной идентичности.

Однако и такого рода конфликтов можно избежать. Как теория, так и история доказали, что национальная идентичность является ключевым фактором, влияющим на государственную идентичность, и её положительное или отрицательное влияние на последнюю зависит от того, согласуются ли её внутренние политические и культурные составляющие. Национальная идентичность имеет характеристики внутреннего единства и внешнего исключения. В то же время существует различие между политической идентичностью и культурной идентичностью внутри собственно национальной идентичности.

Когда политические и культурные аспекты национальной идентичности объединены в непротиворечивую «органическую целостность», то национальная идентичность использует трансцендентную силу – культуру национальных эмоций и воображения, чтобы обеспечить необходимую основу коллективной идентичности для государственной идентичности, реализовать национальную интеграцию и предотвратить разделение страны на этнические «суверенные государства».

Когда политические и культурные аспекты национальной идентичности разделены, особенно когда культурная составляющая отрицает её политическую компоненту, то в таком случае национальная идентичность разрушает существующую государственную идентичность, выходя за её рамки и вызывая внутренние конфликты между этническими группами или между странами.

При этом особое внимание следует уделять культурному национализму, который чрезвычайно активен из-за усиления культурной тенденции национальной идентичности, и его культурное содержание легко сформирует новые политические тренды. «Особый вызов государству и гражданской нации, – пишет В. А. Тишков, – представляет радикальный национализм от имени меньшинств, которые желают выйти из общего государства путём вооруженной сепарации».

Этнический национализм большинства также несёт в себе риски, ибо он может объявить государство исключительной собственностью одной группы и тем самым породить противников государства среди меньшинств» (Тишков, 2008, с. 137).

Хотя первоначальное намерение современного культурного национализма не связано с политическим суверенитетом страны, когда общество находится в переходном периоде или в периоде изменений политической системы, эта основанная на культуре национальная идентичность может легко изменить ценностные суждения и высвободить мощную идеологическую силу, быстро трансформируясь в новую и государственную идентичность. Как мы уже говорили выше, для стран с высокой этнической разнородностью становление этнических культурных сообществ определено разрушит государственную идентичность. Следовательно, мы должны объективно понимать и уважать культурные характеристики различных этнических групп, чтобы иметь возможность объединить политические и культурные аспекты их этнической уникальности.

Бенедикт Андерсон указывает, что национализм и национальная идентичность являются продуктами истории и культуры. Они уходят корнями в культурную и психологическую глубинную структуру человеческого сознания. И проблема здесь состоит в том, как предотвратить их вырождение в «официальный национализм» или агрессивный и расширяющийся империализм.

Сама нация – это культурное сообщество с политическими тенденциями, и только глубокое взаимопонимание и уважение к особенностям культур этнических групп являются гарантией того, что политики не превратят национальные идентичности в инструмент манипулирования народом. Только через объективное понимание исторических процессов и механизмов формирования каждой уникальной национальной идентичности (включая самоидентификацию и идентичность другого) мы можем по-настоящему избавиться от высокомерного этноцентризма и, таким образом, искать пути сосуществования между различными «воображаемыми сообществами».

Заключение

В целом, дифференциация и диалектические трансформации транснационального сознания, культурного сообщества и национальной идентичности бросают вызов именно *государственной* идентичности, постепенно «растворяют» и элиминируют её, что приводит к её современному кризису. Это часто ведёт к конфликтам, антропогенным и техногенным катастрофам.

Обращаясь к первопричине кризиса, автор призывает: устранить менталитет «признания различий» посредством равноправного общения и диалога; преодолеть узкий национализм и националистическое сознание; противостоять конфликту цивилизаций, уважая уникальность различных культур; выйти за пределы «надменности» западной культуры; объединить политические и культурные аспекты национальных идентичностей, уважая при этом этническую самобытность каждой из культур; наконец, преодолеть расовый и этнический национализм посредством «национализма» гражданского.

Но теория может показать свою силу и свет только в том случае, если она укореняется и прорастает в реальности. На практическом уровне в последние

годы китайское правительство предприняло конкретные действия по устранению менталитета «признания различий» и преодолению узкого национализма и достигло хороших результатов.

К ним относятся: связь между экономическим поясом Шёлкового пути и Евразийским экономическим союзом России в Центральной Азии. Поскольку экономическое сотрудничество Китая, России и стран Центральной Азии учитывает общие интересы и внутренние требования каждой из сторон, то можно будет достичь многосторонних результатов. С развитием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и инициативы «Один пояс, один путь» Китай добровольно отказался от права вето в один голос и выступил за построение мирового сообщества с общим будущим. Это в очередной раз нанесло удар по диктаторскому Международному валютному фонду, возглавляемому Соединенными Штатами, и стало демократической моделью международного сотрудничества.

Профессор Московского государственного института международных отношений Н. А. Иванова, высоко оценивая Китай, считает, что незападные страны должны объединиться, чтобы прорвать старый порядок, управляемый Европой и Америкой, в пассивном ответе на процесс глобализации, который в значительной степени зависит от объединенных сил таких стран, как Китай, Индия и Россия с мировым влиянием (Иванова, 2016).

Столкнувшись с разными странами, цивилизациями, этническими группами и политическими системами, Китай занял позицию «инклюзивности» и «поиска точек соприкосновения, сохранения при этом различия» друг с другом на равной основе. Сама китайская цивилизация сформировалась за тысячи лет полиэтнической, поликультурной и «многошкольной» интеграции, которая совершенно отличается от культур и наций, которые враждебны друг другу и нападают друг на друга. Таким образом, сама китайская цивилизация обладает набором методов и традиций, позволяющих гармонично сосуществовать различным противоречивым культурам и нациям.

Как нам представляется, культурная сущность «инклюзивности» и «поиска точек соприкосновения и взаимопонимания при сохранении различий» может быть одним из лучших духовных ресурсов для преодоления кризиса государственной идентичности.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
2. Гидденс, Э. (2004). *Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир.
3. Гидденс, Э. (2010). *Национальные государства в глобальную эпоху*. Нанкин: Народное издательство Цзянсу (На китайском языке).
4. Дугин, А. Г. (2015). Новороссия – крах или взлёт для России. *Молодая гвардия*, 9, 244–248.
5. Иванова, Н. А. (2016). Тенденции изменения архитектуры безопасности Евразии. *Международный семинар «Китай и Евразия: новые возможности и новые вызовы»* (На китайском языке).

6. Левина-Крамер, Е. А. (2008). «Культурная» и «этническая» идентичности как категории социальной науки. *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Ч. 2 (с. 114–116). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
7. *Национальная идентичность и будущее России*. (2014). Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва.
8. Панов, П. В. (2007). Политическое сообщество: конструирование и институционализация. *Полис*, 1, 94–103.
9. Тишков, В. А. (2008). Российский народ и национальная идентичность. *Россия в глобальной политике*, 6(4), 135–142.
10. Хан, Чжэнь. (2010, 24 августа). Национальная идентичность в эпоху глобализации. *China Social Science News*, 117 (На китайском языке).
11. Хантингтон, С. (1994). Столкновение цивилизаций? *Полис*, 1, 33–48.
12. Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
13. Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, Транзиткнига.
14. Castells, M. (2010). *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing.
15. Grosser, A. (2010). *The dilemma of Identity*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
16. Huntington, S. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.
17. Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
18. Piano, J., Olton, R. (1988). *The International Relations Dictionary*. Santa Barbara (CA), Oxford: ABC–CLIO.
19. Zhuojun, W., & Hualing, H. (2014). National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. *Social Sciences in China*, 35(2), 139–154. doi: 10.1080/02529203.2014.900889

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazhayemyye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kanon-Press, Kuchkovo pole.
2. Castells, M. (2010). *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing.
3. Dugin, A. G. (2015). Novorossiia – krakh ili vzlot dlya Rossii [Novorossiia: collapse or takeoff for Russia]. *Molodaya gvardiya*, 9, 244–248.
4. Giddens, A. (2004). *Uskol'zayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn'* [An elusive world. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir.
5. Giddens, A. (2010). *Natsional'nyye gosudarstva v global'nyu epokhu* [Nation states in the global era]. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House (In Chinese).
6. Grosser, A. (2010). *The dilemma of Identity*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
7. Han, Zhen. (2010, August 24). Natsional'naya identichnost' v epokhu globalizatsii [National identity in the era of globalization]. *China Social Science News*,

117 (In Chinese).

8. Huntington, S. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.

9. Huntington, S. (1994). Stolknoveniye tsivilizatsiy? [Clash of Civilizations?]. *Political studies*, 1, 33–48.

10. Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

11. Huntington, S. (2003). *Kto my? Vyzovy amerikanskoj national'noj identichnosti* [Who are we? Challenges to American National Identity]. Moscow: ACT, Transitbook.

12. Huntington, S. (2003). *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST.

13. Ivanova, N.A. (2016). Tendentsii izmeneniya arkhitektury bezopasnosti Yevrazii [Changes in the security architecture of Eurasia]. In *International seminar "China and Eurasia: new opportunities and new challenges"* (In Chinese).

14. Levina-Kramer, E. A. (2008). "Kul'turnaya" i "etnicheskaya" identichnosti kak kategorii sotsial'noj nauki ["Cultural" and "ethnic" identity as a category of social science]. In *Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research. Part 2* (pp. 114–116). Ekaterinburg: Ural University Press.

15. National identity and the future of Russia [Natsional'naya identichnost' i budushcheye Rossii]. (2014). *Report of the Valdai International Discussion Club*. Moscow.

16. Panov, P.V. (2007). Politicheskoye soobshchestvo: konstruirovaniye i institutsionalizatsiya [Political community: construction and institutionalization]. *Political studies*, 1, 94–103.

17. Piano, J., & Olton, R. (1988). *The International Relations Dictionary*. Santa Barbara (CA), Oxford: ABC–CLIO.

18. Tishkov, V.A. (2008). Rossiyskiy narod i natsional'naya identichnost' [Russian people and national identity]. *Russia in global affairs*, 6(4), 135–142.

19. Zhuojun, W., & Hualing, H. (2014). National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. *Social Sciences in China*, 35(2), 139–154. doi: 10.1080/02529203.2014.900889

«ПЕРЕДАВАЯ СЕГОДНЯ СИМВОЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ...» – ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЯ УХОДЯЩЕГО С ДОЛЖНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Гаврилова Марина Владимировна,

Санкт-Петербургский государственный институт кино
и телевидения,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербург, Россия,
ORCID: 0000-0001-9100-7694,
E-mail: politlinguistics@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2020, принята к публикации 29.12.2020

Для цитирования: Гаврилова М.В. «Передавая сегодня символ государственной власти...» – дискурсивные особенности выступления уходящего с должности президента России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 31-47. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-31-47

Аннотация

Цель данной статьи – выявить тематические и композиционные особенности выступления уходящего с должности президента России.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования дискурсивных форм передачи государственной власти, лингвистических механизмов интертекстуальности идеологически значимых текстов, а также важностью изучения нового жанра русского политического дискурса.

Основным методом исследования является дискурс-анализ, который заключается в выявлении как вербальных компонентов (сочетание языковых знаков, их распределение в речевой линии), так и прагматических факторов (ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативные и прагматические установки автора).

© Гаврилова М.В., 2021

Материалом исследования является речь Б. Н. Ельцина, произнесенная на инаугурации В. В. Путина в 2000 г. Выбор этого выступления обусловлен, во-первых, важной ролью данных текстов в системе политической коммуникации, поскольку, являясь последним политическим заявлением президента, они представляют обществу итоги его правления и видение перспектив развития страны; во-вторых, малой изученностью данного типа политического текста.

Наши наблюдения показали, что основными темами выступления Б. Н. Ельцина являются: значимость происходящего политического события в истории страны, достижения в период правления президента, роль президента в истории страны и обращение к новому президенту с напутствием.

Выступление Б. Н. Ельцина состоит из следующих композиционных элементов: обращение (1 абзац) – введение (2 абзац) – основная часть (3–5 абзац) – обращение (6 абзац) – кульминационный финал (7 абзац). Политик использует кольцевую структуру построения речи. Мы пришли к выводу, что основным структурным принципом организации речи является противопоставление, которое организует семантический контраст и формирует эффект поляризации представлений, в том числе политических.

Речь первого президента России можно охарактеризовать как напутствие новому поколению политиков и, в частности, В. В. Путину как новому руководителю страны.

Применяя коммуникативную тактику «положительная самопрезентация», Б. Н. Ельцин конструирует свой политический образ как основателя нового государства.

В качестве основных политических ценностей Б. Н. Ельцин провозглашает свободу и демократию. При этом свобода располагается в семантическом поле «борьба».

Ключевые слова:

русский политический дискурс, инаугурация, президент России, политическая лингвистика, речевой жанр, торжественная речь президента.

UDC 811.161+138+142+329

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-31-47

“TRANSMITTING TODAY A SYMBOL OF STATE POWER...” – DISCURSIVE FEATURES OF THE OUTGOING PRESIDENT’S SPEECH

Marina V. Gavrilova,

Saint-Petersburg State University of Film and Television,
Doctor of Philology, Professor,
Saint-Petersburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-9100-7694,
E-mail: politlinguistics@yandex.ru

Article received on November 10, 2020, accepted on December 29, 2020

To cite this article: Gavrilova, M.V. (2021). "Peredavaya segodnya simvol gosudarstvennoj vlasti..." – diskursivnye osobennosti vystupleniya uxodyashhego s dolzhnosti prezidenta Rossii ["Transmitting today a symbol of state power..." – discursive features of the outgoing president's speech]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 31–47. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-31-47

Abstract

The objective of this article is to examine the thematic and compositional features of the outgoing President's speech.

It is important to study this text, because it helps scholars to investigate the discursive forms of the transition of state power, the linguistic mechanisms of the intertextuality of political texts, and the new genre of Russian political discourse.

Drawing on discursive analytical approach, linguistic pragmatics and content analysis we identify both verbal components (a combination of linguistic signs, their distribution in a speech line) and pragmatic factors (situations of generation and perception of a text, author's communicative and pragmatic attitudes).

The research material is the Boris Yeltsin's speech at the inauguration of Vladimir Putin in 2000. We have chosen this speech, because, firstly, it plays the important role in political communication, i. e., being the last political statement of the President, it presents citizens the results of his management and the vision of the country's development; secondly, there is a lack of knowledge on this new genre in political linguistics.

Our findings reveal that the main topics of Boris Yeltsin's speech are: the significance of the current political event in the post-Soviet history, achievements of the presidential administration, the role of the President in the country's history, and the address to the new President.

It was found that a speech composition consists of the several elements: beginning (1 paragraph) – introduction (2 paragraph) – main part (3–5 paragraph) – addressing (6 paragraph) – finale (7 paragraph). The politician uses a circular text structure. The results also show that the main structural principle of the speech is opposition, which organizes semantic contrast and forms the effect of polarization of ideas, including political ones.

The speech of the first President of Russia can be described as a guidance message to a new generation of politicians and, in particular, to Vladimir Putin as the new leader of the country.

Using the communicative tactic of "positive self-presentation", Boris Yeltsin constructs his political image as the founder of a new state.

Boris Yeltsin proclaims freedom and democracy as the main political values. Moreover, freedom is located in the semantic field "struggle".

Keywords:

Russian political discourse, inauguration, President of Russia, political linguistics, genre, presidential speech.

Введение

Инаугурация является сложным коммуникативным событием, где каждый элемент контекстной модели и вербальной структуры имеет четкую идеологическую направленность (Гаврилова, 2004; Шейгал, 2000; Beasley, 2001; Lim, 2004; Liu, 2012). Церемония вступления в должность президента России призвана засвидетельствовать законный и мирный переход государственной власти от одного президента другому. Передача и преемственность политической власти выражается: 1) посредством символических действий (например, участие обоих президентов в числе действующих лиц на подиуме, передача символов президентской власти от одного президента другому, рукопожатие президентов, совместное участие в смотре Президентского полка); 2) с помощью речевых действий (например, речь уходящего с должности президента и инаугурационное выступление вступившего в должность президента, в котором упоминаются заслуги предшественника; благодарность за службу уходящего с должности президента и поздравление с годовщиной образования Президентского полка вступившего в должность президента); 3) посредством символов президентской власти (штандарта президента Российской Федерации и знака президента).

Цель данной статьи – выявить тематические и композиционные особенности выступления уходящего с должности президента России.

Материалом исследования является речь Б.Н. Ельцина, произнесенная на инаугурации В.В. Путина в 2000 г. Выбор этого выступления обусловлен, во-первых, важной ролью данного текста в системе политической коммуникации, поскольку, являясь последним политическим заявлением президента, текст представляет обществу итоги его правления и видение перспектив развития страны; во-вторых, малой изученностью данного типа политического текста. По нашим сведениям, речь уходящего с поста президента не являлась материалом исследования в российской политической лингвистике. Кроме того, в ходе анализа привлекаются инаугурационные речи российских президентов и идеологически значимые выступления Б.Н. Ельцина.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования дискурсивных форм передачи государственной власти, лингвистических механизмов интертекстуальности политических текстов, а также важностью изучения нового жанра русского политического дискурса.

Основным методом нашего исследования является дискурсивный анализ, который заключается в выявлении как вербальных компонентов (сочетание языковых знаков, их распределение в речевой линии), так и прагматических факторов (ситуации порождения и восприятия текста, коммуникативные и прагматические установки автора).

Изучение дискурсивных особенностей политической речи предполагает выявление глобальной организации текста. Это значит, что мы исследуем структуры на уровне единиц больше предложения. Это схематическая суперструктура и тематическая макроструктура, которые, являясь формальными категориями, определяют возможную упорядоченность и иерархическую организацию дискурса (Дейк, 1987, с. 131). Согласно Т. ван Дейку, тематическая макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания дискурса. Макроструктура

представляет собой последовательность макропропозиций, т. е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам (так называемым макроправилам). К числу таких правил относятся правила сокращения, обобщения и построения (Дейк, 1987, с. 42). Под схематической суперструктурой понимается стандартная схема, по которой строятся конкретные дискурсы (Дейк, 1987, с. 41).

Результаты исследования

Важным этапом дискурс-анализа является изучение контекста коммуникативного события, поскольку значение дискурса включает ситуацию, окружающую человека в момент совершения речевого акта, и настаивает на такой её важной характеристике, как динамическая целостность.

Рассмотрим коммуникативную ситуацию произнесения речи Б.Н. Ельциным на первой инаугурации В.В. Путина. Напомним, что Б.Н. Ельцин 31 декабря 1999 г. выступил с заявлением, в котором сообщил о своем досрочном уходе с поста президента, подчеркнув, что *«Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми»*. Президент объяснил свое решение об отставке следующим образом: *«Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее?! Почему я должен ему мешать, зачем ждать еще полгода? Нет, это не по моему характеру!»* (Ельцин, 1999). Президент подписал указ о возложении обязанностей президента России на В.В. Путина, который через несколько месяцев победил на президентских выборах.

В 2000 г. Б.Н. Ельцин, участвуя в инаугурации В.В. Путина, выполняет различные коммуникативные роли, что, вероятно, связано с формирующейся процедурой церемонии и новизной политической ситуации. Поскольку Ельцин досрочно сложил с себя полномочия президента, то на церемонии он присутствовал в качестве гостя (наблюдателя). Однако находился на подиуме вместе главой Центризбиркома А. Вешняковым, председателем Конституционного Суда М. Баглаем, председателем Госдумы Г. Селезневым и председателем Совета Федерации Е. Строевым, т. е. фактически выполнял функции уходящего с поста президента. Кроме того, Ельцин произносил речь, т. е. выступал в роли активно действующего лица коммуникативного события. Неопределенность функции руководителя страны, ушедшего досрочно в отставку, была устранена при помощи объявленной диктором номинации *«Первый Президент Российской Федерации»*.

Выступление уходящего президента было впервые встроено в церемонию инаугурации российских президентов. Формированием процедуры торжественного политического события и новизной демократического способа передачи государственной власти можно объяснить место выступления Б.Н. Ельцина, разрывающего присягу и инаугурационную речь избранного президента. Таким образом, последовательность речевых действий была такова: присяга В.В. Путина – выступление Б.Н. Ельцина – инаугурационная речь В.В. Путина. Отметим, что в дальнейшем количество и порядок речевых действий уходящего с должности президента будут изменены в инаугурационном церемониале.

Тематическая структура речи уходящего с должности президента

Обратимся к анализу речи Б. Н. Ельцина, произнесенной на инаугурации В. В. Путина в 2000 г. Эту речь можно с полным правом назвать прощальной, поскольку Б. Н. Ельцин после своей отставки не планировал активно заниматься политической деятельностью.

Текст выступления содержит 353 слова и состоит из 21 предложения, объединенных в 7 абзацев. На тематическом уровне дискурса методом свертывания информации мы выделили семантические макропропозиции, образующие семантический каркас выступления.

1 абзац. Обращение.

2 абзац. Сегодня историческое событие в жизни страны: в должность вступил новый президент России.

3 абзац. Новое поколение политиков должно строить новую Россию.

4 абзац. Было много испытаний и трудностей. Но Россия изменилась. Мы защитили свободу.

5 абзац. Впервые передача президентской власти проходит законно и мирно.

6 абзац. Обращение.

7 абзац. Я передаю избранному президенту символ президентской власти. Владимир Путин ответственен за судьбу страны. «Берегите Россию».

После определения семантических макропропозиций перейдем к составлению информационного портрета текста, представляющего собой наиболее важные в смысловом отношении предложения. Алгоритм реферирования основан на выборе из текста готовых предложений, которые содержат наибольшее число наиболее часто встречающихся понятий, иногда – с учетом связей понятий. Таким образом, информационный портрет документа раскрывается в форме последовательности цитат, отобранных из оригинала (Ермаков, 2000). Краткое изложение прощальной речи может быть представлено следующим образом: Поздравляю Вас с историческим по своим меркам событием в жизни страны: официально вступил в должность новый президент России.

Необходимым этапом анализа тематической структуры является определение в тексте частоты употребления слов с тем, чтобы выявить наиболее информативные и значимые слова выступления. Статистический анализ показал, что в прощальной речи Б. Н. Ельцина ключевыми словами являются: *Россия* (8 словоупотреблений), *мы* (7), *я* (6), *страна* (5), *новый* (5), *вы* (5), *они* (5), *россияне* (4). Наиболее часто повторяющиеся имена существительные образуют концептуальную модель: Россия, страна – россияне – новый – мы, я, они, вы.

Наши наблюдения показали, что основными темами выступления Б. Н. Ельцина являются: значимость происходящего политического события в истории страны, достижения в период правления президента, роль президента в истории страны и обращение к новому президенту с напутствием.

Тема передачи государственной власти является важной в речи Б. Н. Ельцина, поскольку, во-первых, в политическую жизнь вводится новая форма перехода властных полномочий, во-вторых, это политическое действие происходит впервые в постсоветской России. В связи с этим первый президент России считает необходимым определить событие, наделить его

определенными признаками, указать на условия перехода власти, описать личное (эмоционально-возвышенное) отношение к событию.

Б.Н. Ельцин (2000) начинает свое выступление, поздравляя россиян с *«историческим по своим меркам событием в жизни страны: официально вступил в должность новый Президент России»*. Президент указывает на важность и значимость процедуры передачи власти, которая проходит публично и с соблюдением всех формальностей.

Президент (2000) подчёркивает уникальность события в политической жизни России и его законный характер: *«Сегодня впервые за столетие происходит законная передача полномочий от одного главы государства другому»*. В стране формируется новый тип политической культуры, когда передача власти *«происходит мирно, уважительно, достойно»*.

Президент (2000) не только называет атрибуты новой формы перехода власти, но и его условия: *«Такое возможно только в свободной стране»* и *«конечно, возможно только в новой России, которая научила людей свободно мыслить и жить»*. Иными словами, по мнению Б.Н. Ельцина, мирная и законная передача власти может происходить только в свободной стране, граждане которой имеют возможность действовать и мыслить свободно.

Президент (2000) говорит о том, что подготовка к передаче государственной власти проходила достаточно сложно. И то, что переход власти осуществляется законно и мирно, является поводом для гордости: *«Сегодня впервые за столетие происходит законная передача полномочий от одного главы государства другому. Конечно, это непросто, и мы должны гордиться, что это происходит без переворотов, без путчей, без революций – происходит мирно, уважительно, достойно»*. Кроме того, Б.Н. Ельцин указывает на недопустимые условия для перехода государственной власти, в частности, когда случается резкое изменение существующей общественно-политической системы (*переворот*), в результате государственного переворота, совершенного группой заговорщиков (*путч*), когда происходит коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя (*революция*).

Б.Н. Ельцин не только указывает на историческое значение передачи власти, но и выражает свое личное отношение к ней. Отметим, что экспликация эмоционального состояния характерна для речевого портрета Б.Н. Ельцина (Гаврилова, 2012). И в прощальной речи политик выражает личное отношение к происходящему событию при помощи лексических и фразеологических единиц, описывающих его душевное волнение и приподнятое настроение: *«откровенно»*, *«искренне»*, *«волнующий»*, *«от самого сердца»*. Б.Н. Ельцин говорит о значимости события в его личной судьбе (*«Для меня этот день – тоже очень торжественный и волнующий, хотя, откровенно говоря, я этого не ожидал»*), об искренности своих слов (*«Эти слова искренни, идут от самого сердца, и я не могу иначе»*). Уместно вспомнить, что свое первое выступление в роли президента Б.Н. Ельцин тоже начинает с экспликации эмоционального состояния: *«Невозможно передать словами душевное состояние, которое я переживаю в эти минуты»* (Ельцин, 1991).

Следующая тема прощальной речи Б.Н. Ельцина – это подведение итогов развития страны в период исполнения должности президента.

Президент представляет обществу достижения страны в период своего правления в виде двух тезисов: «Россия изменилась: это новая и свободная страна», и «Главное наше завоевание – свобода».

Говоря об итогах своей деятельности, Б. Н. Ельцин (2000) указывает на результаты во внешней («Мы сохранили достойное место России в мировом обществе») и во внутренней политике («не дали стране скатиться к диктатуре, не допустили смуту, открыли путь к нормальному жизнеобеспечению людей»). Отметим, что эффективность и законченность действий выражается при помощи глаголов совершенного вида прошедшего времени: *сохранили, не дали, не допустили, открыли*.

Примечательно, что результаты внешнеполитической деятельности описываются при помощи сем «сберечь», «оставить в силе», «не утратить», т. е. сохранение существующего положения вещей на мировой сцене воспринималось Б. Н. Ельциным как положительный результат государственной службы.

Отрицательная частица *не* и отрицательные коннотативные значения слов *скатиться, диктатура, смута* формируют отрицательный контекст в представлении итогов внутриполитической деятельности. Главная задача в деятельности президента – избежать разрушительных процессов в построении нового государства. В частности, не допустить нежелательных действий (*не дать скатиться, не допустить*) и опасных политических явлений (ничем не ограниченная власть, мятеж и народные волнения).

Результаты государственной работы в социально-экономической области сформулированы при помощи предложения «Мы <...> открыли путь к нормальному жизнеобеспечению людей». Иными словами, мы положили начало развитию, указав направление деятельности для достижения цели. Однако «успехи на этом пути – дело времени и напряженной работы», т. е. положительные итоги и удачное завершение начатого пути – это политическая задача и сфера ответственности нового президента.

При этом мы наблюдаем изменение семантики целеполагания в идеологически значимых выступлениях президента. Если в первой инаугурационной речи президент определяет цель политической деятельности как благополучие («Смыслом нашей политики является <...> благо каждого человека, его интерес») (Ельцин, 1991), то вступая в должность президента во второй раз, политик формулирует цель как повышение уровня жизни («Добиться роста уровня жизни каждой российской семьи. В этом вижу свою главную задачу») (Ельцин, 1996). И в прощальной речи результаты достижения поставленных целей президент представляет посредством слова *жизнеобеспечение*. При этом политик уточняет значение слова прилагательным *нормальный*, т. е. «обычный», «хороший».

Мы наблюдаем сужение семантического значения слов: «спокойное и счастливое состояние, жизнь в достатке» (Современный словарь русского языка, 2004, с. 46) – «уровень материального благополучия, характеризующийся объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления» – «обеспечение условий сохранения жизни». Добавим, что концепт русской ментальности «благополучие»¹ трансформируется в экономический термин

¹ Благополучие – материально обеспеченная (благосостояние) жизнь человека и общества при отсутствии существенных неприятностей и бед (благо получено во вла-

«уровень жизни» и далее в слово *жизнеобеспечение*, используемое в ограниченных тематических контекстах (выживание человека в сложных условиях). Таким образом, в обозначении цели и результата политической деятельности происходит семантический сдвиг: от материального достатка к физическому выживанию людей.

Подводя итоги развития страны, Б. Н. Ельцин обращается к теме новизны, которая передается при помощи частотного применения прилагательного *новый*. Показателен выбор определяемого существительного, когда словосочетания выстраивают идеологическую перспективу: *новая Россия – новое поколение государственных людей – новый президент России*. Президент использует такое риторическое средство, как лексические повторы, трижды употребляя в основной части выступления выражение «*новая Россия*», тем самым актуализируя в сознании аудитории представление об обновлении страны. Ср.: «*в радикальном обновлении нуждается и Российская Федерация*» (Ельцин, 1991). Добавим, что тема новизны являлась основной и во второй инаугурационной речи президента, и также выражалась лексически с помощью прилагательного *новый*: «*новые люди*», «*новая Россия*», «*новые идеи и методы работы*», «*новый состав [Правительства]*» (Ельцин, 1996).

Примечателен контекст функционирования сочетания «*новая Россия*», где оно используется как результат в настоящем событий прошлого («*мы писали историю новой России с чистого листа*»), так и в контексте будущего времени («*Мы должны строить новую Россию*»). Контекстуальное окружение словосочетания не позволяет уточнить, *новая Россия* – это уже свершившееся настоящее состояние страны или желаемый идеал будущего.

Политик метафорически представляет Россию, используя прагматический потенциал модели «Россия – это наставник и учитель»: «*в новой России, которая научила людей свободно мыслить и жить*». Отметим, что сам выбор метафорической модели призван подчеркнуть успехи страны. И в первой инаугурационной речи, и в прощальном выступлении Б. Н. Ельцин использует метафору персонализации, уподобляя Россию человеку. Но если в 1991 г. страна сравнивалась с униженным существом («*великая Россия поднимается с колен*»), то после девяти лет исполнения должности президента Россия сопоставляется с человеком, обладающим высоким авторитетом для граждан.

Президент утверждает, что положительные перемены в жизни страны произошли, поскольку *мы* (Президент? Представители государственной власти? Граждане России?) с особой заботой относились к стране, бережно её охраняли, «*берегли её как зеницу ока*». Значение фразеологического выражения «*беречь как зеницу ока*» актуализирует восприятие России как важной общественной ценности.

Главным достижением своего правления Б. Н. Ельцин считает обретение гражданами свободы², которая была завоевана, которую защищали: «*Россия*

дение); бытовое счастье, которое не располагает к активным действиям и развитию характера (Колесов, В. В. Колесова, Д. В., Харитонов, А. А. (2014). *Словарь русской ментальности. В 2 т.* (Т. 1, с. 48). СПб.: Златоуст).

² Сохранить в общественной памяти идею о том, что свобода – это главное достижение Б. Н. Ельцина как политика и президента, – одна из задач музея Бориса Ельцина

изменилась. *Изменилась потому, что мы <...> твердо защищали главное наше завоевание – свободу*». Основательность утверждения о главенстве свободы подкрепляется использованием риторической фигуры «стык» («Россия изменилась. Изменилась...»), демонстрирующей логичность и последовательность изложения. Обращает на себя внимание употребление президентом лексики, используемой в военной сфере: *завоевание, защищать*. Лексическое значение слов («добиваться настойчивостью», «оградить от посягательств и враждебных действий», «верность убеждениям», «решительность»), используемых в определенном контекстуальном окружении, позволяет воссоздать в сознании аудитории ситуации сложной политической борьбы, характерной для 1990-х гг.

Уместно заметить, что Б.Н. Ельцин дважды в выступлении указывает на поводы гордиться успехами пройденного страной пути. Во-первых, это новое состояние России: *«сейчас всем нам есть чем гордиться – Россия изменилась»*. Во-вторых, мирная передача государственной власти: *«мы должны гордиться, что это происходит без переворотов, без путчей, без революций – происходит мирно, уважительно, достойно»*.

Показательно, что для представления итогов деятельности государственного аппарата под руководством Б.Н. Ельцина, как правило, используется синтаксическая структура «Мы + глагол совершенного вида прошедшего времени». Морфологические показатели глагола позволяют выразить законченность и результативность действий, а использование местоимения *мы* позволяет соблюсти нормы русского речевого этикета (скромность оратора), а также включить в круг активных деятелей не только политические силы, но и граждан.

Следующая тема в выступлении Б.Н. Ельцина – это определение роли президента и, в частности, его личности в истории страны.

Б.Н. Ельцин подчеркивает, что главное в деятельности президента – это ответственность за страну и сограждан. Это утверждение соединяет тексты инаугурационной и прощальной речи политика, формируя интертекстуальные связи президентского дискурса. Ср.: *«Президент – не Бог, не новый монарх, не всемогущий чудотворец, он гражданин, облеченный огромной ответственностью за судьбу России, своих сограждан»* (Ельцин, 1991); *«Я передаю ему не просто символ президентской власти, он получает главное – ответственность за судьбу страны, всех россиян»* (Ельцин, 2000); *«Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, за все, что происходит в стране»* (Путин, 2000). Примеры показывают, что в понимании ответственности как

в Екатеринбурге. Один из разделов экспозиции называется Зал Свободы. На сайте музея можно прочесть: «Этот зал – центральный в музее первого президента России. Здесь вы можете услышать, что значит слово «свобода» для самых разных людей – от бывшего президента Украины Леонида Кучмы до актрисы Лии Ахеджаковой, от 42-го президента США Билла Клинтона до телеведущего Ивана Урганта, от писателя Михаила Жванецкого до музыканта Андрея Макаревича. Не согласны с ними? У вас есть возможность высказать собственную позицию. Специальная студия, которая находится в этом зале, дает вам шанс записаться на видео, которое позже появится на экранах, расположенных в «Зале Свободы». Таким образом, каждый из вас может стать участником открытой дискуссии о гражданских правах и свободах». Взято 01.10.2020, с <https://yeltsin.ru/museum/#about>

характеристики должности президента политики актуализируют семы «серьезность», «важность», «долг», «общество», «обязанность».

Б.Н. Ельцин представляет себя в роли основателя нового государства («*Да, мы писали историю новой России с чистого листа*»), политика, стоящего во главе первопроходцев, которым пришлось пройти тяжелый путь к созданию свободной страны («*методом проб и ошибок, было много нелегких испытаний, много трудностей*»).

Президент является авторитетным политиком, который, покинув должность, вправе определять стратегию развития страны: «*Мы должны строить новую Россию*».

Перейдем к рассмотрению предложений, описывающих деятельность президента. Это предложения, в которых политик представлен в качестве субъекта предложения, т.е. активно действующего лица, а также предложения, где контекст позволяет легко восстанавливать Я-субъект. Данные предложения являются одним из средств выражения персональности как текстообразующей категории. Обратим особое внимание на глаголы, обозначающие действия президента.

Мы выяснили, что Б.Н. Ельцин описывает свои действия в 8 предложениях при помощи глаголов *поздравлять*, *(по)желать*, *(не) ожидать*, *передавать*, *мочь*, *повторить* и *говорить*. Семантический анализ данных глаголов показал, что более половины из них относятся к лексико-семантической группе «Глаголы речевой деятельности». Типовая семантика глаголов речи – сообщить адресату о ком (чём)-либо. При этом некоторые глаголы (*поздравлять*, *желать*) являются перформативами, т.е. их произнесение равносильно совершенному действию. Заметим, что перформативные высказывания нередко используются в ходе проведения разного рода церемоний.

Наши наблюдения показали, что семантическая структура предложений, описывающих действия политика, в основном представлена моделью «субъект – его действие как акт речи», а также употребляется структура «субъект – его внутреннее состояние».

Добавим, что преимущественно для описания своих действий Б.Н. Ельцин употребляет глаголы настоящего времени несовершенного вида, выражающие действие в процессе его протекания в актуальном переживаемом моменте. Иными словами, действия президента ограничены временными рамками актуальной ситуации вступления в должность нового президента России.

Завершая политическую карьеру, Б.Н. Ельцин обращается с пожеланием к народу: «*Желаю <...> всему российскому народу добра и процветания*». Добро – категория этики, имеющая положительное нравственное значение, а процветание как «успешное развитие», «благоденствие» употребляется в контекстах, связанных с материальным благополучием. Полагаем, что пожелание президента можно рассматривать и как перспективу развития самого общества (к чему граждане должны стремиться), и как результат политической деятельности вступающего в должность президента (достижению чего должно способствовать новое руководство страны).

Нам представляется, что важным этапом анализа прощальной речи может являться сопоставление динамики развития политических ценностей, которые провозглашает президент в начале и по завершении срока исполнения должности президента.

Так, впервые вступая в должность президента России, Б. Н. Ельцин провозгласил те ценности, которые были значимы в то время и для политического руководства, и для большей части общества: *достоинство, благополучие, мир, свобода, возрождение России, реформы* (Ельцин, 1991).

Во второй инаугурационной речи президент, следуя изменениям общественного настроения, смещает акцент на важность семейных ценностей: *«Мы хотим и добьемся того, чтобы в каждый город, в каждую деревню вошли процветание и порядок, чтобы в каждый российский дом пришел достаток»* (Ельцин, 1996).

И, завершая политическую карьеру, президент считает необходимым вновь актуализировать в общественном сознании те ценности, которые помогли ему на выборах стать первым президентом России. Кроме того, можно предположить, что эти ценности являются значимыми в системе политических представлений Б. Н. Ельцина. Речь идет о *демократии, свободе и достоинстве*.

Так, в прощальной речи президент использует словосочетание *«ценности демократии»*. Примечателен сам факт употребления слова *демократия* в выступлении, несмотря на то, что оно в силу переосмысления данного политического понятия использовалось как в положительном, так и в отрицательном контексте, и наделялось отрицательными коннотациями в публичных политических спорах конца 1990-х гг. Кроме того, обратим внимание на сочетаемость слов *«ценности демократии»*. Лексическое значение существительного *ценность* (во мн. ч.) создает положительный контекст восприятия слова *демократия*. Отметим, что утверждения о важности демократии и свободы как ориентиров развития страны адресуются политиком не только российской аудитории, но и мировому сообществу: *«Россия доказала всему миру, что она – демократическая страна, что мы верны своему выбору в пользу свободы и демократии»* (Ельцин, 1996).

Мы обратили внимание на то, что одно из речевых намерений Б. Н. Ельцина на инаугурации нового президента – это напутствие (поучение, советы на будущее) избранному президенту. Примечательно, что в последующих прощальных речах российских президентов эта интенция будет отсутствовать.

Речевая манифестация коммуникативных отношений «старший – младший» и «первый – последующим» осуществляется посредством, во-первых, постановки цели деятельности избранному президенту (*«Ваша цель – оправдать эти надежды»*), во-вторых, формулирования завета, т. е. наказа, данного последователю (*«Берегите Россию»*), в-третьих, грамматического признака, выражающего волеизъявление, т. е. формы повелительного наклонения глагола, в-четвертых, лексического значения слова *повторить* при актуализации завета (*«и хочу повторить слова, которые я Вам когда-то говорил: «Берегите Россию»*), в-пятых, называнием избранного президента без упоминания отчества, что нехарактерно для правил речевого этикета в официальном общении (*«С этого дня начинается официальный отсчет президентства Владимира Путина»*). Полагаем, что использование данных языковых средств позволяет Б. Н. Ельцину продемонстрировать аудитории свою политическую значимость и авторитет. Коммуникативная тактика «положительная самопрезентация», которой следует Б. Н. Ельцин, приводит к нарушению равенства коммуникативных ролей между уходящим президентом и избранным президентом. Вероятно, причина такого речевого поведения может заключаться в том, что В. В. Путин в должности

премьер-министра работал под руководством Б.Н. Ельцина, а также именно Б.Н. Ельцин назначил исполнять обязанности президента В.В. Путина, показав тем самым, что доверяет ему управление страной.

Схематическая структура выступления

Выступление Б.Н. Ельцина состоит из следующих композиционных элементов: обращение (1 абзац) – введение (2 абзац) – основная часть (3–5 абзац) – обращение (6 абзац) – кульминационный финал (7 абзац). Политик использует кольцевую структуру построения речи, которая начинается поздравлением россиян, пожеланием новому президенту и заканчивается словами напутствия и пожелания В.В. Путину. Кольцевая композиция дает возможность оратору, завершая выступление, вернуться к сказанному в зачине на новом уровне осмысления текста.

Наши наблюдения показали, что основным структурным принципом организации речи является противопоставление, которое организует семантический контраст и формирует эффект поляризации представлений, в том числе политических. Противоположение организуется при помощи следующих тематических оппозиций: 1) опытные политики («мы») – новое поколение политиков («*новое поколение государственных людей, политиков*»); 2) законная передача государственной власти, которая осуществляется «*мирно, уважительно, достойно*» – перевороты, путчи, революции; 3) прежняя страна – новая Россия.

Делая заявление об уходе в отставку, Б.Н. Ельцин уже тогда говорил о том, что «*Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными, сильными, энергичными людьми. А мы – те, кто стоит у власти уже многие годы, – мы должны уйти*» (Ельцин, 1999). Президент дал объяснение, почему важна смена поколений: новые политики могут «*сделать больше и лучше*» (Ельцин, 1999). Выступая на инаугурации В.В. Путина, Б.Н. Ельцин описывает характеристики нового поколения политиков. Во-первых, они разделяют демократические взгляды. Президент употребляет выражение «*политики, твердо приверженные ценностям демократии*». Показательно, что Б.Н. Ельцин использует слово *ценность*, усиливая идею о важности демократии, и уточняет признак качества *твердо*, подчеркивая, что политики останутся верными своим политическим убеждениям.

Политики, давно находящиеся у власти, помещены в отрицательное контекстное окружение, которое создается лексическими значениями слов, описывающих старожилов власти: «обычный постоянный образ жизни», «минувшее время», «не отвечать современным требованиям», «положение, неизменное при всех обстоятельствах», «лишить возможности двигаться или действовать активно». Иными словами, старшее поколение политиков характеризуется негативными признаками: привычный, прошлый, жесткий и косный. Преимущества нового поколения политиков, по мнению президента, связаны со способностью создавать иной образ действий и изменять образ мысли: «*они гораздо меньше, чем мы, скованы привычками прошлого, они смелее работают с устаревшими догмами и справляются с этим*». Сопоставление поколений политиков осуществляется при помощи использования сравнительной степени наречий: *легче, меньше, смелее*.

Следующая оппозиция представлена так, что один из ее членов выражен имплицитно. Противоположная новой России страна не названа, и ее характеристики можно реконструировать только исходя из эксплицитно представленного описания новой страны. Напомним, что отрицание советского прошлого – это одна из основных тем выступлений Б.Н. Ельцина. Можно предположить, что та, прежняя страна была несвободной, она боялась других и себя, страшилась собственной власти, закрепощала граждан и лишала их свобод. В той стране люди разучились свободно мыслить и жить. Таким образом, Россия прошлого характеризуется президентом при помощи семантики закрепощения, страха и лишений.

Перейдем к рассмотрению композиционных элементов выступления. Традиционно выступление президента начинается с обращения: «*Уважаемые участники торжественной церемонии, дорогие россияне!*». Известно, что основная цель обращения – установление контакта с аудиторией. Языковые средства выражения позволяют разграничить два типа аудитории. Во-первых, узкий круг собравшиеся в зале лиц: *участники церемонии*. К ним президент обращается, используя нейтральную форму вежливости, официальную форму обращения к другому лицу: *уважаемые*. Во-вторых, Б.Н. Ельцин адресует свою речь широкой аудитории, а именно всем гражданам страны. И при этом использует прилагательное *дорогой*, подчеркивая доверительное отношение к адресату. Добавим, что Б.Н. Ельцин использует слово *россияне*, ставшее одним из лексических маркеров его речевого портрета.

Следует отметить четкое разграничение начальной и заключительной части выступления при помощи обращения. На наш взгляд, этот прием подчеркивает важность этих рамочных элементов для схематической организации текста и их значимость в тематической структуре выступления. Таким образом, стилистический прием «обращение» в прощальной речи Б.Н. Ельцина выполняет специфическую функцию, маркируя композиционные элементы выступления.

В своем заключительном выступлении Б.Н. Ельцин (2000) дважды использует речевой акт пожелания по отношению к избранному президенту: «*Желаю Владимиру Владимировичу Путину достойно исполнять нелегкие президентские обязанности*», «*хочу пожелать Вам, Владимир Владимирович, успехов и удачи*». Примеры показывают, что одно пожелание Б.Н. Ельцина относится к профессиональной деятельности политика, второе распространяется на все сферы жизни человека. Выражая надежду на благополучие в жизни В.В. Путина в будущем, президент выбирает два слова: *успех* и *удача*. Иными словами, Б.Н. Ельцин желает новому президенту положительных результатов, удачного завершения дел, общественного признания, а также счастливого, благоприятного стечения обстоятельств, которые будут способствовать желательному исходу дела.

Отметим, что чем выше статус и роль адресата, чем официальной обстановкой общения, тем вежливее пожелание. Б.Н. Ельцин использует устойчивую синтаксическую модель «желать + существительное в родительном падеже/инфинитив» и клишированные выражения (желаю успехов, удачи).

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что изучение тематической структуры дискурса позволяет выявить те социально-политические явления, которые являются

значимыми в системе идеологических представлений политика. Кроме того, топики, управляя процессами внимания, влияют на понимание и усвоение политических знаний, эксплицированных в тексте.

Тематическая структура прощальной речи Б. Н. Ельцина состоит из следующих элементов: значимость происходящего политического события в истории страны, достижения в период правления президента, роль президента в истории страны и обращение к новому президенту с напутствием.

Мы установили, что Б. Н. Ельцин наделяет переход президентской власти таким атрибутами, как мирный, уважительный, достойный и законный. И утверждает, что вступление в должность избранного президента должно проходить официально. Президент подчеркивает, что первый в истории постсоветской России факт мирной и законной передачи государственной власти является уникальным и значимым политическим событием.

Речь первого президента России можно охарактеризовать как напутствие новому поколению политиков и, в частности, В. В. Путину как новому руководителю страны. Применяя коммуникативную тактику «положительная самопрезентация», Б. Н. Ельцин конструирует свой политический образ как основателя нового государства.

В качестве основных политических ценностей Б. Н. Ельцин провозглашает свободу и демократию. При этом свобода располагается в семантическом поле «борьба».

Мы пришли к выводу, что идея обновления страны является одной из основных в системе политических представлений Б. Н. Ельцина, а существительные, сочетающиеся с прилагательным *новый*, позволяют определить идеологические задачи политика в определенные периоды политической деятельности.

Композиция выступления уходящего с должности президента представляет собой трехчастную кольцевую структуру. В речи используются такие этикетные явления, как поздравление и пожелание. По мнению Б. Н. Ельцина, два фактора будут определять достижения нового президента – это трудолюбие и везение.

Языковые средства выражения тематического содержания относятся к двум стилистическим регистрам: официальному и неофициальному общению. Торжественность и значимость политического события сочетается с личным переживанием президента, с его эмоциональным отношением к передаче власти.

Дальнейшее изучение речи уходящего с должности президента может проходить в нескольких направлениях. Во-первых, важно определить тематические, композиционные и стилистические особенности прощальной речи с тем, чтобы выявить устойчивые когнитивные стратегии производства текстов данного типа. Во-вторых, интересно сопоставить инаугурационную и прощальную речь президента, чтобы установить, что, по мнению президента, из заявленного идеального проекта дела было исполнено. В-третьих, необходимо сравнить прощальные речи российских президентов с целью описания исторического развития речевого образа главы государства. В-четвёртых, можно сопоставить прощальные речи российских и зарубежных президентов, с тем чтобы разграничить тенденции развития политического дискурса, характерные для иноязычного президентского дискурса, и национальную специфику политической картины мира, а также выявить общие черты, присущие президентскому дискурсу.

Список литературы

1. Гаврилова, М. В. (2004). *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
2. Гаврилова, М. В. (2012). Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина. *Политическая лингвистика*, 4(42), 17–23.
3. Дейк, Т. А. (1989). *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс.
4. Ельцин, Б. Н. (1991, 11 июля). Выступление на церемонии вступления в должность Президента России. *Российская газета*.
5. Ельцин, Б. Н. (1996, 10 июля). Выступление по ТВ по итогам президентских выборов [Текст]. Взято 1 октября 2020, с <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10369/>
6. Ельцин, Б. Н. (1999, 31 декабря). Заявление [Текст]. Взято 1 октября 2020, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24080>
7. Ельцин, Б. Н. (2000, 7 мая). Выступление на церемонии вступления В. В. Путина в должность президента России [Текст]. Взято 1 октября 2020, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410>
8. Ермаков, А. Е. (2000). Тематический анализ текста с выявлением сверхфразовой структуры. *Информационные технологии*, 11, 37–40.
9. Кузнецов, С. А. (Ред.) (2004). *Современный толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
10. Путин, В. В. (2000, 7 мая). Выступление на церемонии вступления в должность Президента России [Текст]. Взято 1 октября 2020, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/38089>
11. Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена.
12. Beasley, V. (2001). The rhetoric of ideological consensus in the United States: American principles and American pose in presidential inaugurations. *Communication Monographs*, 68(2), 169–183.
13. Lim, E. T. (2004). Five Trends in Presidential Rhetoric: An Analysis of Rhetoric from George Washington to Bill Clinton. *Presidential Studies Quarterly*, 32, 328–348. <https://doi.org/10.1111/j.0360-4918.2002.00223.x>
14. Liu, F. (2012). Genre Analysis of American Presidential Inaugural Speech. *Theory and Practice in Language Studies*, 2, 2407–2411.

References

1. Beasley, V. (2001). The rhetoric of ideological consensus in the United States: American principles and American pose in presidential inaugurations. *Communication Monographs*, 68(2), 169–183.
2. Dejk, T. A. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. М.: Progress.
3. El'cin, B. N. (1991, July 11). Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii [Speech at the inauguration ceremony of the President of Russia]. *Rossijskaya gazeta*.

4. El'cin, B.N. (1996, July 10). *Vystuplenie po TV po itogam prezidentskih vyborov* [Speech on TV following the results of the presidential elections]. Retrieved October 1, 2020, from <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10369/>
5. El'cin, B.N. (1999, December 31). *Zayavlenie* [Statement]. Retrieved October 1, 2020, from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24080>
6. El'cin, B.N. (2000, May 7). *Vystuplenie na ceremonii vstupleniya V.V. Putina v dolzhnost' prezidenta Rossii* [Speech at the inauguration of Vladimir Putin as President of Russia]. Retrieved October 1, 2020, from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410>
7. Ermakov, A. E. (2000). Tematicheskij analiz teksta s vyyavleniem sverxfrazovoj struktury [Thematic analysis of the text with the identification of superphrasal structure]. *Informacionnye texnologii*, 11, 37–40.
8. Gavrilova, M. V. (2004). *Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoj rechi (na materiale vystuplenij V.V. Putina i B.N. El'cina)* [Cognitive and rhetorical foundations of a presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B.N. Yeltsin)]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU.
9. Gavrilova, M. V. (2012). Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B.N. El'cina [Some features of the speech portrait of the first President of Russia Boris Yeltsin]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(42), 17–23.
10. Kuznecov, S. A. (Ed.) (2004). *Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint.
11. Lim, E. T. (2004). Five Trends in Presidential Rhetoric: An Analysis of Rhetoric from George Washington to Bill Clinton. *Presidential Studies Quarterly*, 32, 328–348. <https://doi.org/10.1111/j.0360-4918.2002.00223.x>
12. Liu, F. (2012). Genre Analysis of American Presidential Inaugural Speech. *Theory and Practice in Language Studies*, 2, 2407–2411.
13. Putin, V. V. (2000, May 7). *Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii* [Speech at the inauguration ceremony of the President of Russia]. Retrieved October 1, 2020, from <http://www.kremlin.ru/events/president/news/38089>
14. Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

Галицкая Кристина Александровна,

Уральский институт управления - филиал РАНХиГС,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: kristin585@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.11.2020, принята к публикации 18.12.2020

Для цитирования: Галицкая К.А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 48-61. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-48-61

Аннотация

Цель статьи заключается в том, чтобы установить, каким образом процесс легитимации власти осуществляется посредством политики национальной памяти.

Методы и результаты исследования. В ходе работы над проблемой осуществляется синтез теоретико-методологической базы исследований, посвященных политике национальной памяти, и исследований процесса легитимации власти. В результате чего систематизируется понятийный аппарат: политика национальной памяти анализируется через такие понятия процесса легитимации власти, как способы, технологии и инструменты легитимации. Способы легитимации власти подразделяются на три группы в зависимости от того, где находится источник их ценностей – в прошлом, настоящем или будущем. Делается вывод о том, что при реализации политики национальной памяти используются способы легитимации, источник ценностей которых находится в прошлом, либо в состоянии между прошлым и настоящим.

Установлено, что в России процесс легитимации власти осуществляется посредством политики национальной памяти с использованием официально-

© Галицкая К.А., 2021

националистического способа легитимации (обращение к ценностям победы, в первую очередь, в Великой Отечественной войне, а также к достижениям в области науки и техники) и старого традиционного способа легитимации (обращение к культурным и традиционным ценностям, религии, российской государственности).

В заключении отмечаются возможные проблемы процесса легитимации власти, основанном на политике национальной памяти. Прежде всего, речь идет о преобладании эмоциональных способов легитимации и построении процесса легитимации исключительно на ценностях прошлого. При рационализации политической культуры, действующей в обществе, и формировании запроса на модернизацию процесс легитимации, основанный на ценностях прошлого, может вступить в противоречие с ожиданием перемен, преобладающем в общественном сознании.

Научная новизна заключается в том, что теоретически обосновано использование в рамках политики национальной памяти таких способов легитимации, как официально-националистический (патриотический), старый традиционный и официальное признание. Теоретические выводы подтверждены с помощью анализа коммеморативных практик, направленных на легитимацию власти в современной России.

Ключевые слова:

политика национальной памяти, легитимность, технологии легитимации, способы легитимации, инструменты легитимации.

UDC 323.2

DOI 10.24412/1817-9568-2021-1-48-61

THE POLITICS OF NATIONAL MEMORY AS A TECHNOLOGY OF LEGITIMATION OF THE POWER

Kristina A. Galitskaya,

Ural Institute of Management, Branch of RANEP
Postgraduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: kristin585@mail.ru

Article received on November 3, 2020, accepted on December 18, 2020

To cite this article: Galitskaya, K.A. (2021). Politika nacional'noj pamyati kak texnologiya legitimacii vlasti [The politics of national memory as a technology of legitimation of the power]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 48–61. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-48-61

Abstract

The purpose of the article is to establish how the process of legitimation of power is carried out through the policy of national memory.

Methods and results of the study. In the course of working on the problem, the theoretical and methodological base of research on the policy of national memory and research on the process of legitimation of power is synthesized. As a result, the conceptual apparatus is systematized: the policy of national memory is analyzed through such concepts of the process of legitimation of power as ways, technologies and tools of legitimation. Ways of legitimation power are divided into three groups, depending on where the source of their values is located – in the past, present, or future. It is concluded that when implementing the policy of national memory, ways of legitimation are used, the source of values of which is in the past, or in a state between the past and the present.

It is established that in Russia the process of legitimation of power is carried out through the policy of national memory using the official-nationalist way of legitimation (appeal to the values of victory, first of all, in the great Patriotic war, as well as achievements in the field of science and technology) and the old traditional method of legitimation (appeal to cultural and traditional values, religion, Russian statehood).

In conclusion, possible problems of the process of legitimation of power based on the policy of national memory are noted. First of all, we are talking about the predominance of emotional ways of legitimation and building the process of legitimation solely on the values of the past. When rationalizing the political culture that operates in society and forming a request for modernization, the process of legitimation based on the values of the past may come into conflict with the expectation of change that prevails in the public consciousness.

The scientific novelty lies in the fact that the use of such ways of legitimation as official-nationalist (patriotic), old traditional and official recognition in the framework of the national memory policy is theoretically justified. The theoretical conclusions are confirmed by the analysis of commemorative practices aimed at legitimation power in modern Russia.

Keywords:

the politics of national memory, legitimacy, the legitimation of the technology, ways of legitimation, tools of legitimation.

Введение*Актуальность проблемы*

Политика национальной памяти занимает важное место в процессе легитимации власти любого государства, так как является мощным символическим ресурсом. Последовательное и системное применение данного ресурса позволяет конструировать национальную идентичность, консолидировать общество и повышать уровень легитимности власти, а также позиционировать страну на международной арене (внешняя легитимация).

Степень исследования проблемы

Концепт политики памяти, введенный в научный оборот французским теоретиком П. Нора (2015), и обозначенная им проблема использования прошлого в политических целях стали предметом исследования многих современных ученых. Особенно актуальной данная проблематика является для постсоветских государств.

Ряд исследований посвящен проблемам политики национальной памяти на постсоветском пространстве (Аникин, 2012, с. 34–38; Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2018, с. 123–132; Дорская, Дорский, 2018, с. 124–138; Малинова, 2019; Русаков, Русакова, 2020, с. 27–47; Ковба, Грибовод, 2020, с. 59–77; Кокоулин, 2020, с. 10–25 и др.).

Многие современные исследователи политики памяти обращают внимание на ее связь с процессом легитимации власти, а также на такой важный для легитимации власти фактор, как формирование национальной идеи: «...национальная политика памяти выступает важной основой легитимности власти страны, основой для выстраивания гражданской идентичности» (Грибовод Ковба, Моисеенко, 2018, с. 129). Отдельные исследования посвящены российской политике национальной памяти, строящейся на ценностях Победы в Великой Отечественной войне (Мартьянов, Фишман, 2016).

Однако несмотря на то, что влияние политики национальной памяти на процесс легитимации власти подчеркивается во многих научных работах, вопрос их соотношения остается нераскрытым.

Цель статьи – определить место политики национальной памяти в системе легитимации власти и проанализировать, каким образом политика национальной памяти влияет на процесс легитимации власти в современной России.

Политика национальной памяти в процессе легитимации власти

Под политикой памяти О. Ф. Русакова и Е. Д. Кочнева (2017, с. 18) понимают «всю сферу публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти». Д. А. Аникин (2012, с. 36) дает следующее определение: «...политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик».

Таким образом, политика национальной памяти представляет собой целенаправленную деятельность государства по формированию в обществе единого мнения и отношения к истории своей страны. Прежде всего, власть стремится утвердить в общественном сознании в качестве доминирующих интерпретации таких значимых и переломных моментов истории, как войны, в том числе гражданские, и революции. С одной стороны, эти темы объективно содержат множество противоречий, различных оценок и точек зрения, с другой стороны, они обладают серьезным потенциалом для формирования национальной иден-

тичности и национальной идеи, которые, в свою очередь, становятся основой для процесса легитимации власти.

Одной из целей политики национальной памяти является формирование в общественном сознании такого мнения относительно исторических событий, которое бы позволило легитимировать действующую власть. Потенциал и эффективность такой легитимации заключается в том, что обращение к истории страны, к ее победам и достижениям, к традициям и культуре, к прошлому, вызывающему ностальгию, поднимает широкий пласт эмоциональных и духовных переживаний и ценностей. Среди последних – и патриотизм, и ценности, связанные с традициями и религией, и консерватизм, и другое.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика национальной памяти представляет собой технологию легитимации власти, реализуемую с помощью создания в массовом сознании определенных образов и смыслов, иными словами – информационно-коммуникационную технологию легитимации власти. Инструментами, посредством которых реализуется данная технология легитимации власти, выступает целый ряд коммеморативных практик. К ним относятся такие средства легитимации власти, как учебники, памятники, символика, а также СМИ, кинематограф, музейные экспозиции и т. д. (Анкин, 2012). При этом следует отметить, что инструменты легитимации могут быть как внутренними, так и внешними, то есть использоваться для интерпретации истории как внутри страны, так и за ее пределами.

Е. Г. Грибовод, Д. М. Ковба и Я. Ю. Моисеенко (2018, с. 126) отмечают, что целостная политика национальной памяти не только консолидирует общество, но и позволяет позиционировать страну на международной арене: «Основной задачей политики памяти становится форматирование отношения нации, мирового сообщества и др. к наследию прошлого за счет определенных оптик и контекстов, приоритетных для действующего политического режима или элиты». Таким образом, «экспорт» исторической интерпретации определенных событий, актуальных по тем или иным внутривнутриполитическим причинам для конкретной страны, может рассматриваться в качестве одного из элементов «мягкой силы». Поскольку он подчинен задаче обеспечения «доминирования» выгодного прочтения исторических событий, отражающих интересы политической элиты соответствующего государства.

Этот аспект также имеет значение для данного исследования, поскольку внешняя поддержка и официальное признание действующей власти со стороны других государств оказывают влияние на уровень легитимности власти среди своих граждан. Однако процесс легитимации мы рассматриваем именно с точки зрения внутренних взаимоотношений, то есть взаимоотношений власти и граждан конкретного государства. В ходе процесса легитимации граждане наделяют (или не наделяют в случае делегитимации) власть легитимностью, а власть, в свою очередь, воздействует на управляемых с помощью технологий легитимации для повышения уровня своей легитимности. Одной из таких технологий как раз и является политика национальной памяти, реализуемая с помощью различных инструментов легитимации.

Еще одним важным компонентом системы легитимации являются способы легитимации власти (Галицкая, 2020, с. 102–125). Они оказываются первичными в данной системе, так как определяют ценностно-смысловое

содержание технологий легитимации. В свою очередь, инструменты легитимации представляют собой конкретные практики, позволяющие повысить уровень легитимности власти. Тогда получается, что содержание технологий легитимации обусловлено используемыми способами легитимации. Иными словами, способы легитимации дают ответ на вопрос «почему процесс легитимации выстраивается таким образом» и отвечают за содержание процесса легитимации, а технологии – за его форму. Однако в случае с политикой национальной памяти *содержание оказывается predetermined спецификой данной технологии легитимации*. Чтобы понять, почему так происходит, остановимся на характеристике способов легитимации более подробно.

В проведенных ранее исследованиях мы уже опирались на классификацию способов легитимации профессора политологии университета Мельбурна Л. Холмса (2016, с. 223–245). Автор выделяет одиннадцать способов легитимации власти, восемь из которых являются внутренними (старый традиционный, харизматический, целерациональный, эвдемонический, официально-националистический, новый традиционный, отличный от прошлого, легально-рациональный) и три – внешними (официальное признание, неформальная поддержка, зависимость от внешней модели для подражания). Под внутренними способами легитимации ученый понимает легитимацию на основе собственных ресурсов государства. Внешние способы легитимации основаны на действиях или поддержке других государств, то есть опираются на ресурс, независимый от государства.

Каждый способ легитимации опирается на определенные ценности. По этому критерию мы можем подразделять способы легитимации на те, ценности которых являются эмоциональными или рациональными, а также на те, которые имеют источник ценностей в прошлом, настоящем или будущем. Последняя классификация представляется наиболее интересной в рамках данного исследования, так как очевидно, что *политика национальной памяти обращается, прежде всего, к ценностям, источник которых находится в прошлом*. Проанализируем одиннадцать способов легитимации Л. Холмса с точки зрения нахождения источника их ценностей в прошлом, настоящем или будущем.

Больше всего способов легитимации опираются на ценности, присущие настоящему времени. Это, прежде всего, рациональные способы (эвдемонический и легально-рациональный), а также харизматический способ легитимации. Присутствие рациональных способов в ценностях настоящего времени объяснимо тем, что рациональная оценка власти происходит в текущем моменте. Люди подходят к вопросу легитимности власти разумно, и значит, анализируют социально-экономическую эффективность (эвдемонический способ) и законность действующей власти (легально-рациональный способ). Харизматический способ также проявляется в ценностях настоящего, так как подразумевает эмоциональную связь с лидером здесь и сейчас.

К ценностям будущего апеллирует лишь один способ легитимации – целерациональный. Он основан на планировании будущего, построении приоритетов развития для достижения глобальной общей цели.

Два традиционных способа легитимации – старый и новый – по определению основываются на ценностях прошлого. Однако необходимо ввести

существенное уточнение. Если старый традиционный способ строится на фундаменте вековых традиций и религиозности, исторической памяти, то «новая традиционная [легитимация] относится к ситуации, в которой нынешний лидер стремится повысить свою легитимность, идентифицируясь с более ранним лидером или политикой, известной как популярная и уважаемая большинством граждан» (Холмс, 2016, с. 227). То есть в основе старого традиционного способа находится историческая память народа, в основе нового традиционного – консерватизм.

Еще два внутренних и эмоциональных способа легитимации – официально-националистический (патриотический) и «отличный от прошлого» – находятся на стыке, так как апеллируют к ценностям и прошлого, и настоящего. «Отличный от прошлого» способ все же больше тяготеет к ценностям настоящего, так как основывается на сопоставлении текущей политики с политикой предшествующей. В качестве основных ценностей этого способа легитимации следует выделить изменения и преобразования, а в ряде случаев – и разрыв с прошлым (революции). Однако утверждение новых ценностей через прошлое не позволяет отнести его только к настоящему. Официально-националистический (патриотический) способ оказался классифицирован нами как пограничный, так как он может использоваться как в контексте былых побед и свершений, так и при демонстрации силы и мощи государства в текущий период.

Два внешних способа легитимации, основанных на внешней поддержке (официальное признание и неформальная поддержка), также находятся в пограничном состоянии, потому что внешнее одобрение может быть основано как на текущем положении, так и на прошлых достижениях государства.

Зависимость от внешней модели для подражания подразумевает легитимацию посредством отсылки на действия образца для подражания, и значит, соотносит текущую политику государства с действиями образца. Таким образом, данный способ легитимации опирается на ценности настоящего (см. схему 1).

прошлое	настоящее	будущее →
Старый традиционный Новый традиционный	Эвдемонический Легально-рациональный Харизматический Зависимость от внешней модели	Целерациональный
Официально-националистический (патриотический) Отличный от прошлого Официальное признание Неформальная поддержка		

Схема 1 – Распределение способов легитимации власти в зависимости от нахождения во времени источника их ценностей

Таким образом, шесть из одиннадцати способов легитимации в том или ином виде основываются на ценностях прошлого. Так как политика национальной памяти опирается на ценности, лежащие в прошлом, способами легитимации, используемыми в рамках указанной политики, могут быть только те, ценности которых опираются на прошлое, либо пограничные между прошлым и настоящим. При этом мы отметили, что новый традиционный способ и способ «отличный от прошлого», имеют особенности, которые ограничивают их использование в реализации политики памяти. Способ легитимации «неформальная поддержка» является узким и специфическим способом легитимации, так как подразумевает поддержку, адресованную уже не всему государству, а отдельным лидерам с помощью неформальных процедур. Поэтому и этот способ легитимации не применим в рамках политики национальной памяти.

Тогда получается, что остаются три способа легитимации власти, которые могут быть использованы при реализации политики национальной памяти. Это старый традиционный способ, официально-националистический (патриотический) способ и официальное признание.

Политика национальной памяти – это прежде всего политика, нацеленная на интерпретацию исторических событий с точки зрения развития патриотических чувств, консолидации общества и формировании национальной идеи. Поэтому официально-националистический (патриотический) способ легитимации является доминирующим способом в рамках такой технологии легитимации, как политика национальной памяти.

Характеризуя официально-националистический способ легитимации, необходимо более подробно остановиться на его истоках, а значит на самом понятии национализма. С.Г. Кара-Мурза (2014) считает, что национализм, как и любая другая идеология, прежде всего выполняет политические задачи: «...это были задачи подрыва легитимности «старого» монархического порядка и легитимации нового, буржуазного общественного строя». Иными словами, ученый считает, что национализм создал новые основания легитимности власти в период кризиса традиционной легитимности.

Схожей позиции придерживается Б. Андерсон. Он характеризует нации как воображаемые сообщества, которые представляются как суверенные, и именно эта суверенность является новой основой легитимности власти: «Она [нация] воображается суверенной, ибо данное понятие родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушали легитимность установленного Богом иерархического династического государства... Нации мечтают быть свободными, и если под властью Бога, то сразу же. Залог и символ этой свободы – суверенное государство» (Андерсон, 2016, с. 49).

Таким образом, национализм (и официально-националистический (патриотический) способ легитимации) не просто объединяет граждан государства, но конструирует собственно «воображаемые сообщества».

Это приводит нас к выводу, что национализм представляет собой такое же фундаментальное основание легитимности, как традиционные ценности, монархия и религия. Поэтому Л. Холмс совершенно оправданно выделяет официально-националистический (патриотический) способ легитимации в качестве самостоятельного. Он говорит о том, что этот способ легитимации «опирается на понятие славного прошлого – то, что называли основополагающим мифом» (Holmes, 2016,

р. 227). Однако, как мы отметили ранее, при реализации политики национальной памяти это может быть и далекое прошлое, и текущие победы.

Старый традиционный способ легитимации основывается на традиционных ценностях, особом значении прошлого, истории, культуры и религии. В рамках политики национальной памяти он также способствует формированию национальной идеи, фундамент которой в данном случае находится в общности культуры и истории. В отличие от официально-националистического (патриотического) способа легитимации, речь идет не о прошлых победах и достижениях, а об общем культурном прошлом, которое выражается в религии, образе жизни, семейных традициях и т. д.

Как мы отмечали выше, политика национальной памяти ориентирована на создание определенного образа государства на международной арене. С одной стороны, это способствует повышению легитимности действующей власти среди правящих элит и жителей других государств, с другой стороны – позволяет осуществлять процесс легитимации внутри страны. Во втором случае государство интерпретирует те или иные события с точки зрения консолидации общества и формирования национальной идеи, при этом подчеркивая значение происходивших событий для мировой политики и признание со стороны других государств.

Таким образом, мы установили, что политика национальной памяти опирается на ценности прошлого, достижения и победы, героев и символы, а также на ценности культуры, религии и традиций. Тогда получается, что процесс легитимации посредством политики национальной памяти осуществляется преимущественно с использованием официально-националистического (патриотического) и старого традиционного способа легитимации. Оба эти способа легитимации являются эмоциональными и основываются на эмоциональном отношении народа к власти. Однако реализация политики национальной памяти будет эффективна, если в обществе имеется на это запрос. Вместе с тем сам процесс легитимации власти, основывающийся только на обращении к прошлому, не может быть эффективным на протяжении долгого времени. Прошлые исторические успехи и победы, а также традиционные ценности должны подкрепляться текущими успехами и планами на будущее.

Кроме того, эффективность политики национальной памяти будет зависеть и от действующего в обществе типа политической культуры. Обращаясь к типологии политической культуры, разработанной Г. Алмондом и С. Верба (2014), мы можем отметить, что в случае действия патриархальной или подданнической политической культуры общество больше ориентировано на эмоциональное, но при этом отстраненное отношение к политике. Тогда действительно эмоциональные ценности прошлого будут иметь особое значение. Однако в том случае, если в обществе формируется рациональная культура участия, то общество становится более заинтересовано в текущей повестке, так как имеет возможность влиять на нее.

Политика национальной памяти в процессе легитимации власти в современной России

Политика национальной памяти в России, как и во многих других государствах, реализуется в двух направлениях: внешнем и внутреннем. Первое имеет

цель противодействия искажениям истории и обеспечивает позиционирование России на международной арене. Второе направление отвечает за формирование национальной идеи и процесс легитимации власти: «Национальная политика памяти приобрела большое значение в современном российском обществе по причине необходимости поиска внутреннего самоопределения, позиционирования в системе международных отношений» (Грибовод Ковба, Моисеенко, 2018, с. 126).

Наличие национальной идеи является одной из главных составляющих процесса легитимации власти. Именно национальная идея формирует систему смыслов и ценностей, вокруг которой затем и выстраиваются отношения между властью и обществом. В случае с СССР эта идея лежала в будущем (целерациональный способ легитимации, цель – построение коммунизма). В случае с Россией – в прошлом (официально-националистический способ легитимации – прошлые победы).

Современные исследователи сходятся во мнении, что основой политики национальной памяти, национальной идентичности и фундаментом национальной идеи в России стала символика Великой Победы.

С. В. Мошкин отмечает, что День Победы является основой национальной памяти россиян: «Именно он [День Победы] на фоне серьезных изменений внешней политики России стал чрезвычайно востребованным в коммеморативных практиках российской власти, и является, пожалуй, единственной основой национальной памяти и национальной идентичности россиян» (Мошкин, 2020, с. 113).

День Победы в качестве основы доминирующей российской идеологии рассматривают авторы монографии «Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ»: «На официальном уровне День Победы рассматривается с точки его значения для национальной идентичности, в рамках рассуждений о попытках формирования в России национальной идеи. Подчеркивается единство российского народа, акцентируются те аспекты его культуры и мировоззрения, которые позволили СССР – России успешно противостоять нацистской угрозе, оправдываются российские геополитические амбиции» (Мартьянов, Фишман, 2016, с. 319).

Обращение к символике Победы является ярким примером использования официально-националистического (патриотического) способа легитимации. Однако политика национальной памяти в России не сводится исключительно к событиям Великой Отечественной войны, но и реализуется посредством старого традиционного способа легитимации.

Данный тезис подтверждается исследованиями коммеморативных практик современного российского кинематографа М. Л. Шуб. Автор приходит к выводу, что политика национальной памяти России, реализуемая в сфере кинематографа, выстраивается на основе стратегий героизации и ностальгизации прошлого. М. Л. Шуб (2020, с. 97) отмечает, что советская история напрямую отождествляется с Великой Отечественной войной, а прошлое, условно названное «далеким», в первую очередь «ассоциируется с истоками российской государственности, временами его строительства, оформления границ, формирования национальной идентичности». Таким образом, с точки зрения процесса легитимации это означает следующее:

1. При визуализации событий, связанных с советским временем и прежде всего с Великой Отечественной войной, используется стратегия героизации прошлого. Такого рода кино обращается к патриотическим ценностям, вызывает чувство гордости за свою страну, чувство сопричастности к великой истории. Иными словами, используется официально-националистический (патриотический) способ легитимации власти.

2. При обращении к более давним событиям, связанным с созданием и развитием российского государства, затрагиваются традиционные ценности – используется старый традиционный способ легитимации власти.

Необходимо отметить, что как в случае с фильмами, опирающимися на советские победы, так и в случае с фильмами, основанными на более ранних достижениях, имеет место использование такого способа легитимации, как официальное признание. Использование его в обоих случаях объясняется тем, что и обращение к патриотическим ценностям, и к ценностям традиционным осуществляется в контексте великой истории российского государства, его побед и достижений, которые, безусловно, находят отражения во внешнем контуре как признание силы и независимости России.

Е. Б. Шестопал также отмечает, что формирование национальной идеи происходит на основе как патриотических чувств, так и консерватизма, традиций и многовековой истории России. По ее мнению, в 2014 году под влиянием событий, связанных с присоединением Крыма, «произошел сплав советских идей, замешанных на символике Великой Победы над фашизмом, верности памяти своих отцов, с одной стороны, – и идей имперского консерватизма, православия и традиций, более давних и глубоких, нежели советский патриотизм» (Шестопал, 2015, с. 75). Важно обратить внимание на то, что эта национальная идея совпала с ожиданиями общества, «которое не приняло либерально-космополитической идеологии и не откликнулось на призывы оппозиции с Болотной площади» (Шестопал, 2015, с. 75).

Таким образом, сочетание официально-националистического (патриотического) и старого традиционного способов легитимации на фоне происходящих в 2014 году событий позволило сформировать и на протяжении шести лет успешно поддерживать национальную идею и высокий уровень легитимности власти.

Заключение

В процессе легитимации власть неизбежно сталкивается с поиском оснований, консолидирующих все общество, позволяющих народу осознать свою идентичность, обосновывающих право элит на управление и позиционирующих страну на международной арене. Одним из наиболее доступных источников таких смыслов является прошлое.

Политика национальной памяти представляет собой долговременную политику, опирающуюся на широкую ресурсную базу, которая при поддержке государства постоянно развивается. Однако ее легитимационный потенциал, сколь широким бы он ни был, все же является ограниченным, так как строится на системе смыслов, сводящихся, по сути, к трем способам легитимации: «официально-националистический (патриотический)», «старый традиционный»,

«официальная поддержка». В случае рационализации политической культуры, действующей в обществе, и формирования запроса на решение экономических проблем, повышение роли гражданского общества и т. д. эффективность политики национальной памяти как способа легитимации власти может снижаться. В этой связи важно подчеркнуть, что процесс легитимации не может строиться исключительно на смыслах и ценностях прошлого, а также он должен сочетать в себе как эмоциональные, так и рациональные основания. Превалирование эмоциональных ценностей прошлого в процессе легитимации власти может сделать его достаточно эффективным, но лишь только на короткий период.

Список литературы

1. Алмонд, Г., Верба, С. (2014). *Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль.
2. Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.
3. Аникин, Д. А. (2012). Стратегии политики памяти на постимперском пространстве. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 34–38.
4. Галицкая, К. А. (2020). Способы легитимации власти Президента Российской Федерации В. В. Путина, используемые в документальных фильмах. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(38), 102–125.
5. Грибовод, Е. Г., Ковба, Д. М., Моисеенко, Я. Ю. (2018). Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), 123–132.
6. Дорская, А. А., Дорский, А. Ю. (2018). Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 9(2), 124–138.
7. Кара-Мурза, С. Г. (2014). Национализм как идеология. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1(33). Взято 22 сентября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizm-kak-ideologiya>
8. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2020). Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(39), 59–77.
9. Кокоулин, В. Г. (2020). Технологии трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в постсоветской России. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(40), 10–25.
10. Малинова, О. Ю. (2019). Политика памяти как область символической политики. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 9. Взято 21 сентября 2020, с <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki>
11. Мошкин, С. В. (2020) Политика забвения, или что происходит с «красным днём календаря»? *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(39), 112–127.
12. Мартьянов, В. С., Фишман, Л. Г. (Ред.). (2016). *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ*. М.: Политическая энциклопедия.

13. Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*, 2–3. Взято 21 сентября 2020, с <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
14. Русаков, В. М., Русакова, О. Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(39), 27–47.
15. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3–4(28–29), 17–30.
16. Шестопал, Е. Б. (2015). Восприятие В. В. Путина российскими гражданами: 15 лет пребывания во власти. *Полис. Политические исследования*, 6, 68–80.
17. Шуб, М. Л. (2020). Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(40), 88–100.
18. Holmes, L. (2016). Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States. In M. Brusis, J. Ahrens, & M. S. Wessel (Eds.), *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* (pp. 223–245). Palgrave Macmillan, London.

References

1. Almond, G., & Verba, S. (2014). *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah* [The civic culture. Political attitudes and democracy in five countries]. M.: Mysl'.
2. Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
3. Anikin, D. A. (2012). Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve [Strategies of memory policy in the post-Imperial space]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*, 12(2), 34–38.
4. Dorskaya, A. A., & Dorskij, A. Y. (2018). Oficial'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: yuridicheskoe izmerenie [Official memory policy in modern Russia: legal dimension]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Pravo*, 9(2), 124–138.
5. Galickaya, K. A. (2020). Sposoby legitimacii vlasti Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina, ispol'zuemye v dokumental'nyh fil'mah [Ways of legitimation the power of the president of the Russian Federation V. V. Putin, used in documentaries]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(38), 102–125.
6. Gribovod, E. G., Kovba, D. M., & Moiseenko, Y. Y. (2018). Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty [National politics of memory in modern Russia: Main trends and instruments]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(31), 123–132.
7. Holmes, L. (2016). Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States. In M. Brusis, J. Ahrens, & M. S. Wessel (Eds.),

Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia (pp. 223–245). Palgrave Macmillan, London.

8. Kara-Murza, S.G. (2014). Nacionalizm kak ideologiya [Nationalism as an ideology]. *Kontury global'nyx transformacij: Politika, e'konomika, pravo*, 1(33). Retrieved September 22, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalizm-kak-ideologiya>

9. Kokoulin, V.G. (2020). Tekhnologii transformacii istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v postsovetskoj Rossii [Technologies for transforming the historical memory of the Great Patriotic War in post-Soviet Russia]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 3(40), 10–25.

10. Kovba, D.M., & Gribovod, E.G. (2020). Osobennosti formirovaniya i realizacii politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovetskom prostranstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(39), 59–77.

11. Malinova, O.Y. (2019). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as an area of symbolic politics]. *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskix disciplin*, 9. Retrieved September 21, 2020, from <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki>

12. Martyanov, V.S., & Fishman, L.G. (Eds.). (2016). *Rossiya v poiskah ideologii: transformaciya cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshchestv* [Russia in search of ideologies: transformation of value regulators of modern societies]. M.: Political Enciclopedia.

13. Moshkin, S.V. (2020). Politika zabveniya, ili chto proiskhodit s «krasnym dnyom kalendarya»? [Cruising toward oblivion: or what is happening to the “red-letter day”?]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(39), 112–127.

14. Nora, P. (2005). Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World the triumph of memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2–3. Retrieved September 21, 2020, from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

15. Rusakov, V.M., & Rusakova, O.F. (2020). Infrastruktura novoj politiki nacional'noj pamyati na postsovetskom prostranstve. K postanovke problemy [[Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the statement of a problem]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 2(39), 27–47.

16. Rusakova, O.F., & Kochneva, E.D. (2017). Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Assessments of the October Revolution in the official discourse of memory politics]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 3–4(28–29), 17–30.

17. Shestopal, E.B. (2015). Vospriyatie V.V. Putina rossijskimi grazhdanami: 15 let prebyvaniya vo vlasti [Perception of Vladimir Putin by Russian citizens: 15 years in power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, 68–80.

18. Shub, M.L. (2020). Osnovnye strategii rossijskoj gosudarstvennoj politiki pamyati v kontekste sovremennogo kinematografa [The main strategies of the Russian state policy of memory in the context of modern cinema]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 3(40), 88–100.

ДЕЦИЗИОНИЗМ В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАТОРЫ КАРЛА ШМИТТА. ЧАСТЬ I

Костокрызов Павел Игоревич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-9345-3900,
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2020, принята к публикации 02.12.2020

Для цитирования: Костокрызов П.И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 62-76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

Аннотация

Карл Шмитт известен как основоположник децизионизма – учения о политическом решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве. Автор статьи, применяя сравнительно-исторический метод, попытался найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Речь идет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли: Л.А. Тихомирова, Н.А. Захарова и П.Е. Казанского. Другим объектом исследования стали интерпретации децизионизма К. Шмитта в современном российском государствоведческом дискурсе. Показано, что русская государственная наука начала XX века, развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась даже дальше К. Шмитта. Из проведенного сравнения сделан вывод, что попытка построить «политическую

© Костокрызов П.И., 2021

теологию» на чисто рациональных, претендующих на научность, основаниях привела К. Шмитта к обожествлению государства и тем самым – к иррационализации науки. Напротив, русские консервативные мыслители никогда не забывали, что политический онтоc – отнюдь не предел бытия, и будучи в нем последней инстанцией, суверен все же имеет над собой высшее начало. Эта, пусть и чисто идеальная подотчетность, и составляет конечное основание его суверенности. Именно соблюдение верного иерархического отношения между трансцендентным и имманентным, метафизическим и онтологическим, Божественным и человеческим помогло им удержаться от подмены Абсолютного относительным и избежать обожествления земной власти.

Ключевые слова:

децизионизм, Карл Шмитт, Лев Тихомиров, П.Е. Казанский, Н.А. Захаров, консерватизм, государствоведение, верховная власть, суверенитет, политическая теория, политический дискурс.

UDC 321.01

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

DECISIONISM IN RUSSIA: CARL SCHMITT'S PRE-REVOLUTIONARY PRECURSORS AND MODERN INTERPRETERS. PART I

Pavel I. Kostogryzov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of History,
Senior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-9345-3900,
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

Article received on September 16, 2020, accepted on December 2, 2020

To cite this article: Kostogryzov, P.I. (2021). Decizionizm v Rossii: dorevolucionnyye predshestvenniki i sovremennyye interpretatory Karla Shmitta. Chast' I [Decisionism in Russia: Carl Schmitt's pre-revolutionary precursors and modern interpreters. Part I]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 62–76. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-62-76

Abstract

Carl Schmitt is known as the founder of decisionism – the doctrine of political decision made by sovereign in extreme circumstances and having a constitutive character

for the political and legal order in the state. The author of the article using comparative historical method tries to find in Russian political and legal thought of the early 20th cent. concepts that could claim the role of “proto-decisionist”. The ideas of conservative legal thinkers as L.A. Tikhomirov, N.A. Zakharov and P.E. Kazansky are under discussion. Interpretations of C. Schmitt’s decisionism in contemporary Russian political discourse are studied as well. It is shown that Russian state science of the early twentieth century, which developed its own doctrine of sovereign power and its Decision as the constituting principle of the political and legal order, came to conclusions that were largely similar to those made by Schmitt and in some issues advanced even further than C. Schmitt. The comparison provided leads to the conclusion that an attempt to build “political theology” on purely rational, scientific grounds led C. Schmitt to deification of the state and thereby to irrationalization of the science. On the contrary, Russian conservative thinkers never forgot that the political *ontos* is by no means the limit of being, and being the ultimate authority in it, the sovereign still has a higher principle over him. And it is precisely this, albeit purely ideal accountability that is the ultimate foundation of its sovereignty. It was this constant observance of the true hierarchical relationship between the transcendental and the immanent, the metaphysical and the ontological, the Divine and the human that helped them to refrain from replacing the Absolute with the relative and avoiding deification of earthly power.

Keywords:

decisionism, Carl Schmitt, Lev Tikhomirov, P.E. Kazansky, N.A. Zakharov, conservatism, state studies, supreme power, sovereignty, political theory, political discourse.

Введение

С трудами Карла Шмитта российские читатели начали знакомиться в 1990-е годы. В последующие десятилетия внимание к ним закономерно росло, и к настоящему времени этот немецкий мыслитель стал одним из наиболее авторитетных и часто цитируемых государствоведов, а его идеи – предметом непрекращающейся дискуссии в отечественной науке и публицистике. Современная русская шмиттиана насчитывает уже трехзначное количество публикаций (не претендуя на то, чтобы дать обзор даже основных работ по К. Шмитту, назовем лишь несколько: Дугин (1994, с. 54–67); Филиппов (2000, с. 259–314); Исаев (2007, с. 193–212); Юрлова, (2012, с. 196–204); Русакова (2013, с. 266–269); Кондуров (2018, с. 63–91); Ерохин (2018) и др.

К. Шмитт внес заметный вклад в несколько областей политической и юридической науки: это и конституционное право, и геополитика, и типология юридического мышления. Но в первую очередь он известен как основоположник децизионизма – учения о доправовом основании права, полагающего таковое в политическом решении, принимаемом сувереном в чрезвычайных обстоятельствах и имеющем конститутивный характер для политического и правового порядка в государстве.

Именно эта часть наследия К. Шмитта вызывает наибольший интерес и острые споры у отечественных ученых, публицистов и политиков. Особую

актуальность построения Шмитта приобретают в переживаемых в настоящий момент¹ не только нашей страной, но и всем миром тревожных обстоятельствах, с неожиданной и несколько даже пугающей очевидностью обнаживших хрупкость привычного, еще недавно казавшегося незыблемым политико-правового порядка и заставляющих научную мысль вновь и вновь обращаться к исследованию его «децизионистских» оснований, а также искать в принимаемых властными субъектами решениях еще нечеткие контуры становящегося порядка будущего.

Учение К. Шмитта о конститутивном решении суверена и станет предметом нашего рассмотрения под несколько непривычным углом зрения. Его обычно рассматривают изолированно, в лучшем случае указывая на генетические связи с социологией Макса Вебера и оппонирование нормативизму Ганса Кельзена. Возможные параллели децизионизма К. Шмитта в русской научной мысли, насколько нам известно, не становились предметом самостоятельного исследования. Мы попытаемся поставить децизионизм Шмитта в более широкий идейный контекст, применив сравнительно-исторический метод.

Цель данной статьи – не просто предложить очередную интерпретацию идей немецкого философа, а попытаться найти в русской политико-правовой мысли начала XX в. концепции, которые могли бы претендовать на роль «протодецизионистских». Отнюдь не подвергая сомнению самостоятельность и оригинальность построений Шмитта, мы постараемся показать, что русская государственная наука начала XX века, развивавшая собственное учение о суверенной власти и ее Решении как конституирующем начале политического и правового порядка, пришла к выводам во многом аналогичным шмиттовским, а в некоторых вопросах продвинулась, возможно, даже дальше К. Шмитта. Речь пойдет о работах представителей консервативного направления государственно-правовой мысли, прежде всего таких, как Л. А. Тихомиров (2008), Н. А. Захаров (2002) и П. Е. Казанский (1999). Другим объектом нашего внимания станет то, как децизионизм К. Шмитта интерпретируется в современном российском государствоведческом дискурсе.

Результаты исследования

Основу понятийного аппарата децизионизма и ядро соответствующего дискурса образуют выработанные К. Шмиттом категории суверена, исключительного случая и Решения². Понятие «суверен» введено не К. Шмиттом – в своем современном значении оно было сформулировано в XVI в. Жаном Боденом и с тех пор широко используется в политической и юридической науке. Особенность

¹ Статья писалась в апреле – мае 2020 г.

² Здесь и далее (кроме прямого цитирования) мы пишем слово «Решение» с прописной буквы, когда оно употребляется в «специфически децизионистском» смысле, обозначая конститутивное решение суверена, принимаемое в исключительном случае – «решение в высшем смысле», чтобы отличать его от обычных, «ординарных» решений государственной власти (включая и суверена), «вписанных» в рамки правовой нормативности. Сам Шмитт, желая подчеркнуть эту разницу, использовал два разных слова: «Dezision» и «Entscheidung».

его трактовки у К. Шмитта состоит в том, что он акцентировал внимание на одном свойстве суверенитета – способности его носителя творить правовой космос из хаоса, буквально «из ничего» с «нормативной точки зрения» (Шмитт, 2000, с. 51). Эту способность суверен проявляет в «исключительном случае», т. е. в чрезвычайной ситуации, и не просто чрезвычайной, а такой, которая угрожает самому существованию государства или уже привела к его распаду, вызвав необходимость вновь «собрать» его из обломков, восстанавливая старый политико-правовой порядок или создавая новый. Мостом, по которому государство переходит через грозящую гибелью бездну хаоса к нормальному состоянию правовой упорядоченности, является Решение суверена, конституирующее государственственный строй – неважно, идет ли речь о воссоздании ранее действовавшей конституции или о создании новой. Решение не может быть обосновано правовой нормой: оно «освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле слова абсолютным» (Шмитт, 2000, с. 25). Напротив, оно само закладывает основание правового порядка, потому что исключительный случай – это ситуация, принципиально вне-правовая, нормы права не могут ее предусмотреть. В дальнейшем именно Решение становится точкой отсчета правовой нормативности: правом отныне считается то, что соответствует ему, неправом – то, что ему противоречит. Опять же неважно, идет ли речь о простой реставрации прежней правовой системы или о формировании новой.

На неизбежный вопрос, кто определяет, являются ли сложившиеся обстоятельства исключительноным случаем, требующим Решения, Шмитт дает вполне ожидаемый ответ: сам суверен. Объявление конкретной политической ситуации чрезвычайной само по себе является чрезвычайным Решением: «решение об исключении есть именно решение в высшем смысле» (Шмитт, 2000, с. 15). Более того, именно возможность принятия Решений такого рода рассматривается Шмиттом как квалифицирующий признак суверена: «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт, 2000, с. 15).

Разумеется, децизионизм предполагает, что суверен использует свои неограниченные полномочия лишь в целях поддержания и сохранения нормального политико-правового порядка. Право на объявление исключительного состояния всегда сохраняется за ним, но может быть использовано только как крайняя мера спасения государства и права, когда обычные, предусмотренные конституцией меры исчерпаны. Суверен у Шмитта выступает как демиург политического и правового универсума. Он сначала творит этот универсум из ничего, а затем по мере необходимости спасает своими Решениями от попыток хаоса вновь его поглотить: «суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее тотальности. Он обладает монополией этого последнего решения. В этом состоит сущность государственного суверенитета» (Шмитт, 2000, с. 26). Такова кратце суть шмиттовского децизионизма.

Сам К. Шмитт в числе своих идейных предшественников называл целый ряд европейских философов, начиная с Ж. Бодена и Т. Гоббса, особенно выделяя «философию государства контрреволюции», представленную Ж. де Местром, Л. де Бональдом и Х. Доносо Кортесом (Шмитт, 2000, с. 18, 53, 80). Вопрос о том, можно ли всех этих мыслителей считать децизионистами именно в шмиттовском смысле, остается дискуссионным, но бесспорно то, что все они уделяли большое внимание проблеме суверенитета и подчеркивали его связь с чрезвычай-

чайными обстоятельствами, требующими конститутивного Решения. «То, что это понятие [суверенитет] связано с критическим, то есть с исключительным случаем, обнаруживается уже у Бодена», – писал Шмитт (2000, с. 18). Но все-таки суверенитет предшественниками К. Шмитта рассматривался, так сказать, в статике, как стабильно существующий и не нуждающийся в переучреждении порядка, Решение у них всех (даже у Гоббса, который ближе других подошел к децизионизму шмиттовского типа) трактовалось как уже свершившееся событие, лежащее в основании действующего порядка и не требующее повторения.

Из наших соотечественников К. Шмитт в своей идейной «генеалогии» не числил никого. Русские имена в его трудах, посвященных проблеме суверенитета и Решения, упоминаются только там, где автор спорит с идейными противниками – например, с М. Бакуниным и П. Кропоткиным. Причины этого очевидны: работы русских государствоведов консервативного лагеря не переводились на иностранные языки, а по-русски в Западной Европе не читали, и К. Шмитт не был исключением. Однако идеи, созвучные шмиттовскому децизионизму, высказывались многими отечественными мыслителями, придерживавшимися правых взглядов. Более того, в определенных аспектах русские предшественники К. Шмитта мыслили глубже своего более знаменитого немецкого коллеги, а их идейные конструкции были свободны от некоторых слабых мест, которые можно обнаружить в построениях К. Шмитта.

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что децизионизм был имманентной чертой русского государственно-правового мышления XIX–XX вв. Возможно, именно в силу этой своей естественности он так никогда и не был артикулирован со шмиттовской определенностью и четкостью. Несмотря на это, в трудах отечественных право-консервативных государствоведов мы найдем немало высказываний, созвучных идеям Шмитта. Первой и наиболее очевидной причиной этого был сам характер государственного строя Российской Империи. В отличие от большинства стран Запада, в течение XIX века перешедших от монархического суверенитета к народному, в России император сохранил полноту верховной власти, поэтому суверен присутствовал не только в качестве абстракции, но и зримо – был, так сказать, «дан в ощущении» русским ученым. При этом полномочия суверена понимались ими практически так же, как их трактовал несколько десятилетий спустя К. Шмитт.

Вот как определял верховную власть (т. е. власть суверена: «на языке наших законодательных памятников выражение «верховный» означает вообще то же самое, что на западноевропейских языках выражение «суверенный», – отмечал П. Е. Казанский (1999, с. 226)) виднейший русский специалист по государственному праву XIX в. Б. Н. Чичерин (1894, с. 61): «юридически, она ничем не ограничена; она может делать все, что считает нужным для общего блага... она не подчиняется ничьему суду, ибо, если бы был высший судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источник всякого положительного закона... Наконец, она источник всякой государственной власти и верховный судья всех других властей. Одним словом, это власть в юридической области полная и безусловная». Этот взгляд разделяли и Н. М. Коркунов, указывавший на синонимичность «верховенства» и «неограниченности» (Коркунов, 1899, с. 199), и А. С. Алексеев, писавший, что верховная власть «неограниченна по своему существу» (Алексеев, 1897, с. 221–222), и другие юристы того времени.

Самое существенное отличие от шмиттовского децизионизма, которое здесь нельзя не заметить, – это неразработанность категории «исключительного случая», создающего необходимость переустройства правопорядка, вызывая к жизни Решение суверена. Русские государствоведы XIX в. не разграничивали ординарные и чрезвычайные решения верховной власти. И это вполне объяснимо: позитивное государственное право того времени не давало к этому никаких оснований. Все повеления императора рассматривались как нормативные акты одного уровня, различия между законами, указами, высочайшими манифестами имели только технико-юридическое значение.

Ситуация изменилась с изданием новой редакции Основных государственных законов 23 апреля 1906 г., в которой было проведено разделение властей (Костогрызов, 2016а, с. 5–9) и предпринята попытка (пусть и не вполне удачная (Костогрызов, 2016b, с. 687–693)) упорядочить текущую нормотворческую деятельность верховной власти, регламентировав формы ее осуществления. Русское государственное право стало обретать черты права конституционного, и перед политико-правовой наукой встал вопрос о пределах и формах проявления верховной власти суверена. Даваемые на него разными авторами ответы различались, вплоть до полной противоположности, складывались научные направления, придерживавшиеся взаимоисключающих взглядов на проблему (Костогрызов, 2003, с. 20–23, 2013, с. 263–268). Одно из них, которое можно назвать правым или консервативным, в своих построениях предвосхитило основные идеи децизионизма – если не вполне в шмиттовском духе, то в очень близком к нему. Представители этого направления, анализируя догму государственного права Российской Империи, не ограничивались простым анализом лежащих на поверхности взаимоотношений ветвей власти, впервые в истории русского государственного права получивших четкое разграничение. Их взгляд устремлялся глубже в поиске корня, из которого эти ветви произрастают, и находил там верховную власть самодержавного суверена (существование которой игнорировали их оппоненты).

Надо сказать, что задача русских государствоведов в этом вопросе была несколько проще, чем у К. Шмитта. В отличие от республиканских конституций, вроде Веймарской, и даже конституции Германской империи 1871 г. и подобных ей основных законов ограниченных монархий Европы, с которыми главным образом приходилось работать немецкому юристу, Основные законы России содержали норму, эксплицирующую суверена в лице монарха: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть...» (статья 4).

У автора «Политической теологии» такой однозначной ясности нет. Неслучайно поэтому вопрос о том, кто, собственно, в представлении Шмитта должен быть сувереном, стал одним из самых спорных в современном российском «шмиттоведении». Сам философ разрабатывал общую теорию суверенитета, которая была бы применима ко всем его разновидностям. Хотя его личные политические (и если можно так сказать, эстетические) симпатии как бескомпромиссного консерватора – явно на стороне единоличной верховной власти (Русакова, 2013, с. 267), научная беспристрастность ему никогда не изменяла, и он в своих трудах не отрицал возможности коллективного обладателя суверенитета. Тем не менее, часто можно встретить утверждения, что для Шмитта суверен – это обязательно конкретная персона – монарх, диктатор, президент

и т. д. Так, В.Е. Кондуров (2018, с. 72) в своей весьма глубокой в других отношениях статье пишет: «в «Гаранте конституции» К. Шмитт наделяет президента атрибутами суверена, а... при проведении различий между главой государства в «Гаранте конституции» и сувереном в «Политической теологии» речь может идти только о расстановке акцентов». М.Д. Юрлова (Марей) (2016, с. 74) также приписывает немецкому философу отождествление гаранта конституции (коим, напомним, по Шмитту является президент) с сувереном.

Между тем, сам К. Шмитт категорически отвергал такую трактовку понятия суверена, которая допускала бы подобное отождествление: «что президент республики... никогда не сможет быть сувереном, ясно само собой» (Шмитт, 2005, с. 251), – писал он, причем именно в работе, специально посвященной единоличной власти. Президент – это магистрат, облеченный властью, делегированной ему избирателями. Сколь бы ни был велик объем его полномочий, их источник – не в нем самом, а в народе, которому и принадлежит суверенитет.

Несмотря на это, идея о том, что шмиттовский суверен – это обязательно «одно лицо», находит немало сторонников среди российских ученых. С еще большей категоричностью, чем процитированные выше авторы, ее высказывает другой исследователь – М.П. Остроменский, разрабатывающий интереснейшую тему связи теории суверенитета К. Шмитта с его же теорией партизана (Остроменский, 2016, с. 86–93, 2017, с. 16–28). Характерно, что в подтверждение своей позиции М.П. Остроменский ссылается не на самого философа, а на работу отечественных «политических лингвистов», авторы которой бездоказательно приписали Шмитту утверждение, что суверен – это непременно «индивид», хотя ни в одной из анализируемых ими цитат оно не содержится (Гузикова, Спиридонов, 2014, с. 105–112).

Кстати, так же поступают и некоторые непримиримые оппоненты Шмитта, отождествляя его концепцию суверенитета с персональной диктатурой и тем самым предельно упрощая (если не сказать – вульгаризируя) мысль философа. Да, в большинстве случаев Решение принимает конкретное лицо (и преимущество монархической разновидности суверенитета, которое подчеркивал Л.А. Тихомиров и другие русские авторы, – в том, что в монархии такое лицо всегда присутствует несомненно и зримо), но децизионистская теория Шмитта «работает» точно так же и в случае коллективного суверенитета.

Последовательное проведение принятой М.П. Остроменским идеи «суверен = индивид» приводит его к еще более серьезной ошибке, весьма распространенной в политической публицистике, но недопустимой в научном исследовании, – отождествлению суверена с высшим должностным лицом государства. В одной из статей он приводит исторические примеры успешных и губительных Решений единоличных суверенных правителей и, рассматривая как ситуацию, требующую Решения, «положение на Украине в период гражданского противостояния в ноябре 2013 – феврале 2014 гг.», пишет: «тогда организации Евромайдана серьезно поставили под сомнение легитимность президента В.Ф. Януковича как суверена. Последний не смог её доказать и отстоять» (Остроменский, 2017, с. 19). Но Янукович и не был сувереном – президент им не является ни по конституции Украины, ни «по Шмитту»! Вообще, проблема принятия Решения при чрезвычайной ситуации в государстве с народным суверенитетом заслуживает отдельного рассмотрения, и особый интерес она приобретает именно в связке

с теорией партизана, который, по М.П. Остроменскому (2017, с. 23–24), решает «для себя лично проблему децизионизма... и становится сувереном». Кстати, богатый материал для анализа под этим углом зрения могли бы дать не только события 2013–2014 гг. на Украине, но и осени 1993 г. в Российской Федерации...

Но вернемся к дореволюционным предшественникам К. Шмитта. Как мы уже сказали, они видели свою задачу в научном описании верховной власти императора, о которой прямо говорили Основные законы. Поэтому перед ними не стоял вопрос «кто обладает суверенитетом?», но лишь «как именно проявляется власть суверена?»

Ход их мыслей и выводы, к которым они пришли, во многом предвосхищали рассуждения К. Шмитта. Как и немецкий юрист, русские государствоведы начала XX в. четко разграничивали два модуса или режима существования и действия государственной власти вообще и власти суверена в особенности: ординарный и экстраординарный (чрезвычайный или исключительный). Первый исчерпывающе регламентируется статьями конституций и законов, второй не поддается нормативному урегулированию. Л. А. Тихомиров (2008, с. 482) указывал на «различие функции Верховной власти как силы управительной и как силы учредительной». В первом качестве она действует в рамках законодательно установленных процедур и, как правило, посредством подчиненных ей органов (система которых обычно укладывается в рамки традиционной модели разделения властей – исполнительной, законодательной и судебной), каждый из которых осуществляет свои, четко очерченные конституцией полномочия. Монарх – а в данном случае, напомним, речь идет именно о монархическом суверенитете – если и участвует в правительственной деятельности, то не в качестве носителя верховной власти, а как высшее должностное лицо («магистрат» по Шмитту) одной из ветвей «власти управительной» (чаще всего – исполнительной).

Во втором качестве – «как сила учредительная» – верховная власть проявляет себя в чрезвычайных обстоятельствах (шмиттовский «исключительный случай»), требующих Решения, выходящего за рамки конституционных норм, т. е. нормального политико-правового порядка, когда этот порядок разрушен или находится под угрозой разрушения, и возникает необходимость реконституировать его. «Верховная власть есть по своему существу власть учредительная <...> Ее учредительный характер, проявившись в организации учреждений, и после того не исчезает, а вечно проявляется одинаково во всех отраслях государственного бытия. Но эти проявления имеют характер особого, чрезвычайного действия, на которое не имеют права никакие подчиненные, созданные ею учреждения», – писал Л. А. Тихомиров (2008, с. 401) в 1911 году.

Менее чем через два десятилетия Карл Шмитт, сопоставляя положение рейхспрезидента по Веймарской конституции и суверенного государя, подчеркивал, что в «государственности, покоящейся на монархическом принципе... наряду с ординарной, конституционно разделенной властью, в скрытом виде существует еще и экстраординарная государственная власть, которую никогда не удается без остатка охватить конституционным регламентом. По усмотрению ее обладателя, который, таким образом, выступает как суверен, она может непосредственно, во всей полноте своего могущества выступить на защиту общественной безопасности и существования государства» (Шмитт, 2005, с. 250–251).

Как видим, русский и немецкий мыслители приходят к идентичным выводам о чрезвычайных полномочиях суверена и их отличиях от полномочий ординарных органов власти. Разница лишь в том, что Шмитт называет их «существующими в скрытом виде», тогда как для Тихомирова в них нет ничего «таинственного». Эта разница, как отмечалось выше, объясняется различием самой правовой материи, с которой имел дело каждый из авторов.

Несмотря на то, что вопрос о разграничении чрезвычайной власти суверена и ординарных полномочий правительства был исчерпывающе разработан русским государствоведением более ста лет назад, среди современных исследователей децизионизма он пока не получил ясной и однозначной трактовки. Например, К.Г. Мальцев и Е.А. Зайцева, рассуждая о том, какое место могут занимать суверен и Решение в «современном государстве закона», указывают *три* таких потенциальных «места»: «*во-первых, решение об учреждении порядка <...> который, в силу ряда обстоятельств, нуждается в переустановлении, для чего требуется либо новое решение, либо подтверждение старого; во-вторых, решение о чрезвычайном положении, которое принимает суверен, и которое находится вне рамок правового универсума; в-третьих, решение о применении права к конкретному случаю <...> Все три случая связаны между собой и конститутивны для социального порядка*» (Мальцев, Зайцева, 2016, с. 107).

С этим можно согласиться, но лишь отчасти: если первые два случая действительно соответствуют шмиттовскому понятию чрезвычайной ситуации, требующей Решения суверена, то третий случай всецело лежит в области «нормально действующего правопорядка» (Шмитт, 2000, с. 17) и непосредственного вмешательства суверена не требует, для него вполне достаточно действия ординарных органов власти. В самом деле, невозможно апеллировать к суверену всякий раз, когда возникает необходимость применить норму права к конкретному случаю.

Такое смешение «*решения о применении права к конкретному случаю*» с действительно «*конститутивным для социального порядка*» Решением суверена может возникать при исследовании государства с единоличной верховной властью, по-видимому, оттого, что монарх, как правило, является не только сувереном, но и главой исполнительной власти. Если ему действительно приходится принимать *решения о применении права к конкретному случаю* в рамках «нормально действующего правопорядка» то именно как пусть и высшему, но ординарному должностному лицу, а не как носителю суверенитета. Его действия в этих двух качествах необходимо строго разграничивать, что не всегда удается при поверхностном рассмотрении. «Поэтому связывать Верховную власть с исполнительной во всех случаях, требующих чрезвычайного действия, это значило бы настолько же преувеличивать авторитет исполнительной власти, насколько преуменьшать авторитет Верховной власти», – подчеркивал Л.А. Тихомиров (2008, с. 401). Четко проводит это разграничение и К. Шмитт, как видно из процитированного выше отрывка об ординарной и экстраординарной власти. Что же касается народного суверенитета, то в этом случае подобного смешения не должно бы и возникать: народ ведь не собирается на референдум каждый раз, когда необходимо принять «*решение о применении права к конкретному случаю*».

Необходимо, впрочем, отметить, что и в дореволюционной России ясность в вопросе о разграничении рядовых решений высших органов власти и Решений конститутивного характера, принимаемых сувереном в исключительных случаях, была далеко не всеобщей. Отсутствие этой ясности привело русских юристов конституционалистского направления и политиков либерального лагеря к оценке событий 3 июня 1907 г.³ как «государственного переворота». Такой вывод объясняется тем, что они рассматривали этот акт как совершенный монархом в качестве главы власти управления в рамках статей 10 и 87 Основных Законов, которые, в самом деле, не давали ему таких полномочий. В действительности же Манифест был именно Решением, «конститутивным для социального порядка», «решением в высшем смысле», как сказал бы К. Шмитт, принятым Императором как сувереном – носителем верховной власти по статье 4.

Другая важнейшая категория шмиттовского децизионизма, непосредственно связанная с понятием Решения, – «чрезвычайная ситуация» или «исключительный случай», при наступлении которого, собственно, суверен и принимает Решение. Это – прорыв политики в сферу права. В такой ситуации правовой порядок перестает действовать, и саму его возможность необходимо заново создать, а это делается политическими средствами, к которым и принадлежит Решение.

Можно ли *исключить исключительный случай* из политического и правового универсума? Разумеется, система права должна предусматривать максимально возможное число жизненных ситуаций, в том числе чрезвычайных, и содержать легальные механизмы выхода из них. Но исторический опыт неоднократно доказал нереалистичность стремления юридика раз и навсегда вписать все политические процессы, идущие в обществе, в рамки, зафиксированные нормами законов и конституций. Претендовать на это равносильно попытке исключить из жизни государственным образом организованного социума саму Историю, остановить ее ход. Завершение формирования государства – и даже правового государства – не эквивалентно «концу истории в одной отдельно взятой стране». История государства и права представляет собой незавершающееся противоборство Хаоса и Космоса, в котором невозможно заранее предусмотреть все ходы.

Это хорошо было известно К. Шмитту, создававшему свои основные произведения в период между двумя переломными для Германии событиями – Ноябрьской революцией и приходом к власти национал-социалистов (недаром его современник и соотечественник Освальд Шпенглер дал книге своих размышлений о том времени, изданной в 1933 г., название «Годы решений»; решения, как мы знаем теперь, привели к катастрофе, но самого факта, что это были именно Решения, это не отменяет). Было это очевидно и для Тихомирова, Казанского и Захарова, пик творческой активности которых пришелся на годы Решений для России – период между 1905 и 1917 годами.

Именно понятие исключительного случая представляет собой главный нерв децизионизма. Цель этой теории (как в ее шмиттовском изводе, так и в дорево-

³ Напомним, что 3 июня 1907 г. Императором Николаем II был издан Высочайший Манифест о роспуске второй Государственной Думы и внесении изменений в закон о выборах.

люционном русском) не в оправдании ничем не сдерживаемого произвола власти, а в том, чтобы найти золотую середину между бессилием права и неправовым применением силы. Любой социальный порядок, каким бы незыблемым он ни казался «изнутри», не вечен, как всякое вообще произведение рук человеческих. Волны хаоса непрестанно бьются в возведенные отцами-основателями государств и авторами конституций дамбы юридических конструкций. Рано или поздно наступает момент, когда конструкции не выдерживают, и хаос врывается в политический космос, грозя ему разрушением. В истории каждого государства случаются кризисы, для выхода из которых приходится принимать чрезвычайные меры.

Конечно, можно предусмотреть в конституции случаи, когда вводится чрезвычайное положение, порядок его объявления и действий органов власти в нем. Каждая правовая система стремится как можно полнее урегулировать такие ситуации. Это, так сказать, ординарное чрезвычайное положение. Но все равно, как показывает история, рано или поздно происходит Событие, масштаб которого таков, что предусмотренных конституцией чрезвычайных мер оказывается недостаточно для избавления от угрозы крушения государственности. И тогда кому-то приходится действовать «поверх» закона, «поверх» конституции. Этот «кто-то» и есть суверен – и по Шмитту («Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении», – отчеканил он в «Политической теологии» (Шмитт, 2000, с. 15)), и по представлениям русской государственно-правовой науки XIX – начала XX веков. Но как определить, когда еще рано задействовать эту чрезвычайную учредительную власть суверена, а когда уже пора?..

Список литературы

1. Алексеев, А. С. (1897). *Русское государственное право*. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг.
2. Гузикова, М. О., Спиридонов, Д. В. (2014). Лингвистическое описание идеологий: проблема методологий. *Политическая лингвистика*, 4(50), 105–112.
3. Дугин, А. (1994). Карл Шмитт: пять уроков для России. *Консервативная революция*. М.: Арктогея.
4. Ерохин, И. А. (2019). Идеологическая теология Карла Шмитта. *История и современность*, 3(33), 24–48. doi: 10.30884/iis/2019.03.02
5. Захаров, Н. А. (2002). *Система русской государственной власти*. М.: Москва.
6. Исаев, И. А. (2007). Государство-Левиафан. Карл Шмитт о теории власти Томаса Гоббса. *Lex russica (Русский закон)*, 66(2), 193–212.
7. Казанский, П. Е. (1999). *Власть Всероссийского Императора*. М.: Москва.
8. Кондуров, В. Е. (2018). Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции. *Труды Института государства и права РАН*, 13(5), 63–91.
9. Коркунов, Н. М. (1899). *Русское государственное право: Введение и общая часть* (3-е изд., перераб., Т. 1). С-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
10. Костогрызов, П. И. (2003). Была ли Россия конституционной монархией

по Основным Законам 23 апреля 1906 г? *Вестник Саратовской государственной академии права*, 4(37), 20–23. Взято с <https://www.academia.edu/2256054>

11. Костогрызов, П. И. (2013). Основные Государственные Законы Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г.: проблемы толкования в российской правовой мысли. *Источники права и источники познания права. Теоретические, методологические и методические проблемы исследования. Мат-лы круглого стола 21–22 июня 2013 г.* (с. 263–268). Екатеринбург: УрГЮА. Взято с <https://www.academia.edu/5589558>

12. Костогрызов, П. И. (2016а). Разделение властей по Основным Законам Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г. *Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С. – Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г. Ч. 2* (с. 5–9). СПб.: Изд-во «Элек-Сис». Взято с <https://www.academia.edu/30362081>

13. Костогрызов, П. И. (2016б). Реформирование государственного строя Российской Империи в 1906 г.: цели и результаты. *Эволюция российского и зарубежного государства и права. Сб-к науч. трудов* (Т. 1, с. 687–693). Екатеринбург. Взято с <https://www.academia.edu/31264629>

14. Мальцев, К. Г., Зайцева, Е. А. (2016). К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 2: Децизионизм К. Шмитта. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 4(44), 103–114.

15. Остроменский, М. П. (2016). К теории партизана К. Шмитта: социально-политическая эвентуальность появления партизана. *Вестник МГИМО-Университета*, 5(50), 86–93.

16. Остроменский, М. П. (2017). К теории партизана К. Шмитта: партизан и проблема децизионизма. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2, 16–28.

17. Русакова, О. Ф. (2013). Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1–2(11–12), 266–269.

18. Тихомиров, Л. А. (2008). *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации.

19. Филиппов, А. Ф. (2000). Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. *Политическая теология. Сборник I* (с. 259–314). М.: КАНОН-пресс-Ц.

20. Чичерин, Б. Н. (1894). *Курс государственной науки. Ч. 1*. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко.

21. Шмитт, К. (2000). *Политическая теология. Сборник I*. М.: КАНОН-пресс-Ц.

22. Шмитт, К. (2005). *Диктатура*. СПб.: Наука.

23. Юрлова, М. Д. (2012). Карл Шмитт: учение о гаранте конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке. *Логос*, 5(89), 196–204.

24. Юрлова, М. Д. (2016). Понятие чрезвычайного положения и «нового порядка» в политической мысли Карла Шмитта. *Пути России. Т. XXI: Новый*

старый порядок – вечное возвращение (с. 67–75). М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Alekseev, A. S. (1897). *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. М.: Тип. О-ва rasprostraneniya poleznykh knig.
2. Chicherin, B. N. (1894). *Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. 1* [State Science Course. Part I]. М.: Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko.
3. Dugin, A. (1994). Karl Shmitt: piat' urokov dlia Rossii [Carl Schmitt: Five lessons for Russia]. *Konservativnaia revoliutsiia*. М.: Arktogeia.
4. Erokhov, I. A. (2019). Ideologicheskaiia teologiia Karla Shmitta [The ideological theology of Carl Schmitt]. *Istoriia i sovremennost'*, 3(33), 24–48. doi: 10.30884/iis/2019.03.02
5. Filippov, A. F. (2000). Karl Shmitt. Rastsvet i katastrofa [Carl Schmitt. Prosperity and catastrophe]. *Politicheskaiia teologiia. Sbornik I* (pp. 259–314). М.: KANON-press-Ts.
6. Guzikova, M. O., & Spiridonov, D. V. (2014). Lingvisticheskoe opisanie ideologii: problema metodologii [Linguistic description of ideologies: the problem of methodologies]. *Politicheskaya lingvistika*, 4(50), 105–112.
7. Isaev, I. A. (2007). Gosudarstvo-Leviafan. Karl Shmitt o teorii vlasti Tomasa Gobbsa [Leviathan-State. Carl Schmitt on Thomas Hobbes' theory of power]. *Lex russica (Russkii zakon)*, 66(2), 193–212.
8. Kazanskii, P. E. (1999). *Vlast' Vserossiiskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. М.: Moscow.
9. Kondurov, V. E. (2018). Osnovaniia deistvitel'nosti pravoporiadka i problema iustitsiabel'nosti "politicheskogo": K. Shmitt o granitsakh iustitsii. [Foundations of the validity of the rule of law and the problem of the "political" justice: C. Schmitt on the borders of justice]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 13(5), 63–91.
10. Korkunov, N. M. (1899). *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. S-Peterburg: Тип. М. М. Stasyulevicha.
11. Kostogryzov, P. I. (2003). Byla li Rossiia konstitutsionnoi monarkhieii po Osnovnym Zakonom 23 apreliia 1906 g? [Was Russia a constitutional monarchy under the April 23, 1906 Fundamental Laws?]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*, 4(37), 20–23. Retrieved from <https://www.academia.edu/2256054>
12. Kostogryzov, P. I. (2013). Osnovnye Gosudarstvennye Zakony Rossiiskoi Imperii v redaktsii 23 apreliia 1906 g.: problemy tolkovaniia v rossiiskoi pravovoi mysli [Fundamental State Laws of the Russian Empire as amended on April 23, 1906: problem of interpretation in Russian legal thought]. *Istochniki prava i istochniki poznaniia prava. Teoreticheskie, metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniia. Mat-ly kruglogo stola 21–22 iunia 2013 g.* (pp. 263–268). Ekaterinburg: UrGUuA. Retrieved from <https://www.academia.edu/5589558>
13. Kostogryzov, P. I. (2016a) Razdelenie vlastei po Osnovnym Zakonom Rossiiskoi Imperii v redaktsii 23 apreliia 1906 g. [Separation of powers according to the Fundamental Laws of the Russian Empire as amended on April 23, 1906].

Tavrisheskie chteniia 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, S. – Petrburg, Tavricheskii dvorets, 10–11 dekabria 2015 g. Ch., 5–9. SPb.: Izd-vo “Elek-Sis”. Retrieved from <https://www.academia.edu/30362081>

14. Kostogryzov, P.I. (2016b). Reformirovanie gosudarstvennogo stroia Rossiiskoi Imperii v 1906 g.: tseli i rezul'taty [Reform of the political system of the Russian Empire in 1906: goals and results]. *Evoliutsiia rossiiskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. Sb-k nauch. trudov* (Vol. 1, pp. 687–693). Ekaterinburg. Retrieved from: <https://www.academia.edu/31264629>

15. Mal'tsev, K.G., & Zaitseva, E.A. (2016). K voprosu o statuse i interpretatsii resheniia v ontologiiakh «sotsial'nogo poriadka» (transscendentalizm M. Vebera i detsizionizm K. Shmitta). Chast' 2: Detsizionizm K. Shmitta [On the status and interpretation of solutions in ontologies of the “social order” (M. Weber's transcendentalism and C. Schmitt's decisionism). Part 2: Decisionism by C. Schmitt]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serii: Sotsial'nye nauki*, 4(44), 103–114.

16. Ostromenskii, M.P. (2016). K teorii partizana K. Shmitta: sotsial'no-politicheskaia eventual'nost' poiavleniia partizana [On C. Schmitt's theory of partisan: socio-political eventuality of the appearance of partisans]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5(50), 86–93.

17. Ostromenskii, M.P. (2017). K teorii partizana K. Shmitta: partizan i problema detsizionizma [On C. Schmitt's theory of partisan: partisans and the problem of decisionism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Politologiya*, 2, 16–28.

18. Rusakova, O.F. (2013). Detsizionizm kak bazovyi kontsept konservativnogo diskursa K. Shmitta [Decisionism as a Basic Concept of C. Schmitt's Conservative Discourse]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1–2(11–12), 266–269.

19. Schmitt, C. (2000). *Politicheskaia teologiya. Sbornik I* [Political theology. Collection I]. M.: KANON-press-Ts.

20. Schmitt, C. (2005). *Diktatura* [Dictatorship]. SPb.: Nauka.

21. Tikhomirov, L.A. (2008). *Rukovodiashchie idei russkoi zhizni* [Guiding ideas of Russian life]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii.

22. Yurlova, M.D. (2012). Karl Schmitt: uchenie o garante konstitutsii kak primer «konkretnogo myshleniia» o gosudarstvennykh formakh i poriadke [Carl Schmitt: the doctrine of the guarantor of the constitution as an example of “concrete thinking” about state forms and order]. *Logos*, 5(89), 196–204.

23. Yurlova, M.D. (2016). Ponyatie chrezvychajnogo polozheniya i “novogo poryadka” v politicheskoi mysli Karla Shmitta [The concept of the state of emergency and the “new order” in the political thought of Carl Schmitt]. *Puti Rossii. T. XXI: Novyj staryj poryadok – vechnoe vozvrashchenie* (pp. 374–408). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

24. Zakharov, N.A. (2002) *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti* [The system of Russian state power]. M.: Moscow.

**III-И СУББОТНИЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ, ПРОВОДИМЫЕ ШКОЛОЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
РАНХИГС СОВМЕСТНО С РАПН И АКАДЕМИЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ 19.09.2020.**

**Руководитель – Тимофеева Лидия Николаевна, доктор
политических наук, профессор РАНХиГС (Москва)**

**Тема чтений: «Поиск идентичности
в современном геополитическом дискурсе»**

Доклады

**ABOUT THE III SATURDAY POLITICAL SCIENCE
READINGS HELD BY THE SCHOOL OF POLITICAL
STUDIES OF THE INSTITUTE FOR SOCIAL
SCIENCES OF RANEPА IN COOPERATION WITH
THE RPSA AND THE ACADEMY OF POLITICAL
SCIENCE ON SEPTEMBER 19, 2020**

**Head – Lidiya Nikolaevna Timofeeva, Doctor
of Political Sciences, Professor, RANEPА (Moscow)**

**The topic of the readings: “The search for identity
in modern geopolitical discourse”**

Reports

ФРАГМЕНТАЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ВЫЗОВ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ: ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ*

Камышанов Виктор Иванович,

Школа политических исследований ИОН РАНХиГС,
кафедра политологии и политического управления,
кандидат политических наук, доцент,
Москва, Россия,
OSID: 0000-0001-6792-6236,
E-Mail: vik.ifpc@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.11.2020, принята к публикации 28.12.2020

Для цитирования: Камышанов В.И. Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию: фактор идентичности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 78–90. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-78-90

Аннотация

В статье рассматриваются причины возникновения кризисных явлений в современном обществе на глобальном и локальном уровне, которые наиболее рельефно проявились в условиях разлома единого поля системы международных отношений в конце XX и начале XXI века. Ставится проблема изменения взглядов на роль глобальных систем в современном мире. Происходящие процессы характеризуются в том числе с учетом катализирующего фактора, каким стала пандемия, вызванная COVID-19. Этот феномен усугубил противоречия социально-политических отношений, что стало следствием общего кризиса в экономике и развала системы управления международным пространством в условиях нарастающей неопределенности. Современные проблемы мирового развития тесно взаимосвязаны с фрагментацией

* Статья подготовлена на основе тезисов выступления на VI International Scientific Congress “Globalistics-2020”: “Global Problems and the Future of Humanity”, May 20–22, 2020 и на заседании Третьих субботних политологических чтений в РАНХиГС при Президенте РФ с участием РАПН и АПН.

© Камышанов В.И., 2021

глобализации, которая оказалась под серьезным давлением неспособности национальных экономических систем, политических элит и государственных институтов выработать общее понимание совместных приоритетов устойчивого развития. Попытки трансформации действовавшего в мировом сообществе консенсуса идентичностей через силовое отстаивание либеральных принципов в современном идеологическом, социальном и информационном пространстве ведет к разрушению общечеловеческих ценностей, сформировавшихся различными этнокультурными системами, и к формированию новых конфронтационных вызовов в международных отношениях.

Ключевые слова:

глобализация, фрагментация, устойчивое развитие, международные организации, политические элиты, идентичность, гражданское общество, права человека.

UDC 303.01

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-78-90

FRAGMENTATION OF GLOBALIZATION AS A CHALLENGE TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT: IDENTITY FACTOR

Viktor I. Kamyshanov,

Institute for Social Sciences of RANEPA, School of Political Studies,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0001-6792-6236,
E-mail: vik.ifpc@mail.ru

Article received on November 29, 2020, accepted on December 28, 2020

To cite this article: Kamyshanov, V.I. (2021). Fragmentaciya globalizacii kak vyzov ustojchivomu razvitiyu: faktor identichnosti [Fragmentation of Globalization as a Challenge to Sustainable Development: Identity Factor]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 78-90. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-78-90

Abstract

The article deals with the causes of crisis phenomena in modern society at the global and local levels, which were most clearly manifested in the conditions of breaking the unified field of the system of international relations at the end of the XX and beginning of the XXI century. The problem of changing views on the role of global systems

in the modern world is raised. The ongoing processes are characterized, among other things, considering the catalyzing factor that the COVID-19 pandemic has become. This phenomenon has aggravated the contradictions of socio-political relations, which has become a consequence of the General crisis in economic and the collapse of the management system of the international space conditions of increasing uncertainty. Modern problems of world development are closely linked to the fragmentation of globalization, which has come under serious pressure from the inability of national economic systems, political elites and state institutions to develop a common understanding of joint priorities for sustainable development. Attempts to transform the existing consensus of identities in the world community through the forceful defense of liberal principles in the modern ideological, social and information space lead to the destruction of universal values formed by various ethno-cultural systems and to the formation of new confrontational challenges in international relations.

Keywords:

globalization, fragmentation, sustainable development, international organizations, political elites, identity, civil society, human rights.

Современные дискуссии о перспективах глобального развития

Развитие технологий и формирование нового технологического уклада определяют условия необратимости поступательного глобального развития и интеграции действующих политических систем. Этот процесс имеет неоднородный характер, что подтверждается тем, что международные отношения переживают определённые периоды спадов и подъёмов в своем развитии. Идентичные процессы происходят в развитии общественно-политического состояния современной цивилизации на локальном уровне. Как следствие возникает необходимость объяснения состояния политического процесса в современном мире, который развивается в том числе и на основе понимания противоречий проблемы определения и самоопределения идентичности его участников. Дискуссия в политологическом сообществе по этому вопросу показывает востребованность исследования этого процесса и выработки как его теоретического обоснования, так и практического претворения в жизнь через действующие политические механизмы и институты в современном международном пространстве.

В целом, не вызывает возражения существующая аксиома того, что в глобализирующемся современном мире системы ценностей подвержены изменениям, ускоряются социальные и культурные процессы, происходят духовные и политические сдвиги, вызывающие фундаментальные перемены во всех сферах жизни, ломаются стереотипы и социальные представления, сложившиеся в сознании общества в предшествующие исторические периоды.

Эта позиция основывается на том, что любая система имеет набор констант, которые не меняются при любых обстоятельствах, и переменных, которые отражают как объективные, так и субъективные изменения в той или иной системе политических координат.

В силу этого в центр дискуссии относительно перспектив развития современного мирового сообщества перемещается понимание идентичности как фактора развития и поиска ответа на существующие кризисные явления. В этом контексте значение таких фундаментальных европейских гуманистических ценностей, как свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе становится определяющими в силу их глобального влияния на процесс принятия решений. Вместе с тем, они находятся в диалектической противоположности с существующими национальными ценностями и традициями, влияющими на осознание принципов суверенитета и самоопределения. Крайними точками в этом противостоянии являются космополитизм и национализм. Особое внимание в последнее время уделяется определению роли и места глобализации в этом процессе.

С начала 90-х годов минувшего века глобализация рассматривается как устойчивый вектор современных международных отношений. Однако практика показывает, что глобализация явилась не только объективной тенденцией общественного развития, но и сгенерировала ряд противоположных по своему характеру процессов, и в настоящий момент находится в стадии турбулентности, связанной с кризисом идеологических основ функционирования мировой системы, оказавшихся под воздействием идей глобализма.

Основой для выработки общих критериев развития на протяжении трех четвертей века служит система международного сотрудничества. Сформулированный в рамках системы ООН принцип достижения устойчивого развития, ставящий целью задачу придания глобализации необратимого характера, исходил из необратимости преодоления ряда военно-политических и социально-экономических вызовов и стереотипов в международных отношениях. Это отмечается принятой Генеральной Ассамблеей ООН Декларации тысячелетия: «Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе» (Декларация тысячелетия ..., 2000).

Большое влияние на формирование процесса глобализации оказало возникновение новых условий для перераспределения человеческого потенциала в международных политико-экономических процессах. Это сформировало восприятие необратимости этого процесса и возникновения в его результате единой идентичности в политическом развитии мира. Вместе с тем, наличие этого феномена не сняло с повестки дня задачу – «предотвращение конфликтов идентичностей как ключевой проблемы практической политики государства в условиях растущего социокультурного многообразия современных обществ» (Семененко, 2020).

Особое место занимает феномен миграции как результат возникновения новых пространств для свободного перемещения, который следует рассматривать в контексте политических, идеологических, экономических и климатических трансформаций на нашей планете.

В экспертной среде высказывается мнение, что из-за глобального потепления народы будут перемещаться все больше и больше (Глобальное потепление ..., 2019). Это – объективный процесс, отражающий общие перемены

в современном мире и имеющий многочисленные исторические аналоги. Вместе с тем, одним из факторов, который усугубляет реализацию цели устойчивого развития, является убежденность в том, что миграция является необратимым процессом. Более того, на личностном уровне мигранты рассматриваются как «двигатель глобальной социальной системы. Воспринимающие мир как одно общее пространство, мигранты являются живым подтверждением необратимого фактора глобализации» (Горелов, 2009). Причина этого в том, что современная политэкономическая либеральная модель создает возможности для легитимации основных принципов общественного прогресса только в высокоразвитых социально обеспеченных странах, куда и стремятся мигранты. Изменение этого принципа и создание таких же социально-экономических условий благополучия в местах исхода мигрантов является критическим условием для преобразования всей модели развития современного общества, что приведет к дефляции миграции и ее основных форм – эмиграции, иммиграции, утечки мозгов, перераспределения трудовых ресурсов.

В основе глобализации лежит аксиома доминирования экономических интересов основных акторов рыночной транснациональной экономики в интересах собственной гегемонии в современном мире. В этом контексте справедлива точка зрения, которую высказал в ходе онлайн сессии 20 мая 2020 года в рамках VI Международного научного конгресса «Глобалистика-2020» сопредседатель Римского клуба Эрнст Вайцзекер, о том, что глобализация, остающаяся в рамках идеологии рынка, представляет собой катастрофу для развития (VI International ..., 2020).

Система мирохозяйственных отношений в современном мире оказалась в плену порочного круга либеральных концепций, который она, как представляется в экспертном сообществе, не способна разорвать. Концепция либерализма в современных условиях стала предметом критики как реалистов, высмеивающих либеральный интернационализм как наивный крестовый поход за пределы мира по образу и подобию Америки, так и радикалов, которые отвергают его как дымовую завесу, за которой формируется транснациональный капитал и империя «золотого миллиарда».

По своей сути глобальный финансовый и экономический кризис означает провал концепции саморегулирующихся рынков и неолиберальной идеологии. Действующая транснациональная экономическая модель объективно проявила свою несостоятельность во всех сферах современных международных отношений. В этих условиях был запущен деструктивный проект экономических санкций. Пандемия 2019–2020 гг. в полной мере обнажила системный кризис как действующей экономической модели, так и системы политического управления и социального обеспечения общественного развития. Эта деформация привела к тому, что общий объективный тренд на формирование глобального международного сообщества оказался под давлением целого ряда факторов, лежащих в основе усиливающейся фрагментации современного мира, которую следует рассматривать в контексте анализа современного состояния и оценок решения глобальных проблем для создания безопасного будущего человечества.

Фрагментация международного права

Особое внимание в контексте глобализации сегодня привлекает кризис международного права и его отражение в обеспечении прав и свобод человека в современном мире на глобальном, региональном и локальном уровнях. Постоянные военные столкновения и крупные военные конфликты, потрясавшие человечество на протяжении всей его истории, всегда увязывали вопрос о правах человека, и в первую очередь сохранения его существования, в один тесный узел с проблемой защиты национальной безопасности и обеспечения права человека на существование и на жизнь в условиях мира. Основные принципы этого права отражены во Всеобщей декларации прав человека, которая вобрала в себя переоценку ценностей и потребностей общества и человека в результате Второй мировой войны.

Последние годы характеризовались интенсивностью деформации понимания основных принципов международного права и международных отношений, в том числе и в вопросе обеспечения неизменных ценностей декларации о правах и свободах человека, которые лежат в основе международной правовой системы, защищающей право человека на свободу и мир. Произошло обезценивание классической правовой нормы «*Pacta sunt servanda*», что особенно рельефно проявилось в разрушении международных договоров, обеспечивающих современную военную безопасность и политическую стабильность. Это также проявляется в нарастающем давлении на ключевые международные организации, такие как ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ. Возникающие новые объединения и структуры лишь снижают влияние этих столпов международного сотрудничества, в то время как объективно нарастающие внутренние противоречия в осуществлении уставных задач этих всемирных организаций усугубляются бюрократизацией их деятельности и снижением эффективности выполнения основных задач международного сотрудничества. Модель трансформации международных организаций в рамках идеи глобализма была опробована в Совете Европы. Результатом искажения понимания роли и места идентичности государства в системе стал кризис в отношениях между Советом Европы и Россией. Важность поиска путей преодоления неопределённости в отношениях, в том числе в системе международных отношений, отметил в ходе встречи с Генеральным секретарём Совета Европы С.В. Лавров: «Главное для нас – чтобы Совет Европы оставался одним из столпов миропорядка, основанного на международном праве, а не на «правилах», которые будут устанавливать отдельные страны и их не универсальные организации и союзы. Чтобы Совет Европы оправдывал свое предназначение общеевропейской организации, чьи механизмы и конвенции сплачивают воедино правовое и гуманитарное пространство нашего общего континента» (Выступление ..., 2020).

Серьезный вызов системе международного права представляет собой концепция замены договорных основ межгосударственных отношений механизмом политической сделки, вытекающей из внешнеполитической стратегии президента США Трампа на современном этапе.

Фрагментация в сфере безопасности

Последнее десятилетие XX века стало временем интенсификации процессов определения содержания глобализации в современном мире, которые соотносились с новыми политическими реалиями, складывающимися в мире. Глобализация стала рассматриваться как процесс формирования однополюсного мира и единой формы экономического контроля над мировыми общественно-политическими процессами. А под его влиянием формируется новое понимание содержания концепции безопасного будущего.

До последнего момента в вопросах безопасности ключевую роль в ее определении занимали ядерная безопасность и угроза возникновения ядерного конфликта, что выявляло неделимость всемирной безопасности. Это было дополнено факторами целостности экологической безопасности и вызовами, сформировавшимися под воздействием международного терроризма как несистемного феномена международных отношений.

Принцип достижения односторонней выгоды при принятии решений в области международного сотрудничества стал причиной подрыва целостности сложившейся системы безопасности в мире и разрушения цивилизационного пространства, вертикально интегрированного в биполярный мир за период с завершения Второй мировой войны.

Это создало предпосылки для возникновения глубокого кризиса. Он нашел свое отражение в нарастании противоречий в отношениях между ключевыми странами современного мира, нарастанию точек напряженности. Глобальная международная безопасность становится все более неустойчивой. Подтверждением общественной обеспокоенности этой ситуацией стало изменение во временном отсчете на часах Судного дня, который ввели представители всемирного антивоенного движения с момента наибольшей угрозы возможности возникновения ядерной войны. Объясняя это решение, авторы данного проекта подчеркивают, что «человечество продолжает сталкиваться с двумя одновременными экзистенциальными опасностями – ядерной войной и изменением климата, которые усугубляются мультипликатором угроз, информационной войной с кибернетической поддержкой, которая подрывает способность общества реагировать. Ситуация в области международной безопасности является ужасной не только потому, что эти угрозы существуют, но и потому, что мировые лидеры позволили международной политической инфраструктуре для управления ими разрушиться» (Doomsday Clock ..., 2020).

Одним из главных условий consistency международных политических процессов является обеспечение устойчивого их развития в условиях всеобщей безопасности и мира.

Рассматривая под этим углом глобализацию и поставленную проблему определения факторов её фрагментации, мы увидим, что современное состояние глобализации не соответствует основному требованию условий согласованности, непротиворечивости внутренних процессов глобализации и их релевантности обеспечению прав человека как творения природы.

Если мы проведем анализ современных общественно-политических процессов на национальном и глобальном уровне, то, исходя из условий consistent-

ности, придем к выводу, что в современных условиях глобализация, по сути дела, как единая система не существует. А то, что представляется под видом глобализации, является ее суррогатом, что и подтверждается в ходе пандемии. COVID-19 – «это величайший системный кризис, который пережили все, кроме самых старых граждан во всем мире. Это произошло, когда многие институты и социальные структуры уже выглядели изношенными» (Steven, Evans, 2020).

Фрагментация общественных отношений

Противостояние общественных сил в восприятии процессов глобализации – феномен, который возник в самом начале выхода глобализации на авансцену политического развития мирового сообщества. Дискуссия между глобалистами и антиглобалистами показала всю неоднозначность общественного восприятия глобальных процессов. Ее характер изначально стал приобретать форму активного противостояния, подрывая тем самым возможности для сохранения форм общественного и политического диалога в мире в интересах выработки глобального консенсуса.

Общественные силы сыграли свою важную роль в создании первого общественного консенсуса, который строился на понимании невозможности победы в термоядерной войне, которая при любых условиях возникновения развивалась бы в глобальное взаимное уничтожение всех ее участников. Этот процесс развивался до возникновения противостояния глобалистов и антиглобалистов и носил характер согласия с наличием существования различных политических систем на принципах взаимного признания права на идеологическое разнообразие.

В настоящее время перед гражданским обществом стоит вызов формирования второго уровня консенсуса через выработку взаимного согласия на устойчивое развитие. Необходимость этого связана с наличием общих угроз. Эта проблема рассматривается под разными углами. Так, Дж. Най, анализируя современный миропорядок и перспективы его развития, отмечает, что «экологическая взаимозависимость создает непреодолимые препятствия для реализации суверенитета, потому что связанные с ней угрозы транснациональны. Вне зависимости от степени регресса в экономической глобализации, экологическая глобализация продолжится, потому что она подчиняется законам биологии и физики, а не логике современной геополитики. Подобные проблемы ставят под угрозу каждого, но ни одна страна не может справиться с ними в одиночку. В таких случаях, как пандемия COVID-19 или изменение климата, начинается силовая игра с позитивной суммой» (Най, 2020). Вместе с тем, парадоксом этого подхода является то, что пандемия, будучи проблемой транснациональной, резко стимулировала необходимые условия для суверенизации политического процесса.

Таким образом, перспектива формирования второго консенсуса в современных условиях связана с существованием множественности транснациональных проблем и зависит от темпа преодоления кризисных явлений в развитии международных отношений и формирования общего знаменателя консенсуса в дихотомии противостояние – взаимодействие (Камышанов, 2020).

Фрагментация в сфере научно-технического прогресса и цифровых технологий

Серьезный вызов представляет собой развитие новых технологий. С одной стороны, это необратимый процесс, который лежит в основе развития глобализации. Он обладает потенциалом кардинального улучшения качества жизни населения планеты. Но, с другой стороны, современный опыт показывает, что нет никаких гарантий, что это произойдет без ущерба свободы и безопасности личности человека. Озабоченность по-прежнему вызывает то, что растущий нетранспарентный цифровой разрыв рискует подорвать основы устойчивого развития и тем самым оставить позади большие слои общества и всего мира в решении вопросов о безопасности цифровизации данных и их потенциального использования как ресурса в гибридной войне.

Лакмусовой бумагой данного предположения может стать использование информации, собранной в процессе развития пандемии COVID-19. Будет ли она содействовать устранению того огромного дисбаланса, который возник в обеспечении права человека на защиту через доступ мирового населения к здравоохранению и интересами бизнес-элит, которые в борьбе за сверхприбыли обострили целый ряд ключевых экономических процессов, в первую очередь с целью установления контроля над трудовыми ресурсами через управление энергоресурсами и информационными базами данных?

И, конечно же, продолжается дискуссия о том, какое место должны занимать технологические и информационные платформы в сфере повышения эффективности и объективности выборов как основы влияния на демократическое управление обществом. Анализируя современные выборные процессы, Б. Оуэн обращает внимание, что при их проведении «опасность становится очевидной немедленно. Все изобретатели избирательных систем считают избирателей абстрактными числами. Когда вы читаете их работы, вы можете видеть, что они забыли, что имеют дело с человеческими существами. Давайте остановимся на минуту. Многие люди любят власть, но, конечно, не все. Но те, кто готов прийти к власти, не всегда имеют возможность вести своих граждан по пути благополучия или, как говорят американцы, – «исследования счастья» (Owen, Rodriguez-McKey, 2013).

С таким абстрактным восприятием человека, на которое обращают внимание независимые, но не равнодушные исследователи современных политических процессов, сегодня мы сталкиваемся все чаще. Для того, чтобы обеспечить преодоление существующих проблем, важно найти в условиях разрушения платформ и пространств для диалога «рациональное соотношение между различными точками зрения, баланс между двумя доминирующими школами международных отношений – реализмом и либеральным интернационализмом, сочетая усилия по восприятию мира таким, какой он есть, с предпочтением дипломатии и многосторонности в поддержку основанного на правилах и нормах глобального порядка» (To Defend Its Interests at Home and Abroad ..., 2020).

Фрагментация политических и экономических элит

Одним из современных феноменов глобализации является разрыв в понимании закономерностей формирования процессов управления ключевыми

секторами глобальной экономики властными элитами. Дестабилизация прежних и существующих интеграционных пространств, которые лежат в основе глобальной стабильности, прошла к настоящему времени несколько этапов. Происходящие процессы конфронтации общественных систем в Европе и США являются отражением разрушения колониальных интеграционных систем, построенных на системе неравенства и угнетения. Созданная столетия назад пружина конфликта отношений между метрополиями и колониями в современных условиях отсутствия адекватного механизма культурного взаимодействия в системе либеральных ценностей привела к резкому обострению конфронтации в условиях новых кризисных вызовов, которые были обострены в условиях пандемии.

Политические элиты оказались неготовыми к этому процессу, основные предпосылки которого стали проявляться в середине нулевых годов, когда баланс между экономическими возможностями метрополий, объединившихся в Европейском союзе, и колоний, которые не были обеспечены адекватным уровнем социально-экономического развития и по-прежнему оставались источником вывоза капитала и стоявшим над этим процессом глобальным лидером в лице США, борющихся за сохранение своего исключительного военно-политического и финансового контроля, привел к нарастанию конфликтов на национальном уровне. Подтверждением этого являются неурегулированные региональные конфликты в Африке, разрушение политических систем на Ближнем, Среднем Востоке и в Центральной Азии и их возрастающее давление на политическую систему современного экономического центра в лице США и Европейского союза.

Рассматривая систему взаимодействия политических институтов в современном мире, необходимо оценивать происходящую трансформацию ценностей под воздействием нарастания национальной идентичности как ключевой в формировании системы политических приоритетов. Сталкиваясь с нарастающей угрозой неопределенности в управлении, современные политические элиты с нарастающей скоростью теряют влияние на общественные политические процессы. Формирование новой идентичности, носящей протестный характер, создает критические условия для достижения целей устойчивого развития.

В этих условиях необходим ответ на вопрос, каким путем пойдет развитие современного мира в поиске выхода из современного кризиса. В этой связи обращение к опыту прошлого имеет значение для поиска ответов о будущем. В этом, наверное, и ценность вывода, который сегодня важен для современного политического процесса, на который обращалось внимание еще в начале XX века: «Идеалисты и материалисты видят возможность перемен лишь в революциях, а реализм признает, что действительные перемены совершаются только постепенно, путем эволюционным» (Менделеев, 2008).

Изучение причин этого процесса показывает наличие многоуровневого разрыва в системных исследованиях современного миропорядка и векторов его развития. Предлагаемый в современных условиях универсальный глобализм не отвечает вызовам нашего времени, так как действует как разбалансированная система, которая не опирается на научно разработанную теорию перспектив развития современного мира.

В силу этого на повестке дня стоит задача определения новых принципов формирования взаимоотношений между различными социальными и государ-

ственными системами с учетом нарастающей фрагментации глобализации. И в этом контексте важна точность определения вектора идентичности в современном процессе глобального развития, которое в настоящее время сменило направление с интеграционного на фрагментарный.

Список литературы

1. *Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Генеральным секретарем Совета Европы М. Пейчинович-Бурич, Москва, 19 октября 2020 года.* (2020, 19 октября). Взято с https://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/4395296
2. *Глобальное потепление провоцирует войны и миграцию: новое исследование.* (2019). Взято с <https://www.mk.ru/science/2019/01/23/globalnoe-poteplenie-provociruet-voyny-i-migraciyu-utverzhaet-mezhdunarodnaya-gruppa-uchyonykh.html>
3. Горелов, А. А. (2009) Глобализация как объективная тенденция мирового развития. *Век глобализации*, 1, 79–90.
4. *Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года.* (2000). Взято с https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
5. Камышанов, В.И. (2020). Трансформация обоснования современных политических процессов на национальном и международном уровне: вызов времени. *Социальные и гуманитарные знания*, 6(3(23)), 230–238.
6. Менделеев, Д. (2008). *Познание России. Заветные мысли.* М.: Эксмо.
7. Най, Дж. С. (2020, 17 июля). *На руинах миропорядка.* Взято с <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/statja/show/na-ruinakh-miroporjadka-1109/>
8. Семененко, И. С. (2020). Идентичность в современном научном и политическом дискурсах. Тезисы основных докладов, сделанных на Третьих Субботних политологических чтений в Президентской академии. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3(40), 113–117.
9. *Doomsday Clock – Bulletin of the Atomic Scientists* (2021, 27 января). Взято с <https://thebulletin.org/doomsday-clock/>
10. Owen, B., & Rodriguez-McKey, M. (2013). *Proportional Western Europe. The Failure of Governance.* Palgrave Macmillan US.
11. *VI International Scientific Congress “Globalistics-2020”.* (2020). Взято с <https://www.globalistika.ru/20-forum>
12. Steven, D., & Evans, A. (2020, 18 марта). *Planning for the world after the coronavirus pandemic.* Взято с <https://worldpoliticsreview.s3.amazonaws.com/WPR-Resilience-Coronavirus-Pandemic.pdf>
13. *The Electoral System: The Cornerstone of Electoral Laws* (2016, 8 мая). Взято с <http://cece-owen.net/the-electoral-system-the-cornerstone-of-electoral-laws-3#comment-279>
14. *To Defend Its Interests at Home and Abroad, America Must Vote Trump*

Out. (2020, 14 октября). Взято с <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/29130/to-defend-its-interests-at-home-and-abroad-america-must-vote-trump-out>

References

1. *Deklaraciya tysyacheletiya Organizacii Ob"edinennyh Nacij. Prinyata rezolyuciej 55/2 General'noj Assamblei ot 8 sentyabrya 2000 goda* [United Nations Millennium Declaration. Adopted by General Assembly resolution 55/2 of 8 September 2000]. (2000). Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
2. *Doomsday Clock – Bulletin of the Atomic Scientists*. (2021, January 27). Retrieved from <https://thebulletin.org/doomsday-clock/>
3. *Global'noe poteplenie provociruet vojny i migraciyu: novoe issledovanie* [Global warming provokes wars and migration: new study]. (2019). Retrieved from <https://www.mk.ru/science/2019/01/23/globalnoe-poteplenie-provociruet-voyny-i-migraciyu-utverzhaet-mezhdunarodnaya-gruppa-uchyonykh.html>
4. Gorelov, A. A. (2009). Globalizaciya kak ob"ektivnaya tendenciya mirovogo razvitiya [Globalization as an objective trend of world development]. *Vek globalizacii*, 1, 79–90.
5. Kamyshanov, V. I. (2020). Transformaciya obosnovaniya sovremennyh politicheskikh processov na nacional'nom i mezhdunarodnom urovne: vyzov vremeni. [Transformation of the justification of modern political processes at the national and international level: the challenge of the time]. *Social and humanitarian knowledge*, 6(3(23)), 230–238.
6. Mendeleev, D. (2008). *Poznanie Rossii. Zavetnye mysli* [Cognition of Russia. Cherished thoughts]. M.: Eksmo.
7. Naj, Dzh. S. (2020, July 17). *Na ruinah miroporjadka* [On the ruins of the world order]. Retrieved from <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/statja/show/na-ruinakh-miroporjadka-1109/>
8. Owen, B., & Rodriguez-McKey, M. (2013). *Proportional Western Europe. The Failure of Governance*. Palgrave Macmillan US.
9. Semenenko, I. S. (2020). Identichnost' v sovremennom nauchnom i politicheskom diskursah. Tezisy osnovnyh dokladov, sdelannyh na Tret'ih Subbotnih politologicheskikh chtenij v Prezidentskoj akademii [Identity in modern scientific and political discourses. Abstracts of the main reports made at the Third Saturday Political Science Readings at the Presidential Academy]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 3(40), 113–117.
10. Steven, D., & Evans, A. (2020, March 18). *Planning for the world after the coronavirus pandemic*. Retrieved from <https://worldpoliticsreview.s3.amazonaws.com/WPR-Resilience-Coronavirus-Pandemic.pdf>
11. *The Electoral System: The Cornerstone of Electoral Laws*. (2016, May 8). Retrieved from <http://cece-owen.net/the-electoral-system-the-cornerstone-of-electoral-laws-3#comment-279>
12. *To Defend Its Interests at Home and Abroad, America Must Vote Trump Out*. (2020, October 14). Retrieved from <https://www.worldpoliticsreview.com/>

articles/29130/to-defend-its-interests-at-home-and-abroad-america-must-vote-trump-out

13. VI International Scientific Congress “Globalistics-2020”. (2020). Retrieved from <https://www.globalistika.ru/20-forum>

14. *Vystuplenie i ovet na vopros SMI Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S. V. Lavrova v hode sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s General'nym sekretarem Soveta Evropy M. Pejchinovich-Burich, Moskva, 19 oktyabrya 2020 goda* [Speech and response to a media question by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov during a joint press conference following talks with Secretary General of the Council of Europe Mikhail Pejcinovic-Buric, Moscow, October 19, 2020]. (2020, October 19). Retrieved from https://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/4395296

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Буркова Елена Ивановна,

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-7798-1455,
E-mail: lenchen007@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2020, принята к публикации 29.01.2021

Для цитирования: Буркова Е. И. Религиозная идентичность как фактор политического развития России // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 91-113. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

Аннотация

Статья посвящена вопросам влияния этнорелигиозной идентичности на политический процесс, политические институты, своеобразие политического развития современной модернизирующейся России. Основная цель работы – установить характер взаимосвязи факторов религиозного выбора и выбора пути общественного развития. Для этого решается ряд задач, в частности – уяснить, как религиозная идентичность граждан связана с их политическими взглядами, позициями, активностью. Сквозь призму классических и неклассических теорий рассмотрены проблемы изменения характера религиозности, роли религиозных институтов, ценностей и идей в рамках модернизации и при переходе к Постмодерну, религиозного измерения политического развития, развития как религиозной и политической ценности.

В связи с раскрытием основных сюжетов приходится затронуть вопросы эволюции взаимоотношений институтов церкви, национального государства и гражданского общества в мире позднего модерна, на примере России, с особым вниманием к вкладу Церкви, ее приходов, политических активистов и идеологов в рост гражданского политического активизма и гражданского участия, низовой демократии, самоуправления, и, в целом, перспектив демократического процесса.

© Буркова Е.И., 2021

Дополнительно ставится вопрос о нынешней модели церковно-государственных отношений в России, в связи с чем уделяется особое внимание концепту гражданской религии Р. Беллы.

Впервые осуществляется компаративный анализ результатов исследований религиозной идентичности (включая характер религиозности в сопоставлении с политическими, культурными, ценностными предпочтениями) в России, других странах православной культуры, а также в бывших социалистических странах, выполненных американским институтом PEW, с итогами многолетней работы Р. Инглхарта, полагающего характер религиозной культуры в качестве ключевого индикатора развития (Диаграмма культурных ценностей Инглхарта-Верцеля). С данными иностранных социологов сопоставляются соответствующие разработки авторитетных российских ученых. В заключении сделаны новые концептуальные выводы о религиозной идентичности как ресурсе, критерии национального политического развития в современном глобализирующемся обществе; практические выводы о политическом потенциале религиозной политики, о возможностях церковных институтов противостоять тоталитарным тенденциям в целях безопасного политического развития России в XXI веке.

Ключевые слова:

религиозная идентичность, церковно-государственные отношения, политическое развитие, теории политического развития, (пост)материальные ценности, теория модернизации.

UDC 321

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

RELIGIOUS IDENTITY AS A FACTOR OF POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Elena I. Burkova,

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Candidate of Political Sciences,
Moscow Russia,
ORCID: 0000-0002-7798-1455,
E-mail: lenchen007@rambler.ru

Article received on December 30, 2020, accepted on January 29, 2021

To cite this article: Burkova, E.I. (2021). Religioznaya identichnost' kak faktor politicheskogo razvitiya Rossii [Religious identity as a factor of political development of Russia]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 91-113. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-91-113

Abstract

The article focuses the influence of ethno-religious identity on the political process, political institutions, and choice of the model of political development of contemporary modernizing Russia. To find interdependence between religious choice and the choice of the way of development is the main purpose of it. To realize, how religious identity and values of citizens are connected with their political views, positions and activities is one of the tasks under consideration. Problems of religious dimension of political development, and – development as a religious and political value, the role of religious institutions, types of religious culture and religious ideas, – are being examined within the framework of Modern/Postmodern society, classical and postclassical theories of development.

Relations between church, national state, civil society in late modern Russia are highlighted with special attention to the role of the Church, its parishes, activists and thinkers in a democracy process, decentralization, political activism and public participation. Additionally the questions of the model of church-state relations in Russia are raised; the concept of civil religion of R.N. Bellah is examined.

It is for the first time, when comparative study of the results of the pools on religious identity of citizens of Russia, other Orthodox and also post-Soviet countries of American PEW Institute and the analogous pools of R.F. Inglehart team is made. The results of Russian pools are considered here too. To summarize, there are important conceptual conclusions about: the religious identity as recourse and a criteria of national development in a modern globalizing world, the political potential of religious politics and policies, of church political activism, opportunities of its institutes to confront or weaken totalitarian tendencies for the secure development of Russia in the 21st century.

Keywords:

religious identity, the relations between the church and the state, political development, theories of political development, (post)material values, theory of modernization.

Позитивистская общественно-политическая мысль XIX века постулирует: по мере развития цивилизации роль религии в общественной жизни будет снижаться. Однако события последних 30 лет как будто опровергли этот тезис. «Исламская революция» в Иране, «теология освобождения» в Латинской Америке, «библейский пояс» в США, натиск религиозных партий в Израиле, – эти и другие явления, относящиеся к религиозной жизни людей, имели самые далеко идущие политические последствия. А в это время в России, и во всех бывших социалистических странах, идеология коммунизма лишилась государственной поддержки, и люди обратились к своим религиозным корням.

Сегодня власти России часто прибегают к религиозной фразеологии, демонстрируют уважение к религиозным традициям. Звучит призыв включить понятие «Бог» в основной закон страны, тем более, оно уже присутствует в новом тексте гимна. Абсолютное большинство жителей России исповедует православие, и, как может показаться, наши руководители уже готовы искать ответы на вопросы «кто мы», «куда мы идем», в русской богословской мысли.

В первой половине 90-ых гг. в стране формируется так называемый «православный консенсус»: в условиях идейного кризиса и раскола общества почти все граждане, вне зависимости от образования, возраста, национальности, взглядов, относились к вере, православию, церкви однозначно позитивно. Сегодня никого не удивляет религиозная фразеология в устах политика: консерваторы-«патриоты» обличают «богохульную» оппозицию («несть бо власть аще не от Бога», потому «Бога бойтесь, царя чтите»!)¹, среди которой социалистов и либертарианцев все меньше, а верующих – все больше.

Теория модернизации учит, что все страны мира идут одним путем к общей модели развития, в мир Постмодерна. А Постмодерн – это «время танцора», реконструктора и имитатора, в нем все – нравственность, мораль, ценности, идеалы – подделка, игра, не всерьез. Есть ли духовное возрождение сегодня в России? Что такое «духовные скрепы», заменившие нам, в отсутствие серьезной альтернативы, национальную идею и программу развития? Чего они требуют от общества, политической сферы и активных граждан, в том числе православных? Как влияет религиозность россиян на развитие страны? Ответим на эти вопросы, рассмотрев религиозную идентичность России с учетом происходящих в ней трансформаций в контексте новейших политических идей.

Переход цивилизации на новый этап развития и изменение природы религиозности

Современное национальное государство (nation state) существует с XVII века. Первой исторической формой его бытия был абсолютизм европейских империй, власть которых «утвердилась на универсальной миссии Церкви» (Эйкен, 1907, с. 170). Сегодня этот политический институт в глубочайшем кризисе. Притом растет роль религиозного фактора. В «обществе потребления» растущая техносфера поощряет человека к организации своего внутреннего пространства как фундамента для коммуникации с глобализирующимся миром. Где культурные эталоны, символы и смыслы вступили между собой в острую конкуренцию. В сознании граждан, в умах политиков, в проектах развития.

Глобализация в ее нынешней версии, сопровождаемая эмансипацией техносферы, трансформирует человеческие качества, делает людей орудием экономического и политического производства, повсеместно провоцируя рост тоталитарных тенденций политического развития. Понятие о развитии также меняется². Классическая теория развития, в знакомой нам форме модернизации, гласит: мир – объект познания и освоения, людям надо взять его под контроль, вооружившись разумом, создать, взамен естественной, искусственную среду. А она сформирует постчеловека, с новыми качествами и свойствами.

В конце XX в., на смену классической, приходит неклассическая теория развития, которая постулирует: законы природы и общества не познаны нами в мере, позволяющей осуществлять их контроль. На место управления прихо-

¹ Рим 13:1; 1 Пет 2:17.

² Развитие есть движение общества во времени в форме самоорганизации индивидуального и коллективного опыта поколений в их непрерывном взаимодействии.

дит регулирование. Состояние социума здесь всегда переходно. Модернизация переосмысливается как постоянное осовременивание, движение навстречу инновациям. Неклассические теории дают свое решение проблемы человека. Он – уже не потребитель, живущий лишь материальным, иные ценности – свободы, самовыражения, творчества, участия в жизни других людей – задают ему смыслы и цели. «Демократия участия», активизм «снизу», децентрализация и рост местного самоуправления – политические тенденции неклассического этапа уводят нас от общества всеобщего контроля. В общественном развитии это – следование необщему пути, опора на местные ценности, эндогенные формы политической и хозяйственной жизни. Какая, классическая или неклассическая, версия развития восторгается здесь и сейчас, зависит, в том числе, от долгосрочных стратегий развития данной страны. Россия в этом смысле уже более 25 лет плывет в неизвестность без руля и без ветрил.

Впрочем, хотим мы этого или нет, мы, вместе со всей планетой, вступаем в новый мир, в «общество знания». Коренные изменения происходят в религиозной сфере. Религия перестает быть источником норм морали. Внешним ограничителем поведения человека. Не в ней теперь черпают ценности и идеи. Внешняя, обрядовая, религиозность падает с ростом уровня и качества жизни людей – прежде люди искали в вере утешение от бед, обретали ресурс для преодоления трудностей. В мире сытости и комфорта, современного развития медицины, высокой продолжительности, предсказуемости жизни, ее безопасности, религия как «опиум» народа, когда-то помогавшая переносить страдания, не нужна. Объяснительная, идеологическая функция ее также отпала. Многие догматы и ритуалы остались в прошлом.

Неверно сказать: религиозность отмирает, это справедливо в отношении институционализированной, организованной формы религиозной жизни. Люди перестали «прибегать к услугам» религиозных организаций. Теперь они верят, что называется, «в душе». Поддерживают идею. Но не институт. В вопросах веры, как во многом другом в наш век, мы перестаем повиноваться лидерам и институтам. Но религия, как и прежде, придает жизни человека осмысленность. В мире Постмодерна религиозный выбор позволяет человеку совершить акт самовыражения, стимулирует саморазвитие, и из рутины скучных ритуалов религиозная жизнь превращается в акт творчества (Inglehard, 2020). А еще остаются процессы социальной коммуникации, и здесь религия играет все возрастающую во времени медиативную роль! (Климов, 2012).

Начиная свои религиозоведческие изыскания, Р. Инглхарт полагал, что модернизация и секуляризация взаимодополняют друг друга. Последующий анализ показал, что в этом был смысл, если понимать последнюю в русле демографического перехода, гендерных трансформаций. Но индустриализация завершается, заканчивается и секуляризация. На смену старой религиозности приходит новая. В ней нет нетерпимости, страха быть «не как все», упования на внешний авторитет, а есть толерантность, уважение к выбору других, свобода самовыражения и творчества, внутреннее желание человека, наблюдающего моральные нормы не из страха. Мораль – во мне, на скрижалях моего сердца: самые развитые секуляризованные страны имеют минимум насилия, преступлений против личности. Прежняя религиозность меняется поиском форм духовной жизни, радостями выбора, самоидентификации (Инглхарт, 2020).

В новом мире радикально меняется статус религиозного института. Религиозная монополия, опора на государственную поддержку – в прошлом, приходит время религиозного плюрализма. Церковь и государство относятся друг ко другу как чужой к чужому, что есть критерий не секуляризации только, но и перехода в Постмодерн. Церкви развитых стран ведут себя в рамках этого процесса по-разному. Еще М. Вебер считал, что модернизация и протестантизм взаимодополняют друг друга. Православию в этом отказано, в нем видят консервативную, не приспособленную к переменам, силу, отвергающую плюрализм и признающую лишь монопольное существование, господство на данной территории. Вряд ли с этим можно согласиться. Скорее всего, рецепция новых веяний политики и культуры институтами христианской церкви зависит от того, какого качества верующие ее наполняют, как они сознают себя.

Некогда, еще до начала работы над темой религиозной идентичности, Р. Инглхарт изучал уровни мотивации, мобилизованности людей на борьбу с экологическим кризисом. Именно тогда он выделил две группы граждан – с материалистическими и постматериальными ценностями в основе личностной иерархии. Постмодерн формирует постматериальные ценности – таковые свободы, справедливости, братства и уверенности в своем будущем; предпосылкой к ним является субъективное ощущение экзистенциальной безопасности и высокое качество жизни. Надстройка над материалистическими ценностями, базовыми жизненными потребностями, целями, постматериальные ценности явно коррелируют с новой религиозностью, материалистические же точно описывают религиозность традиционного типа (страх перед будущим и др.). Человек Модерна все еще нацелен на собственное выживание, человек эры Постмодерна – на развитие, и, развиваясь сам, он не мешает делать это другим. Критерием постматериальности для Р. Инглхарта выступил положительный ответ на вопрос: «готовы ли вы пожертвовать ростом своего материального благополучия и достатка ради будущего, если это нужно для охраны окружающей среды и сохранения возможности будущим поколениям удовлетворять свои базовые потребности в доступном вам объеме». В итоге Р. Инглхарт получил полное несовпадение уровня доходов, богатства страны с распространением постматериальных ценностей. Для последних важнее фактор политической и социально-экономической стабильности, безопасного развития, в смысле – без катастроф, возраст опрошенных (моложе – постматериальнее). Россия показала сверхнизкий уровень постматериальности, хотя опросы имели место около 1991 года, когда многие катаклизмы у наших соотечественников были еще впереди. На первом месте опроса была Германия, на втором – Южная Корея, а вот Япония, США – в середине таблицы (Abramson, Inglehart, 1995).

Позднейшие работы, подтвердившие ранее обнаруженное, легли в основу Диаграммы Инглхарта-Верцеля. По ходу изысканий Р. Инглхарт допустил, что постматериальность, помимо проактивности, отказа признавать внешний авторитет и т. д., предполагает секулярность и индивидуализм. Итоги опросов этого не подтвердили, особенно в части секулярности. На Диаграмме находим стоящих рядом богатых, постматериальных и религиозных Канаду и США, и бедных, религиозных Мексику и Колумбию с самым высоким уровнем коллективизма и постматериальности! Россиян Р. Инглхарт нашел рациональными, пассивными, индивидуалистами, консьюмеристами, секулярными, людьми без

духовных интересов. Эти черты наиболее выражены у лиц с материалистической структурой потребностей. Россия по уровню постматериальности – в самом конце списка, рядом с ней – бедные, но религиозные Йемен, Палестина и Тунис. Из индивидуалистических и секулярных стран Россия соседствует лишь с другими республиками бывшего СССР и Китаем (Инглхарт, 2011).

Многие католические (постматериальность явно выше уровня доходов) и православные (наоборот, ниже) страны настолько портили автору его картину, что он ввел в модель новую переменную – конфессиональный фактор – и получил знаменитую Диаграмму, наглядно демонстрирующую: у постматериальности мало связи с богатством страны, а вот с исповедуемой религией связь точно есть. Но из общего ряда все же выбивались православные страны, пережившие опыт интенсивного социалистического строительства, последние попали в соседство с конфуцианскими странами с опытом строительства социализма. Оставшиеся православные страны имеют средний уровень постматериальности, будучи на Диаграмме в окружении католических стран Европы, среди которых находим и государства бывшего Варшавского договора (Инглхарт, 2011).

А вдруг западные ученые ошиблись! Так что такое Россия: православная страна духовности, соборности и жертвенности, держащая «свой» путь на нашей Земле, или консьюмеристская, атомизированная, индивидуалистическая держава, которой дорога больше ни с кем, как только с индустриально-капиталистическим Западом? Какие они, верующие России? Активные, не ждущие милостей от власти и людей, но смиряющиеся перед Высшим Судьей, бунтари и инноваторы, или послушные, «забитые», движимые страхом поклонники иерархии и порядка? Они – за институты или за Смыслы? Та ли это «закваска», те ли пассионарии, которые через испытания сохранили для России православную культуру? Или – управляемые, контролируемые люди, верующие так, как «разрешается» верить, духовно живущие так, как это «принято»?

Парадоксы идентичности и религиозных предпочтений россиян

Православное население мира растет: за последнее столетие увеличившись более чем вдвое, составляет 260 миллионов человек. Но несмотря на рост этого показателя в абсолютных числах, доля православных жителей планеты, в целом, и среди христианского населения, в частности, постоянно снижается. Сегодня только 12% христиан в мире являются православными. Сто лет назад этот показатель был равен 20%. Тогда же православные христиане составляли 7% населения мира, на начало XXI века эта цифра равнялась 4%. Это несмотря на то, что в конце XX века в семью православных народов вернулись жители постсоветского лагеря. Подавляющее большинство православных мира, более 100 миллионов человек, проживает на территории бывшего СССР (Orthodox Christianity ..., 2017).

Анализируя российские источники, посвященные религиозной идентичности россиян, обратим внимание на три фактора³. Во-первых, свою веру рос-

³ Религиозная идентичность – форма индивидуального и коллективного самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религиозной культуре, формирующей представления о себе и мире.

сияне трактуют именно как идентичность, единственно возможную и верную. Православность для многих – способ самоидентификации, декларация своего патриотизма и «любви к Родине», а отнюдь не реальное исповедание веры, и никак не характеризует духовный мир. Для русских и многих других соседей-славян Русская православная церковь (РПЦ) остается сакральным символом «русскости», «русской духовности» и, главное, – «русского единства». Ведь православие, ортодоксия – это всемирность («католикос»!), вселенскость, глобальность! С другой стороны, православие оказалось стихийным оплотом тех, кто идейно противостоит либерально-рыночным отношениям и ценностям. Значимость этого явления особенно возросла после интронизации нынешнего патриарха в 2008 году, когда православие окончательно утвердилось как мировоззрение патриотов-националистов, радикальных консерваторов. Православную религию общественное мнение ассоциирует с сильной центральной властью, имперской внешней политикой, особой православной духовностью, антирыночным пафосом. Наконец, практически всеми признано, что нынешняя Россия – расколотое общество. Почти единственное, что его объединяет – православие.

Эволюция религиозности на постсоветском пространстве представляет собой постоянное колебание между выбором двух культур: либо православная религиозность, либо культура западного образца. Причем по поводу первого, а не второго пути и его понимания есть существенные расхождения. Крайний традиционализм православия и полная зависимость от самодержавного, затем авторитарного государства, жесткость, формализм идеологического контроля, которые некогда толкнули немало мыслящих русских людей в объятия модного атеизма, воспринимаются как естественные, как норма (Лункин, 2008).

Поддержка россиянами «идеологически правильного» православия сочетается с низкой практической религиозностью, приблизительными религиозными представлениями, отсутствием знаний о догматах, вероучении, о культуре православия, истории Церкви. Хаос, эклектичность религиозного сознания, иллюзии в понимании религиозной жизни, невежество соседствуют с подмеченным еще классическим русским религиоведом Е.Е. Голубинским оккультным, обрядово-магическим характером понимания православной веры, ее обрядов, двоеверием, ценностным политеизмом. В 2019 году лишь 86% декларирующих свое православие россиян прошли обряд крещения, причем трое из четырех крестились в младенческом возрасте, а из взрослых 39% крестились, будучи неверующими, по каким-то иным соображениям (Верим ли мы в Бога, 2010). Оказалось, что наши соотечественники не в курсе значения крещения, «нужно креститься, чтобы считаться христианином», думают лишь 75% россиян. А ведь информация о главном таинстве, объединяющем христиан, воспринятая даже около- и псевдохристианскими сектами, – на расстоянии одного клика в Интернете (ВЦИОМ назвал долю считающих себя православными россиян, 2019; Orthodox Christianity ..., 2017). Путаница в сознании российских респондентов привела к тому, что ряд опросов показал большее число православных, чем верующих (Фурман, Каариайнен, 2000, 2006). Приблизительные данные по адептам православия вполне устраивают церковные и светские власти, представители которых много лет повторяют цифру в 80% православных граждан в нашей стране. В реальности, эти данные очень разнятся, и зависят не только от опросных листов, но и от того, кто, когда и как проводил опрос.

Ни о мусульманах, ни об инославных, ни об атеистах этого сказать нельзя. В последнее время самый высокий уровень «православности» дало исследование авторитетного американского религиоведческого центра PEW. Он проводил опросы в 2015–2017 гг. Согласно его результатам, 71 % россиян (но не 80%!) исповедуют православие (в 1991 г. таких было 37 %, а в 1993 году – 46 %), и при этом 75 % населения России верят в Бога. Верующих в Бога оказалось больше, в размерах статистической погрешности, чем православных. Но мусульман насчитали 10 %. А ведь всего верующих 75 %! Что-то опять не сходится! (Orthodox Christianity ..., 2017). В августе 2019 года ВЦИОМ назвал более взвешенную цифру: 65 % россиян считают себя православными; не считают себя верующими – 21 %, примерно столько, сколько у американцев (Фаустова, 2019).

Более раннее российское исследование 2012 года сообщало, что считают себя принадлежащими к РПЦ (заметим: не «к православию»!) 41 % россиян. Предположим: существуют «расцерковленные» православные и православные «широкого профиля», но авторы специально просили указать, не являются ли опрашиваемые «христианами, не принадлежащими к РПЦ и любым иным конфессиям». К таковым себя отнесли 4 %. Это не дотягивает ни до 70 %, ни до 60 %. Опрос также выделил категорию «верующие в Бога без принадлежности к деноминации», и это – 25 %. Прибавим к ним 41 % православных, плюс 4 % и получаем 70 % (Религия для поколения Z ..., 2012)⁴.

Впрочем, происходящее лишь отражает противоречия внутри социальной страты православных верующих. Чтобы лучше в этом разобраться, социологи выделили подкатегорию относительно индоктринированных верующих и поделили их, условно, на воцерковленных и воцерковляющихся. Группа «воцерковленные» состоит из тех, кто: идентифицируют себя как верующих; верят в Личного Бога; считают себя православными и регулярно молятся и посещают храм. Участие в Таинствах как критерий обычно не рассматривается. И все равно в нее входит лишь 12 %. Это россияне, ставшие верующими в основном довольно продолжительное время назад. 44 % из них – мужчины. В группе имеют высшее, неоконченное высшее образование (самая образованная среди всех типологических групп) и невысокие доходы, в большинстве своем это – пожилые люди (старше 50 лет). Во второй группе, составляющей около 37 %, наоборот, заметна молодая возрастная категория, при этом людей с высшим образованием здесь намного меньше. Эксперты отмечают у воцерковляющихся часто нерелигиозную мотивацию, так как те увязывают свой выбор с семейными, родственными и, опять же, национальными традициями. Исследования показали, что количество представителей первой группы и, в меньшей степени, второй очень стабильно. Остальные опрошенные православные в этих исследованиях, около 50 %, были совершенно не воцерковлены (Чеснокова, 2005; Синелина, 2013). Еще одно исследование, более близкое нам по времени, ис-

⁴ Для сравнения: согласно переписи населения 1937 года, 57 % граждан СССР заявили, что являются верующими. При этом 20 % опрошенных ОТКАЗАЛИСЬ отвечать на этот вопрос. По данным демографов и согласно мемуарной литературе, чаще всего это были представители разного рода религиозных меньшинств (старообрядцы, баптисты, иеговисты), крайне боявшиеся репрессий. Если прибавить 20 % к 57 %, мы получаем 77 %, столько же, сколько и сейчас. (Жиромская, 2000).

пользовало похожие критерии выделения соответствующих групп, и насчитало воцерковленных 6 % (в 2014 году), 7 % (в 2015-м), в 2016 году их оказалось 8 %, а в 2017 году – 7%. Наконец, в 2018 году численность воцерковленных упала до 6%. Воцерковляющимися себя объявили в эти же годы, с 2014-го по 2018-й, соответственно, 19%, 22%, 18%, 20%, 18% (Кублицкая, Назаров, 2019). И это сопоставимо с ситуацией начала 90-х гг.

Принадлежность к православной церкви предполагает участие в церковных Таинствах (прежде всего в Причастии)⁵. Декларирующие себя православными практически никогда не причащаются. Статистика здесь не меняется. В 1992 году никогда не причащалось 57% православных, в 2000 году – 63%, в 2004 году их снова уже 54%, в 2011 году – около 40% («Церковные люди» ..., 2012; Религия для поколения Z ..., 2012). Сопоставим эти данные с аналогичными в категории воцерковленных, выясняем, что, как «положено» в православии, причащались чаще раза в месяц в 1992 году – 1%, в 2000 году – снова 1%, в 2004 году уже – 2%, и в 2011 году, когда у власти был уже новый патриарх и политика властей в части допуска к причастию изменилась, – снова 2% (Синелина, 2013). Другими словами, «воцерковленные» православные – категория, которую правильнее было бы назвать, поставив оба слова в кавычки.

Только в самые большие христианские праздники воцерковленные, воцерковляющиеся, те, кто не ходят в Храм, те, кто никогда или почти никогда в жизни не причащались, собираются вместе. Сколько кого приходит – можно только гадать. На Пасхе в 2018 году в Москве было 4,4 млн. человек, тогда же на Рождестве – 2,5 млн. (Рождественские богослужения посетили ..., 2018). В 2020 году на Рождество в столице пришло 2,3 млн. (Около 2,3 млн. человек приняли участие ..., 2020). Но эти цифры вряд ли о чем говорят. Разве что о том, что программа «200 храмов» имеет в Москве определенный успех: в городе на один храм приходится 16000 верующих. И это не рекорд: в Новосибирской области на один Храм приходится 25 тыс. человек. Считается, что на душу населения в России приходится в 10 раз меньше священников, чем в США (В РПЦ сравнили количество храмов ..., 2019). Все православные должны причащаться минимум один раз в год, в Великий Четверг. Если все православные вдруг воцеркуются, то вечером в последнюю среду перед Пасхой все эти тысячи должны будут успеть исповедаться 1–2-м священникам из местного прихода.

Внешний, «обрядовый», характер веры подтверждают перечисляемые россиянами применяемые ими духовные практики: 27% опрошенных хотя бы раз в жизни окунались в рождественскую купель (к 2019 году), 59% россиян ходили за святой водой, столько же праздновали Пасху хотя бы символически – куличи, яйца, застолье (Каждый десятый ..., 2020).

Даже по «благообразному» по картине опросу центра PEW 41% православных России никогда не постился, 70% – не причащались, и только 6% православных регулярно ходят в храм (в Эфиопии, например, это делают

⁵ Согласно 80 правилу VI Вселенского собора (680–681 гг.) отсутствие прихожанина в церкви без уважительных причин на протяжении трех недель автоматически означает «отлучение от общения» с Церковью, с приходом. По древней традиции посещение воскресной службы подразумевает причащение, в России оно возможно только после исповеди.

78 %) (Orthodox Christianity ..., 2017). Показателен пример с чтением Писания. Согласно американцам, более-менее регулярно «читают Библию» 14 %, хотя знакомы с Евангелиями 35 %. В 1989 году хоть раз читавших Священное Писание у нас было 38 %! (Верим ли мы в Бога, 2010). Увидев в опросных листах, в частности, треть положительных ответов православных на вопрос «Веруете ли Вы в бессмертие души», американские социологи решили окончательно разобраться в загадках сознания россиян, расставив все точки над «i» вопросом «точно ли Вы уверены, что Бог есть?». И получили 25 % ответов «да» (а причащается 30 %!) (Orthodox Christianity ..., 2017).

Неприятной неожиданностью для неискушенного человека может стать моральный облик верующих, просматриваемый в сухих цифрах опросов. Р. Инглхарт писал: «поскольку религия сейчас не является главным источником морали, то рост или падение религиозности не означает, что в стране возрастет или пойдет на убыль моральная статистика или криминогенная обстановка. Высокая преступность и коррупция типичны в развивающихся странах, там, где не завершена модернизация, где преобладает традиционная религиозность. В странах постмодерна, с новым типом религиозности, насилие, преступления против личности, коррупция самые низкие». Выясняя, что первично – религия или поведение – Р. Инглхарт с цифрами в руках убеждает нас: первичен социально-экономический, политический фактор, а вот религиозные убеждения следуют за ним, вынужденные приспособляться к окружающей реальности (Inglehard, 2020). Россия рассматривается американским ученым как модернизирующаяся страна, ей характерны длительные неблагоприятные условия жизни, культура мобилизационного типа с низкой ценностью человеческой жизни, и все же – лишь 6 % наших граждан смогли соблюсти не менее 7 заповедей. 32 % опрошенных, меньше трети, отметили, что никогда не нарушали заповедь «не убий». Последнее связано с условиями опроса: аборт, (включая принуждение к аборту), приравнивались в тексте вопроса анкеты к нарушению заповеди об убийстве (Религия для поколения Z ..., 2012).

Сопоставив православных русских в России и таких же русских, проживающих на Западе, замечаем, что, в частности, в США, где православных около 0,5 % от общего населения страны, они являются в основном представителями среднего класса. Не маргиналы, как это нередко видим у нас, а успешные люди. Кстати, их уровень религиозности (среди православных в мире) уступает только уровню в Эфиопии. Более половины – 52 % взрослых православных христиан США – свидетельствуют, что религия для них «очень важна», 1/3 систематически посещают церковь. Вообще, сопоставляя религиозность, уровень развития и, особенно, постматериальность, обнаруживаем прямые корреляции для ряда православных стран. Самая постматериальная православная страна – Греция. Хорошие среднеевропейские показатели – у расположенных поблизости в Диаграмме Словакии, Кипра, Македонии и Эфиопии. Черногория, Эстония, Грузия приближаются к ним. Чуть дальше – Сербия. Россия и другие славянские республики бывшего СССР находятся в дальнем углу Диаграммы.

У всех православных сложно выделить какую-то одну общую черту их религиозности. Православные Запады, не пережившие опыта социализма, или пережившие, но в «ослабленной» форме «народной демократии», показывают преобладание внутренней, содержательной духовной жизни над ее внешней

демонстрацией и обрядовой стороной. Так, носят крестики 72 % русских, но только 40 % сербов, имеют дома иконы 87 % русских, 90 % грузин и целых 97 % молдаван, но только 70 % эфиопов. Зато 87 % эфиопов, 77 % боснийцев, около 70 % греков и 64 % сербов постятся и причащаются. Наши верующие опережают всех их в другой сфере – около 60 % жителей бывшего СССР верят в «сглаз и порчу» (Orthodox Christianity ..., 2017).

Россияне в основном номинально религиозны, у них нет религиозного поведения. В вопросах веры они предельно материалистичны, индивидуалистичны. Членами конкретных христианских общин является лишь десяток процентов верующих граждан (Чеснокова, 2005). В Европе, в условиях медленного спада старой религиозности, мы часто наблюдаем «веру и принадлежность», но «без поведения»: «Верую в душе, принадлежу Церкви, но не хожу в Храм», или «хожу, но не часто». В России есть «принадлежность», но нет «поведения», и на практике нет веры. На Западе человек религиозности старого типа может проявлять внешнюю религиозность, быть приверженцем института, внутренне не испытывая ничего. В России нет ни внешней религиозности, ни причастности к институту. Соблюдение религиозных предписаний (ежедневная молитва и еженедельное посещение церкви), типичное для традиционной религиозности, так же очень низко. «Принадлежность» уходит в прошлое. Православная самоидентификация, «привязанная» к РПЦ, после 2010 года снижается, будто бы приближая нас к постмодернистской картине веры. Тенденция новой религиозности вроде бы набирает обороты. Но где «новые верующие» России?

Пассивность православных, незначительное число индоктринированных заметны даже обывателю. Каждый из нас не раз встречал в 90-ые и нулевые годы блуждающих по улицам наших городов иеговистов. Но почему их и других сектантов так много? Эксперты указывают: по социально-демографическим характеристикам российский протестант – это молодой человек от 18 до 35 лет, со средним специальным образованием (не высшим), с доходами от 40 до 60 тысяч рублей, то есть со средними доходами по стране (для жителей провинции это, скорее, средневысокий доход). Преобладают служащие, клерки, менеджеры. Больше всего протестантов проживает в России в небольших городах с населением от 100 до 250 тысяч человек. Протестант – типичный представитель «среднего класса», активный гражданин, доброволец, если семейный, то – многодетный родитель, житель мегаполиса или райцентра, где часто есть один православный храм-«монополист» (Филатов, Лункин, 2003; Лункин, 2018). Православные воцерковленные в большинстве своем – инвалиды, старики, пенсионеры с низкими и очень низкими доходами. По политической позиции – пассивны и склонны подчиняться внешним авторитетам, в целом, типичные традиционно религиозные. Конечно, не все здесь линейно: 39 %, в основном невоцерковленных православных, поддерживают «Единую Россию», воцерковленные же заявили о своем полном политическом нейтралитете, а еще о том, что их идеалом является отсутствие прямого взаимодействия церкви и государства («Церковь должна быть отделена от государства» – 48 %. Но она, увы, «сильно зависит от государства» – 30 %, «зависит, но не сильно» – еще 25 %.) (За кого будут голосовать верующие, 2011).

Существенное число – 23 % – представителей нетрадиционных для РФ христианских конфессий (неопротестанты) отмечают, что РПЦ сегодня ока-

зывает неоправданно сильное влияние на власть. В активной политической роли РПЦ 34% православных видят больше плюсов, 13% – больше минусов. Православные (формально – христиане) при этом, в целом, не готовы смело заявлять «о своем уповании»: 73% респондентов православного, как они декларируют, вероисповедания не поддерживают ношение в государственных школах одежды и предметов, демонстрирующих религиозную принадлежность. На вопрос, является ли для вас необходимым наличие в банках финансовых продуктов (услуг), предоставляемых в соответствии с требованиями вашей религии, 88% россиян ответили отрицательно (Церковь стала социальным институтом ..., 2013). Только треть православных респондентов указали, что поддержали бы на выборах партию, созданную по признаку принадлежности к религии, если она была бы официально зарегистрирована в России (За кого будут голосовать верующие, 2011). Вдобавок, только 4% усмотрели в православии источник духовно-нравственных ценностей, лишь 17% считают, что православие – основа нашей культуры (Лункин, 2018, 2020; Синелина, 2013; За кого будут голосовать верующие, 2011). Россияне, доверяя в своем большинстве РПЦ (68%), не считают ее адептов и духовенство кандидатурами, которые должны иметь свое представительство в политических институтах страны (За кого будут голосовать верующие, 2011), «процент доверяющих Церкви как институту значительно больше невысокой доли тех, кто считает, что для решения проблем, стоящих перед страной, необходимо усиление политического влияния Церкви» (Мчедлова, 2017, с. 120).

Религиозная идентичность, выбор пути политического развития и церковно-государственные отношения в России

Итак, православные России, как правило, – не носители собственно религиозной культуры, с которой не знакомы и знакомиться не собираются. Кроме того, нет внятной картины преобладания старых или новых верующих в нашей стране. Количество воцерковленных, индоктринированных и даже воцерковляющихся православных не меняется за последние 25–30 лет. Опросы не дают однозначной картины, позволяющей увидеть всю проблему, но находят одну главную «болеву точку» – отношения государства и церкви.

Обратимся к истории. Существуют две главные исторические модели церковно-государственных отношений, названные русским ученым П. Сретенским (1878) папизмом (папоцезаризмом), имевшим место на Западе в Средние века, и цезарепапизмом, воплотившимся на христианском Востоке. В основе моделей – монархический подход, идея империи. Папизм образовался в ходе исторического противостояния императорской власти и папства. Папы, взяв на вооружение «идею империи», переработав ее «под себя», стали церковными монархами. Тогда западная церковь играла, так сказать, «прогрессивную роль», сохраняла единство страны, укрепляя себя, крупнейший жизнеспособный институт, сплачивающий будущую нацию для создания nation state. А в это время на Востоке цезарепапизм уже превратил верховную государственную власть в центр религиозного культа и восстановил языческое всемогущество государства. Византийское государство с эпохи Константина начало встраивать церковные институты в свою властную вертикаль.

Правда, есть еще концепция церковно-государственных отношений, получившая название «симфония властей» (терминологически берет начало от Шестой новеллы императора Юстиниана). Под симфонией подразумевается такой союз церкви и государства, в основе которого лежит не борьба между ними, а консенсус, согласие сторон, они взаимодействуют как партнеры, не сливаясь, как «взаимоулавливающие» друг друга силы. Одни утверждают, что симфония никогда не существовала в реальной жизни, другие – что она воплотилась в России. Возможное объяснение – в России не было языческого государства, и самого язычества в политически значимых формах, государство, раз возникнув, ассоциировалось с христианством. Вероятно, отношения менялись. Скажем, во времена царя Алексея Михайловича усилился папистский тренд. С началом правления царя Петра I, превратившего церковь в государственное учреждение, управляемое светским лицом, Россия стала на путь цезарепапизма. Вскоре в ней сложилась глубокая идейная, интеллектуальная зависимость от западных образцов богословской мысли. Развитие православного богословия почти прекратилось. Духовная жизнь вступила в полосу острого затяжного кризиса, духовность ассоциировалась с монашеством, жизнь думающих мирян – с псевдохристианской спиритуальностью, морализмом и фатализмом, а простому люду оставалась формальная, «казенная», обрядность.

В Советской России церковь формально была отделена от государства. По идее, это должно было вести к возникновению множества «равноудаленных» от государства религиозных течений, с которыми власти имели бы дело на одинаковых основаниях. Но власти здесь, опять же, пошли по проторенной дорожке политики царизма синодального периода. Они сделали ставку на подконтрольную им группу «церковников от православия», на обновленческий раскол. А верующие остались верны наследникам патриарха Тихона. Русская церковь оказалась в положении старообрядцев в Российской империи, то есть вне закона, и продолжала быть в целом неподконтрольной государству до начала Отечественной войны. В 1943 году РПЦ легализовали⁶, и начался этап медленного поглощения ее государством, встраивания в систему государственного управления.

В советские годы власти было важно держать РПЦ вне самостоятельной политики. После распада СССР многие инициативы, которые исходили от священников или от групп активистов, часто пресекались или ставились под жесткий контроль местных архиереев вплоть до середины 2000-х гг. В это время в народе на фоне постсоветского идеологического вакуума происходил рост интереса к любым новым духовным течениям, рост миссионерского, социального влияния разных религиозных направлений. С середины 2000-х гг. РПЦ становится центром «русского мира». Вершиной этого процесса стал Акт 2007 года о каноническом общении между российской и зарубежной РПЦ, подписанный главами национальных церквей.

С приходом к власти патриарха Кирилла произошло оживление социальной и приходской работы. По мере развития патриарших инициатив в социальной,

⁶ В момент учреждения патриаршества в СССР (1943 г.) в ней находилось на свободе всего 3 епископа, ровно столько, чтобы церковь была признана существующей со стороны «международной общественности».

культурной, образовательной областях оказалось, что сил прихода для решения любых задач, кроме чисто богослужебных, недостаточно. Во время епархиальных собраний духовенства г. Москвы и встреч с архиереями РПЦ патриарх Кирилл все чаще стал говорить об активизации общественной жизни православных, которая в СССР была вне закона, потому что означала гражданскую самоорганизацию снизу. Увы, это не привело к росту православного гражданского активизма, появлению большого числа новых верующих. РПЦ, вместо того, чтобы развиваться как институт гражданского общества, не без влияния властей, встала на путь прямого административно-командного регулирования отношений со своей внутренней и внешней окружающей средой. Произошел переход властей к прямому контролю за религиозной жизнью в стране, к пристальному вниманию к неправославным конфессиям, часть из которых были признаны экстремистскими и потому запрещены. Понятие «традиционная религия» поддержал и патриарх Кирилл, часто обосновывая в своих выступлениях опасность религиозных меньшинств для духовной жизни и государственной безопасности⁷.

Социальная концепция РПЦ предписывает повиноваться властям, но не абсолютизировать власть, обожествляя ее. И государство не должно вмешиваться в жизнь церкви, но – опираться на нравственные нормы. При этом понятие светскости государства трактуется не жестко, а, напротив, довольно широко. Идеальной формой правления провозглашается симфония церкви и государства. Отвергается форма существования РПЦ в Синодальный период. Но подвергается критике принцип отделения церкви от государства как наследие эпохи Просвещения и Французской революции (а ведь это черта симфонии – отделенность институтов друг от друга!). То есть церковные власти не рады, что церковь отделена от государства, хотелось бы обратного (Лункин, 2018; Лункин, 2020). Но почему же тогда власти РПЦ как будто поддерживают цезарепапизм?

Сегодня модель церковно-государственных отношений в России не принято называть симфонией. В моде – концепция гражданской религии. Автором этой концепции является американец Роберт Белла. Гражданская религия, которую Белла описывал на примере США, есть неконфессиональное религиозное измерение (*religious dimension*) публичной жизни, являющееся сущностным выражением нации и объединяющее всех членов общества, независимо от их вероисповедания и конфессиональной принадлежности. В основе гражданской религии лежат специфические символы и ритуалы, оформляющие идею особого избранничества, богоизбранности данной (американской) нации и служащие укреплению национальной солидарности, имеющей надмирный характер. Отличительной чертой гражданской религии является связь с государственной властью. Характерные особенности гражданской религии можно проследить в античности. В Древнем Риме императоры являлись главными жрецами в государственном культе и были объектом всеобщего поклонения. В Америке центром нации является Президент. В любой его речи обязательно говорится

⁷ Любопытно, но религиозно индифферентное православное население настроено негативно по отношению к новым религиям – 55% россиян считают, что нельзя позволять нетрадиционным для страны деноминациям покупать (строить) для религиозных целей здания; 60% – проповедовать в общественных местах; 66% – распространять свои издания; 62% – открывать религиозные школы (Фурман, Каарияйнен, 2006).

о Боге, и Его любви к Америке. При этом понимание Бога в этих речах близко пониманию Бога в Ветхом Завете. Это – не Бог, который есть Любовь. Бог гражданской религии, по словам Беллы, бог в античном понимании, имеет отношение к порядку, закону и праву, а не к спасению и любви (Белла, 1972; Bellah, 1974).

Российские аналитики увидели в этой экзотической форме цезарепапизма перспективы для России (верховенство «традиционных» религий, с православием в центре, которое есть государствообразующая религия и единая сила, православная духовность, часть антизападного антидемократического мировоззрения). Их не смутила глубокая укорененность отцов-основателей США в языческой масонской идеологии, нравственности и верованиях, уходящей истоками в гностицизм иудаизма.

У этой культуры есть плюсы. Она не задевает личных религиозных взглядов и выступает прекрасным элементом национальной консолидации, так как есть в чистом виде культ государства, в центре которого находится идея избранности нации. Град, так сказать, Божий (Церковь), здесь заменяет Град земной (государственная власть). Вопросы личных религиозных верований, поклонений и ассоциаций остаются частным делом, при этом всем предлагается разделить определенные общие элементы религии. «Наше управление не имеет никакого смысла, если оно не основано на глубоком чувстве религиозной веры, но мне все равно, какая именно это вера», – говорил Д. Эйзенхауэр (Легойда, 2016)⁸. Такая концепция позволяет вписать православие <...> в демократию и рынок. Гражданская религия утверждает, что Бог существует, его воля может быть выявлена, реализована через процедуры демократии.

Результаты Исследовательского центра PEW и Р. Инглхарта в целом совпадают. Результаты PEW, скорректированные российскими социологами, дают почти ту же картину. Но прав ли Р. Инглхарт, считая, что православие – тормоз развития, поскольку не «пускает» общество в Постмодерн, к постматериализму, тогда как протестантизм – наоборот? То, что протестантизм дает образцы высококоразвитости, это неправда. И православные страны дают хорошие результаты уровня постматериальности, правда, все они не имели опыта социалистического строительства, или он был незначителен. Все страны, имеющие вышеозначенный опыт, дают низкий результат постматериальности ценностных установок⁹. Православие здесь ни при чем.

⁸ То, что это так и есть, можно не сомневаться, на это еще указал А. де Токвиль 200 лет назад: эта религия является основанием для американской демократии. Демократическая и республиканская, она есть беззаветная вера в демократию, республику и рынок (Токвиль, 2000).

⁹ Опрос, некогда проведенный Р. Инглхартом, по готовности жертвовать благосостоянием, показал: Западная Германия значительно опережала все остальные страны мира по постматериальности. Но когда результаты обеих Германий объединили (страна была уже единой), она оказалась далеко от ближайших соседей и других развитых стран, внизу рейтинга. Потому что результаты бывшей ГДР были НА УРОВНЕ СССР, самые низкие. Как будто немцы с Запада и Востока жили в двух разных мирах. То же самое – по Берлину. В итоге результаты решили дать отдельно. И сегодня Германия – не в числе лидеров постматериальности. Именно за счет Востока (Abramson, Inglehart, 1995).

Но способствует ли оно постмодернизации или препятствует ей, поощряет ли новые политики или нет? Возьмем конкретный пример с политическим участием на местном уровне. Партиципаторная (англ. *participation*, «участие») демократия, «демократия участия» – вовлечение «простых» людей в политический процесс, в распределение ресурсов и властных полномочий, противопоставляет демократии элит, является вызовом мажоритарной демократии. В России практики участия очень слабо развиты. Но не потому, что граждане не хотят ни в чем участвовать. Статистика говорит: на демократические институты управления уповают 58% православных, на «иное» (монархия?) – 18% (За кого будут голосовать верующие, 2011). Для повышения уровня политического участия нужно развивать гражданское общество, необходимы специальные усилия государства по созданию соответствующих институтов, поддержка неправительственных организаций, которые этим занимаются (Глушенкова, 2010, 2016). То же самое относится и к носителю этой культуры – человеку эпохи Постмодерна, человеку участия. Он живет нематериальными ценностями, социально активен, небезразличен к себе и к жизням других, имеет нравственные ориентиры, в которые по-настоящему верит, стремится к инновациям, может заражать своим примером. И он религиозен, но для него религия – дело интимное, а не публичное, не отправление обрядов перед видеокамерами. Скорее всего, это будет российский... протестант.

Но кому же организовать атомизированное гражданское общество «на местах», если не приходской общине, ведь она объединяет людей, как-никак, одних взглядов и ценностей, проживающих в районе, скажем, большого города, где никто друг друга не знает? Не раз высказывалась идея, что гражданское общество в России, как из кирпичиков, может состоять из совокупности православных общин, ведущих социально-культурную работу, привлекающих прихожан-добровольцев и молодежь, вовлеченную в масштабную социальную работу (Лункин, 2018). А если не нравится православие – выбери то, что тебе интересно и устраивает. Правда, для этого, помимо православия, свою точку зрения должны иметь право высказать и иные конфессии (Лункин, 2018). Здоровая конкуренция, возможность выбора своей формы религиозной самоидентификации – явление, естественное в наши дни. Что такое «право на идентичность»? Это – право на свободный выбор, как говорится, «где Дух Господень, там – свобода»¹⁰, а не решение, подсказанное извне. Такая идентичность, подлинная, как результат свободной воли – действительно, ресурс развития. Власти России, впрочем, им не пользуются.

Увы, сама внутренняя организация РПЦ не дает шансов для какого-либо участия или локальной самоорганизации. Таковы особенности приходского устава, который мы имеем после заседания Священного Синода 10 октября 2009 года, когда без церковного обсуждения и рецепции была принята новая редакция устава прихода РПЦ – УП РПЦ. Согласно ему, при Храме нет общины, а есть «орган управления». Прихожане, верующие, собственно, исключены *de jure* из прихода. По УП 1917 года, высшим органом управления приходом было Собрание с самыми широкими полномочиями (не подчинялось епископу!). По УП 1988 и 1998 гг., к Собранию добавлялся настоятель. Сегодня глава при-

¹⁰Кор. 3:17.

хода – епархиальный архиерей. В УП РПЦ с 2009 г. нет понятия прихожанина. Власть принадлежит церковной администрации. Раньше прихожан было можно сосчитать. Сейчас это невозможно (Лункин, 2018). Какое может быть участие в самоуправлении, если в самом приходе его нет...

Церковная политика российских властей и корреспондирующаяся с ней политика властей церковных выдавливает с политической арены проактивных граждан и молодежь, делает ставку на законопослушных, дисциплинированных, контролируемых. Мы видим, что за нулевые и последующие годы в РПЦ выстроена властная вертикаль, подобная государственной, под строгий контроль взяты финансовые потоки. Кстати, в религиозной православной Америке все члены общин платят в свой приход церковную десятину, держа своего священника и храм. Но за свои деньги они сами и управляют своим приходом. В России же приход заинтересован в серьезных спонсорах, чтобы и епископу отчислить, и себе хоть что-то осталось. Получается, во главе угла не вера, а деньги?

Целый ряд ярких умов России рубежа тысячелетий утверждали: Россия – идеациональная (термин П. Сорокина) страна, в ней в основе развития лежат идеи, прежде всего религиозные, каковые его прямо задают¹¹. Россия сегодня испытывает острый дефицит новых идей. Но РПЦ пока, увы, не может предложить никакой социально значимой объединяющей идеи, которая сможет корректировать развитие. Все предлагаемое – схемы и политика эпохи Модерна – «из репертуара» католиков и протестантов. Еще В.Л. Цымбурский отмечал: цивилизационный крен в сторону слияния с западной цивилизацией начался с Петром, но до 1917 года страна была еще на «своих рельсах» развития, пойдя затем путем аномального модернизационного рывка с полной аннигиляцией традиций (Цымбурский, 2007). Традиционная культура русских действительно хорошо корреспондируется с Постмодерном и его духовностью, но эта культура не имеет в России достаточно носителей, вместо этого люди увязли в пережитках советской гражданской религии.

Чем может РПЦ помочь сегодняшнему государству? Это – неправильный вопрос. А правильный – чем власти могут помочь РПЦ, чтобы она сохранилась не как институт, «штампующий» потребителя «православного товара» – икон и свечек – а как институт, который вернет нас к подлинно русской традиции и культуре. Увы, пока «духовные скрепы» выглядят как политико-религиозные ценности Модерна, облаченные в одежды православной фразеологии.

Список литературы

1. Белла, Р. (1972). *Социология религии. Американская социология. Проблемы, перспективы, методы* (с. 265–281). М.: Прогресс.
2. В РПЦ сравнили количество храмов в США и России. (2019, 28 мая). *РИА Новости*. Взято 25 декабря 2020, с <https://ria.ru/20190528/1555043707.html>

¹¹В первую очередь – А.С. Панарин (Панарин, 2014).

3. Верим ли мы в Бога. (2010, 30 мая). ВЦИОМ. *Новости*. Взято 25 декабря 2020 г., с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>
4. ВЦИОМ назвал долю считающих себя православными россиян. (2019, 14 августа). РБК. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d540d5f9a794731f98c1661>
5. Глушенкова, Е.И. (2016). Национальные модели принятия политических решений и принятие экорешений в России. *Экологическая политика. Материалы круглых столов*. М.: Издательство Московского университета.
6. Глушенкова, Е.И. (2010). *Экополитология: краткий курс лекций*. М., МНЭПУ.
7. Жиромская, В.Б. (2000). Религиозность народа в 1937 году. *Исторический вестник*, 5(1).
8. За кого будут голосовать верующие. (2011, 7 ноября). *Православие и мир* [Социологическая служба «Среда» для сайта Православие и мир]. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.pravmir.ru/za-kogo-budut-golosovat-veruyushhie/>
9. Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство.
10. Каждый десятый из россиян готов к Великому посту. (2020, 3 марта). ВЦИОМ. *Новости*. Взято 25 декабря 2020, с <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kazhdyj-desyatyj-iz-rossijan-gotov-k-velikomu-postu>
11. Климов, А.Г. (2012). Методология анализа современных эффектов влияния религиозных организаций. *Вестник МГИМО (У)*, 6(27), 203–205.
12. Кублицкая, Е.А., Назаров, М.М. (2019). Динамика религиозности в современной России. *Вестник РАН*, 89(11).
13. Легойда, В. (2016). *Гражданская религия: pro et contra*. Взято 25 декабря 2020, с http://www.religare.ru/2_1555.html
14. Лункин, Р.Н. (2008). Проправославный консенсус в России: вера и неверие. *Современная Европа*, 1, 139–143.
15. Лункин, Р.Н. (2018). *Роль христианских церквей Европы в разрешении социально-политических кризисов*. М.: Институт Европы РАН.
16. Лункин, Р.Н. (2020). *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество*. М.: Нестор-история.
17. Мчедлова, М.М. (2017). Религия и общество в России: векторы социальных изменений. *Религиозная ситуация на северо-западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции. Сборник трудов конференции*. СПб: Любавич.
18. Около 2,3 млн человек приняли участие в праздновании Рождества – МВД РФ. (2020, 7 января). ИА РЕГНУМ. Взято 25 декабря 2020, с <https://regnum.ru/news/society/2823853.html>
19. Панарин, А.С. (2014). *Православная цивилизация*. М.: Институт русской цивилизации.
20. Рождественские богослужения посетили более 2,5 млн россиян. (2018, 7 января). *Православие и мир*. Взято 25 декабря 2020, с <https://www.pravmir.ru/rozhdestvenskie-bogosluzheniya-posetili-bolee-2-5-mln-rossijan/>
21. Религия для поколения Z. Кто и как верит в России. (2012, 19 декабря).

Российская газета, 292. Взято 25 декабря 2020, с <http://sreda.org/2013/arena-atlas-religiy-i-natsionalnostey/16733>

22. Синелина, Ю.Ю. (2013, 13 сентября). Динамика религиозности россиян (1989–2012). В С.Д. Лебедев (Отв. ред.), *Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей Международной научной конференции* (с. 324–343). Белгород: Издательский Дом «Белгород».

23. Сретенский, П. (1878). *Критический анализ главнейших учений в отношении между церковью и государством*. М.: Университетская типография.

24. Токвиль, А. де. (2000). *Демократия в Америке*. М.: Весь Мир.

25. Фаустова, М. (2019, 5 марта). В России недосчитались верующих. В общинах уверены, что цифры соцопроса искажают картину отечественной религиозности. *Независимая газета*.

26. Филатов, С.Б., Лункин, Р.Н. (2003). *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания*. М.: Логос.

27. Фурман, Д.Е., Каарияйнен, К. (2000). *Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России*. СПб.: Летний сад.

28. Фурман, Д.Е., Каарияйнен, К. (2006). *Религиозность в России в 90-е годы XX – начала XXI века*. М.: ОГНИ ТД.

29. «Церковные люди»: 41%. Служба «Среда» пересчитала верующих в России. (2012, 19 декабря). *Некоммерческая Исследовательская Служба «Среда»*. Взято 25 декабря 2020, с <http://sreda.org/opros/arena-reliz>

30. Церковь стала социальным институтом, которому россияне доверяют больше всего. (2013, 9 апреля). *Ромир*. Взято 25 декабря 2020, с <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo>

31. Цымбурский, В.Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: РОССПЭН.

32. Чеснокова, В.Ф. (2005). *Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX в.* М.: Акад. проект.

33. Эйкен, Г. (1907). *История и система средневекового мирозерцания*. СПб.: Типография М.И. Акинфиева.

34. Abramson, P.R., & Inglehart, R. (1995). *Value change in global perspective*. Ann Arbor.

35. Bellah, R.N. (1974). *Civil Religion in America. Religion American Style*. Harper & Row, NY.

36. Inglehart, R. (2020, September-October). Giving up on God. Religion's Sudden Decline in Developed Countries: What's Causing it, and What Comes Next. *Foreign Affairs*, 99(5).

37. Orthodox Christianity in the 21st Century. (2017). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>

References

1. Abramson, P.R., & Inglehart, R. (1995). *Value change in global perspective*. Ann Arbor.

2. Bella, R. (1972). *Sociologiya religii* [Sociology of religion]. M.: Progress.
3. Bellah, R.N. (1974). *Civil Religion in America. Religion American Style*. Harper & Row, NY.
4. “Cerkovnye lyudi”: 41%. Sluzhba “Sreda” pereschitala veruyushhix v Rossii [“Church people”: 41%. “Sreda” service counted believers]. (2012, December 19). *Nekommercheskaya Issledovatel'skaya Sluzhba “Sreda”*. Retrieved December 25, 2020, from <http://sreda.org/opros/arena-reliz>
5. Cerkov' stala social'nym institutom, ktoromu rossiyanе doveryayut bol'she vsego [Church became social institution, that Russians trust the most]. (2013, April 9). *Romir*. Retrieved December 25, 2020, from <https://romir.ru/studies/za-veru-carya-i-otechestvo>
6. Chesnokova, V.F. (2005). *Tesny'm putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX v.* [The narrow way. Christian Church Indoctrination of Russians in the end of XX cent.]. M.: Akad. proekt.
7. Cymburskij, V. L. (2007). *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i xronopoliticheskie raboty'. 1993–2006* [Russia Island. Geopolitical & chronopolitical works. 1993–2006]. M.: ROSSPE'N.
8. E'jken, G. (1907). *Istoriya i sistema srednevekovogo mirosozerczaniya* [The history and system of the thought in Middle Ages]. SPb.: Tipografiya M.I. Akinfieva.
9. Faustova, M. (2019, March 5). V Rossii nedoschitalis' veruyushhix. V obshhinax uvereniy, chto cifry' soczoprosa iskazhayut kartinu otechestvennoj religioznosti [Russia lacks believes. Church is sure that the numbers of believes is a mistake]. *Nezavisimaya gazeta*.
10. Filatov, S.B., & Lunkin, R.N. (2003). *Sovremennaya religioznaya zhizn' Rossii. Opyt sistematicheskogo opisaniya* [Modern religious life of Russia: The experience of systematic research]. M.: Logos.
11. Furman, D.E., & Kaariajnen, K. (2000). *Stary'e cerkvi, novy'e veruyushhie: Religiya v massovom soznanii postsovetskoj Rossii* [Old churches, new adepts: Religion in Mass consciousness in Post Soviet Russia]. SPb.: Letnij sad.
12. Furman, D.E., & Kaariajnen K. (2006). *Religioznost' v Rossii v 90-e gody' XX – nachala XXI veka* [Religiousness in Russia in the 90s of the XX – early XXI century]. M.: OGNI TD.
13. Glushenkova, E.I. (2010). *Ekopolitologiya: kratkij kurs lekcij* [Ecopolitology: a short course of lectures]. M.: MNE'PU.
14. Glushenkova, E.I. (2016). Nacional'nye modeli prinyatiya politicheskikh reshenij i prinyatie e'koreshenij v Rossii [National models of policy-making and ecopolicy process in Russia]. *E'kologicheskaya politika. Materialy kruglyh stolov*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
15. Inglehard, R. (2020, September-October). Giving up on God. Religion's Sudden Decline in Developed Countries: What's Causing it, and What Comes Next. *Foreign Affairs*, 99(5).
16. Ingkart, R., & Vel'cel', K., (2011). *Modernizaciya, kul'turny'e izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change & democracy. The dynamics of human development]. M.: Novoe izdatel'stvo.
17. Kazhdyj desyatyj iz rossiyan gotov k Velikomu postu [Every tenth Russian is ready for the Great Fast]. (2020, March 3). *VCIOM. Novosti*. Retrieved December 25,

2020, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kazhdyj-desyatij-iz-rossiyan-gotov-k-velikomu-postu>

18. Klimov, A.G. (2012). Metodologiya analiza sovremenny'x e'ffektov vliyaniya religiozny'x organizacij [The Methodology of analysis of Modern effects of religious organizations' influence]. *Vestnik MGIMO (U)*, 6(27), 203–205.

19. Kubliczkaya, E.A., & Nazarov, M.M. (2019). Dinamika religioznosti v sovremennoj Rossii [The dynamics of religiousness in modern Russia]. *Vestnik RAN*, 89(11).

20. Legojda, V. (2016). *Grazhdanskaya religiya: pro et contra* [Civil religion: pro et contra]. Retrieved December 25, 2020, from http://www.religare.ru/2_1555.html

21. Lunkin, R.N. (2008). Propravoslavny'j konsensus v Rossii: vera i neverie. [Pro-orthodox consensus in Russia – The faith and its absence]. *Sovremennaya Evropa*, 1, 139–143.

22. Lunkin, R.N. (2018). *Rol' xristianskix cerkvej Evropy' v razreshenii social'no-politicheskix krizisov* [The role of Christian churches of Europe during socio-political crisis]. M.: Institut Evropy' RAN.

23. Lunkin, R.N. (2020). *Cerkvi v politike i politika v cerkvyax. Kak sovremennoe xristianstvo menyaet evropejskoe obshhestvo* [Church in politics and politics in Church. How modern Christianity changes European society]. M.: Nestor-istoriya.

24. Mchedlova, M.M. (2017). Religiya i obshhestvo v Rossii: vektory' social'ny'x izmenenij [Religion and Society in Russia: Vectors of Social Change]. In *Religioznaya situaciya na severo-zapade: tkan' tradicii i vektor konfessional'noj e'voljucii. Sbornik trudov konferencii*. SPb: Lyubavich.

25. Okolo 2,3 mln chelovek prinyali uchastie v prazdnovanii Rozhdestva – MVD RF [About 2.3 million people took part in the celebration of Christmas – The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. (2020, January 7). *IA REGNUM*. Retrieved December 25, 2020, from <https://regnum.ru/news/society/2823853.html>

26. Orthodox Christianity in the 21st Century. (2017). *Pew Research Center*. Retrieved from <https://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/>

27. Panarin, A.S. (2014). *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. M., Institut russkoj civilizacii.

28. Religiya dlya pokoleniya Z. Kto i kak verit v Rossii [The religion of Z generation. Russia: who and how believes]. (2012, December 19). *Rossijskaya gazeta*, 292, Retrieved December 25, 2020, from <http://sreda.org/2013/arena-atlas-religiy-i-natsionalnostey/16733>

29. Rozhdestvenskie bogoslužheniya posetili bolee 2,5 mln rossiyan [Christmas Services were visited by 2,5 million Russians]. (2018, January 7). *Pravoslavie i mir*. Retrieved December 25, 2020, from <https://wwwpravmir.ru/rozhdestvenskie-bogoslužheniya-posetili-bolee-2-5-mln-rossiyan/>

30. Sinelina, Y.Y. (2013, September 13). Dinamika religioznosti rossiyan (1989–2012). In S.D. Lebedev (Ed.), *Sociologiya religii v obshhestve Pozdnego Moderna (pamyati Yu. Yu. Sinelinoj): materialy' Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (pp. 324–343). Belgorod: Izdatel'skij Dom “Belgorod”.

31. Sretenskij, P. (1878). *Kriticheskij analiz glavnejshix uchenij v otnoshenii mezhdru cerkov'yu i gosudarstvom* [Critical analysis of the mail theories of State-

Church relations]. M.: Universitetskaya tipografiya.

32. Tokvil', A. de. (2000). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. M.: Ves' Mir.

33. V RPC sravnili kolichestvo xramov v SShA i Rossii [The ROC compared the number of churches in the United States and Russia]. (2019, May 28). *RIA Novosti*. Retrieved December 25, 2020, from <https://ria.ru/20190528/1555043707.html>

34. VCIOM nazval dolyu schitayushhix sebya pravoslavny'mi rossiyan [VCIOM claims how many Orthodox Christians are in Russia]. (2019, August 14). *RBK*. Retrieved December 25, 2020, from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d540d5f9a794731f98c1661>

35. Verim li my v Boga [Do we believe in God]. (2010, May 30). *VCIOM. Novosti*. Retrieved December 25, 2020, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>

36. Za kogo budut golosovat' veruyushhie [Who will the believers vote for]. (2011, November 7). *Pravoslavie i mir* [Sociological service "Sreda" for the site Pravoslavie i mir]. Retrieved December 25, 2020, from <https://www.pravmir.ru/za-kogo-budut-golosovat-veruyushhie/>

37. Zhiromskaya, V.B. (2000). Religioznost' naroda v 1937 godu. [Religious people in 1937]. *Istoricheskij vestnik*, 5(1).

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ МОЛОДЕЖЬЮ СТРАН ЕАЭС

Савельева Мария Анатольевна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Факультет политологии,
Кафедра социологии и психологии в политике,
Аспирант,
Москва, Россия,
ORCID: 0000-0002-7258-5613,
E-mail: mashtaler_94@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.11.2020, принята к публикации 21.12.2020

Для цитирования: Савельева М.А. Политико-психологический анализ восприятия Дня Победы молодежью стран ЕАЭС // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 114-129. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-114-129

Аннотация

Статья посвящена политико-психологическому исследованию восприятия Дня Победы среди молодежи стран ЕАЭС. Цель исследования: выявить и сравнить ключевые особенности восприятия праздника и образа Великой Отечественной войны в сознании молодежи России и ее союзных государств (Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии) в контексте текущих политических вызовов, модификации истории и влияния СМИ на представления молодых граждан, которые являются важными «проводниками» обновленного видения коллективной памяти народов постсоветского пространства. Среди задач, решение которых позволяет достичь цели, выделяются – формирование проблемного поля восприятия Дня Победы на евразийском пространстве и адаптация различных теоретических и методологических подходов в исследовании его образа. Методология исследования содержит фокусированные интервью. Для интерпретации данных использовались качественные методы с элементами количественных, в частности, методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы. Тема объединяет широкий круг проблем, важных для понимания будущего постсоветского общества: отношение к коллективной памяти

© Савельева М.А., 2021

в ее политическом измерении, массовым акциям; политические приемы в процессе формирования национально-государственной идентичности; проблема мифологических оснований образов прошлого с учетом влияния внешнеполитических факторов на развитие внутривнутриполитического процесса и т. д. Результаты исследования позволили проанализировать на примере Дня Победы представление о постсоветских массовых календарных праздниках у евразийской молодежи, а также зафиксировать различия в национальных кейсах, демонстрирующие взаимосвязь образов прошлого и современную специфику политических культур каждой страны в отдельности. Научная новизна исследования: впервые предложена концептуальная модель анализа образа Великой Отечественной войны; на материалах фокусированных интервью была проведена оценка качественных показателей восприятия Дня Победы среди молодежи стран ЕАЭС; выявлены тенденции к отходу от традиционных советских маскулинных образов, а также зафиксирован дефицит масштабных, объединяющих символов в современной евразийской политике.

Ключевые слова:

День Победы, молодежь, евразийская интеграция, ЕАЭС, Великая Отечественная война, политика памяти, коллективная память.

UDC 327.36

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-114-129

POLITICAL-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PERCEPTION OF VICTORY DAY OF YOUTH OF EAEU COUNTRIES

Maria A. Savelyeva,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Political Science,
Chair of Sociology and Psychology of Politics,
PhD Student,
Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0002-7258-5613,
E-mail: mashtaler_94@mail.ru

Article received on November 16, 2020, accepted on December 21, 2020

To cite this article: Savelyeva, M.A. (2021). Politiko-psixologicheskij analiz vospriyatiya Dnya Pobedy molodezh'yu stran EAE'S [Political-psychological analysis of perception of Victory Day of youth of EAEU countries]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 114-129. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-114-129

Abstract

The article is devoted to a political and psychological study of the perception of Victory Day of the youth of the EAEU countries. The purpose of the study: to identify and compare key features of the perception of the holiday and the image of the World War II in the minds of the youth of Russia and allied states (Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan) in the context of current political challenges, modification of the history and influence of the media on the representations of young citizens who are important “guides” of the renewed vision of the collective memory of the peoples of the post-Soviet space. Among the tasks, the solution of which allows achieving the goal, stand out – the formation of the problematic field of perception of Victory Day in the Eurasian space and the adaptation of various theoretical and methodological approaches in the study of its image. The research methodology contains focused interviews. To interpret the data, qualitative methods with quantitative elements were used, in particular, coding and scaling methods for answers to open questions. The topic unites a wide range of problems that are important for understanding the future post-Soviet society: attitude to collective memory in its political dimension, mass actions; political techniques in the process of forming a national-state identity; the problem of the mythological foundations of images of the past, taking in to account the influence of foreign policy factors on the development of the domestic political process, etc. The research results can be analyzed on the example of the cultural heritage of young people, and also differences in laws that demonstrate the relationship of the educated past and the specifics of the cultural heritage of each individual country are recorded. Scientific novelty of the research: for the first time a conceptual model for analyzing the image of the Great Patriotic War was proposed; Based on the materials of focused interviews, an assessment was made of the qualitative indicators of the perception of Victory Day among the youth of the EAEU countries, tendencies towards a departure from traditional Soviet masculine images were revealed, and a shortage of large-scale unifying symbols in modern Eurasian politics was recorded.

Keywords:

Victory Day, youth, Eurasian integration, the EAEU, World War II, politics of memory, memory studies.

Введение

Сложная конструкция коллективной памяти о войне вступает в новый этап трансформации, обусловленный естественной сменой поколений. Общее прошлое постсоветского пространства, общие победы и достижения сегодня не имеют такого значения, как раньше. Как подчеркнул в своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» президент России: «Важно передать потомкам память о том, что победа над нацизмом была одержана прежде всего советским народом, что в этой героической борьбе – на фронте и в тылу, плечом к плечу – стояли представители всех республик Советского Союза» (75 лет Великой Победы ..., 2020).

Для успеха интеграционных процессов Евразийского экономического союза необходимо воспроизводство исторического единства, возрождение дискурса прошлого и осмысление его значения в общественной жизни в целях минимизации конфликтов и укреплении позиций содружества государств.

В настоящее время исследователи, осуществляющие мониторинг интеграционных процессов на постсоветском пространстве, отмечают рост «автономистских настроений» в молодежной среде. Среди молодых меньше, по сравнению со старшими возрастными когортами, доля тех, кто поддерживает евразийский интеграционный проект, почти 40 % тех, кто относится к нему безразлично или отрицательно.

Заметная доля российской и белорусской молодежи ориентирована на Европейский союз (Интеграционный барометр ЕАБР, 2015). Одним из важнейших факторов снижения поддержки интеграционных процессов в ЕАЭС стал постепенно возрастающий уход из жизни поколений – носителей общей истории народов СССР, для которых эти события были фактом их биографии.

Также стала приносить плоды политика по форсированному формированию новой идентичности, краеугольным камнем которой является подчеркнутый суверенитет постсоветских государств. Разрушению коллективных представлений, прежде всего восприятия истории молодежью, способствуют различные её толкования для обоснования легитимности продвигаемых политических принципов и идей. В СМИ в последнее время активно формируется искаженный образ Второй мировой войны, а ведь именно он сегодня создает базу для познания молодежью настоящего и будущего ЕАЭС.

В долгосрочной перспективе память о Великой Победе может превратиться из главной опоры российской идентичности в уязвимое место международных отношений, постепенно теряя свое интеграционное влияние в бывших советских республиках, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Проблемы символизации Дня Победы в последние несколько лет значительно обострились, в особенности после событий 2014 г. Например, в контексте украинского кризиса развернулась полемика вокруг георгиевских ленточек. Изначально данный неполитический символ из знака единения превратился в маркер идеологического раскола. На сегодняшний день, помимо Украины, георгиевские ленты под запретом в Грузии (Без георгиевских лент ..., 2020).

Данный символ стал восприниматься как символ распространения влияния России, элемент ее мягкой силы. В Казахстане постепенно, в соответствии с символикой государственного флага, начали использовать голубые ленты с национальным узором.

В 2015 г. в Киргизии общественные организации, а потом и государственные структуры начали движение за замену георгиевской ленточки своей национальной желто-красной лентой, либо красной лентой с изображением золотого солнца – символа страны. Общественники говорили о том, что геноцид киргизов в 1916 г. проводили казаки и солдаты, носившие георгиевские ленточки (Общая победа ..., 2019).

В Беларуси для мемориальных целей учредили свой атрибут Победы – яблоневый цвет на красно-зеленом банте. С 2016 г. основная военно-техническая составляющая Дня Победы – парад военной техники – сместилась на День неза-

висимости (3 июля). 9 мая теперь проводится с демонстрацией и возложением венков.

На наших глазах традиции празднования Победы в Великой Отечественной войне размываются, что для стран евразийского пространства грозит дезинтеграцией важного объединяющего символа.

В контексте целенаправленного искажения объективных сведений о военно-политических событиях 1939–1945 гг. на международном уровне особый интерес представляет то, как современная молодежь евразийского пространства воспринимает День Победы и в целом Великую Отечественную войну.

Теоретико-методологические основания исследования

В рамках политико-психологического подхода политика памяти рассматривается с психологических позиций, основное внимание сфокусировано на образе Великой Отечественной войны в сознании молодых людей, на их восприятии Дня Победы в ракурсе формирования, трансформации и актуализации коллективной памяти народов евразийского пространства. Здесь особую ценность в плане методологии для нас будут иметь политико-психологические исследования, в которых затрагивается проблема массовых представлений и политических образов, их структуры и смыслового насыщения: это работы Е. Б. Шестопал (2018, с. 81–90), Т. В. Евгеньевой (2016, с. 101–102), А. В. Селезневой, Н. В. Смутькиной (2018, с. 352–371), Н. В. Смутькиной (2017, с. 98–100) и др.

Теоретическую основу нашего подхода составляют, главным образом, концепции коллективной и исторической памяти. Первая определяет формы ее существования – коллективные представления и социальные группы как их носителей. Здесь мы опираемся на труды М. Хальбвакса (Halbwachs, 1980), П. Нора (Nora, 1989), П. Хаттона (Hutton, 2016). К данной группе тесно примыкает проблемное поле «политики памяти», которой посвящены работы А. И. Миллера (2004, с. 49–57), М. А. Колерова (2014, с. 441–480), Д. А. Аникина, А. Ю. Бубнова (2020, с. 19–28), Русакова В. М., Русаковой О. Ф. (2020, с. 27–47), Ковбы Д. М., Грибовод Е. Г. (2020, с. 59–77) и др., где рассматриваются различные подходы к пониманию исторической политики, показывается, что не только государство, но и гражданское общество, СМИ и Интернет участвуют в ее формировании, что она является результатом конкуренции различных интерпретаций коллективного прошлого.

Вторая концепция, посвященная исторической памяти, выделяет из всего многообразия социальной реальности объекты представлений в историческом контексте. Социологические исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне, с одной стороны, ставят каждый раз новые задачи и открывают новые элементы изучения, с другой – это уже ставшее традиционным подведение итогов перед годовщинами Победы. Прежде всего необходимо отметить исследования Н. В. Немировой (2015, с. 157–165), Е. П. Тавокина, И. А. Табатадзе (2010, с. 62–66), А. И. Афанасьевой и В. И. Меркушина (2005, с. 11–15).

Историческая память состоит из сознания живущих людей, вещественных объектов и традиций. Одной из подобных традиций является празднование Дня Победы, который носит всеобщий характер и с каждым годом обновляет

формат празднования. Со временем значение Дня Победы трансформировалось: он перешёл из дня памяти павших в день празднования величия Победы и гордости за дело предков, в день всеобщего согласия и патриотизма, осознания себя как народа-победителя, став одним из ключевых элементов формирования национально-государственной идентичности постсоветских стран.

Характеристика исследования

Методология исследования основывается на фокусированных полустандартизированных интервью с использованием метода «неоконченных предложений».

Анализ образа Дня Победы будет сочетать и рациональные, и нерациональные показатели, так как его восприятие характеризуется преимущественно эмоциональными составляющими, которые предполагают специальную методику. Для оценки собранных данных планируется применять качественные методы с элементами количественных, в частности методы кодирования и шкалирования ответов на открытые вопросы.

Модель эмпирического исследования включает в себя: 125 фокусированных интервью (данные составят ответы респондентов в возрасте от 18 до 30 лет из каждой страны ЕАЭС: 25 – Беларусь, 25 – Армения, 25 – Киргизия, 25 – Казахстан и 25 – Россия); мониторинг СМИ, блогосферы России и союзных государств по теме Великой Отечественной войны; вторичную обработку социологических данных.

В своем выборе стран мы опирались не только на дружественные отношения между ними, но и на то, что в их публичном пространстве за все время после распада СССР не наблюдалось серьезных скандалов на тему интерпретации истории о Великой Отечественной войне. Выборка была сбалансирована по полу, возрасту и образованию.

Вербальные компоненты неосознаваемых аспектов образа Великой Победы фиксировались посредством выявления метафор и ассоциаций, давалась оценка когнитивной и эмоциональной составляющей в полученных ответах.

В рамках исследования был выдвинут ряд гипотез.

Во-первых, предполагается, наличие разницы в восприятии образа Великой Отечественной войны между молодежью России и других стран-участниц ЕАЭС. Разница может исходить из того, что в массовом политическом сознании России все более прочное место занимают мифологические компоненты, заимствованные из советской истории. Формируется отчетливо выраженный позитивный дискурс советского прошлого, основанный на положительном восприятии таких знаковых событий, как Великая Победа, в отличии от популяризации этно-националистических и западноевропейских социокультурных ценностей среди молодежи стран ЕАЭС, которые подкрепляются многовекторной внешней политикой и оппозиционными национальными элитами, чья повестка симпатизирует идеям Западного общества в противовес общему историческому прошлому постсоветских стран.

Во-вторых, можно предположить, что на современном евразийском пространстве существует проблема с объединяющими символами в контексте празднования Дня Победы, так как пространство политических мифов сильно фрагментировано. Это проявляется, в частности, в стремлении различных

политических сил союзных государств использовать одни и те же образы-события (Великой Победы) в разных политических ситуациях. Подобная тенденция свидетельствует о деидеологизации общества, что демонстрирует кризис когнитивной составляющей, дефицит масштабных смыслов в современной евразийской политике.

В-третьих, можно ожидать тенденцию к отрывочному, хаотичному восприятию Великой Отечественной войны, что особенно характерно для молодого поколения, социализация которого пришлась на эпоху развития Интернета с бесчисленными источниками информации, противоположным образом излагающими и оценивающими те или иные исторические события и явления, что в целом создает когнитивно-бедные, стереотипизированные представления.

В-четвертых, предполагается наличие в ответах молодых людей высокопроцентного ревизионистских убеждений и пропагандистских шаблонов, связанных с масштабным распространением фальсификаций и мифов о Великой Отечественной войне в условиях информационной войны против России.

Результаты исследования

Результаты исследования позволили выявить некоторые особенности восприятия Дня Победы в сознании молодых граждан России и стран-участниц евразийской интеграции – Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии – на рациональном и неосознаваемом уровнях, зафиксировать и сравнить различия образа Великой Отечественной войны в каждой из стран.

Прежде всего следует отметить, что во всех исследуемых странах большинство молодых людей планируют отмечать этот день. Так, на вопрос «Будет ли 75-летний юбилей Великой Победы большим праздником в вашей семье?» в России «Да» ответили 72% респондентов, в Казахстане – 76%, следом по рейтингу идет Киргизия – 64%. Существенен процент тех, кто не считают 9 мая праздником – в Беларуси (44%) и в Армении (40%), что говорит о сокращении его популярности среди молодежи европейской части Евразийского Союза.

Обесцвечиванию этой даты, помимо прямого искажения исторических фактов, во многом способствует распространение на постсоветском пространстве определенных нарративов в отношении русской культуры, с которой принято ассоциировать празднование Дня Победы.

Как отметил директор аналитического департамента компании «Крибрум», проводившей соответствующее исследование, Артем Курицын, существует несколько основных блоков пропагандистских шаблонов, при помощи которых против Дня Победы идёт информационная война. Первый – распространение термина «победобесие» и установки «нам нечем гордиться». Также информационное пространство активно насыщают тезисы об отождествлении коммунизма и фашизма, когда коммунизм и фашизм, Гитлер и Сталин ставятся на один уровень. Следующий аспект – обвинение СССР в начале войны. Последний блок – обвинение СССР и России в оккупации (Великая Отечественная война ..., 2020).

В нашем опросе среди молодых людей подобные утверждения встречались, но не часто. В целом всего 15% от общего числа респондентов употребляли те или иные стереотипы из приведённых блоков (в Беларуси – 24%).

Как показывает анализ предложенных респондентам завершений неоконченного предложения «Великая Отечественная война – это...», в эмоциональном плане образ в глазах молодых граждан Евразийского союза является ужасающим, трагичным. В своих ответах респонденты использовали такие понятия, как «горе», «трагедия», «боль», «тяжелейший период». Вместе с тем, следует отметить наличие разницы в ответах молодежи России и других стран ЕАЭС. Практически во всех странах образ не отличался когнитивной сложностью, он был в значительной мере стереотипизирован. В отличие от ответов российских граждан, где содержалось больше сложных, развернутых и амбивалентных оценок.

Существенный процент от общего числа российских респондентов (48 %) воспринимает Великую Отечественную войну как «победу» и «подвиг»: *«Великая Отечественная война – это величайший подвиг моего народа, освободившего мою Родину и всю Европу от фашизма и нечеловеческой жестокости»* (жен., 19 лет, Россия).

В нашем исследовании была выявлена склонность молодого поколения воспринимать образы Великой Отечественной войны с позиции «женственной культуры» – слезы матерей, скорбь по погибшим, боль женщин и т. д. В качестве примера приведем некоторые из них: *«Великая Отечественная война – это трагедия матерей, жен, детей, не дождавшихся своих родных с полей сражений, это исковерканные судьбы незаслуженно осуждённых плененных солдат, это непреходящая боль женщин, подвергшихся плотскому насилию со стороны врага и родивших детей и много-много другого ужасного»* (муж., 21, Беларусь); *«Война – это боль человеческих судеб. Война – как много в этом слове. Одно лишь слово несет в себе массу страха, боли, криков и плача матерей, детей, жен, потерь близких людей и тысячи славных солдат, стоявших за жизнь всех поколений»* (жен., 27, Киргизия).

Некоторые исследователи связывают это с цивилизационной «феминизацией» социокультурных ценностей в современном мире (Кон, 2009, с. 232–233). Готовность защищать Родину, героизм, самопреодоление и самопожертвование – превращаются в чудаковатые архаизмы, на смену им приходят – толерантное отношение к особенностям человека, симпатия к угнетенным, нивелирование понятий «свой-чужой».

Например, в одном интервью девушка (24 года) из Беларуси поделилась таким мнением: *«Пока живы люди советской ментальности правды о войне мы не узнаем. Надо смотреть с человеческой точки зрения. Вдова белорусского полица равна вдове белорусского партизана, страдания одной равны страданиям другой. Человек равен человеку».*

В рамках современных гендерных тенденций в ряде европейских и постсоветских стран в канун празднования 75-летия Победы во Второй мировой войне происходили акции, демонстрирующие качественное изменение ее восприятия, где традиционные маскулинные образы героев приобретали ЛГБТ-символику. Так, громкий скандал со сносом памятника Коневу в Праге повлек за собой реакцию европейских СМИ, которые писали о «положительных последствиях» демонтажа советской скульптуры, так как отныне главным памятником, посвященным Второй мировой войне в чешской столице, стало «Братание», – монумент с гомозротическим подтекстом, изображающий целующихся сол-

дат (Драгоун, 2020). На Украине в том же году группа молодых людей с помощью квадрокоптера разместила флаг ЛГБТ-сообщества на памятнике Родина-мать в Киеве (Венк, 2020).

Можно сказать, что традиционная визуальная символизация Праздника Победы, следуя современным тенденциям, терпит сегодня значительные изменения, что неминуемо скажется на восприятии общества, в первую очередь молодежи, как самой восприимчивой, прогрессивной поколенческой группы.

Для более детального рассмотрения образа Великой Отечественной войны по параметру эмоциональности мы попросили респондентов назвать свои чувства, когда те задумываются о Дне Победы (табл. 1), здесь они могли выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 1 – Какие чувства вы испытываете, когда задумываетесь о Дне Победы (возможны несколько вариантов ответов)?

Варианты ответов	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия
Гордость за Великий подвиг советского народа	76 %	68 %	60 %	88 %	68 %
Ненависть к Гитлеру и фашистам	20 %	32 %	12 %	40 %	16 %
Уважение к ныне живущим участникам войны	64 %	60 %	56 %	72 %	64 %
Скорбь по погибшим	60 %	52 %	76 %	68 %	56 %
Страх перед ужасами войны	48 %	36 %	56 %	48 %	52 %
Никакие, это далекое прошлое	4 %	12 %	4 %	0 %	0 %

Гордость за Великий подвиг советского народа испытывает абсолютное большинство опрошенных в Казахстане, России, Армении и Киргизии. В Беларуси доминирует чувство скорби по погибшим – 76%. Скорбь является также популярной эмоцией в России (60%) и Казахстане (68%). Самым непопулярным чувством у современной молодежи евразийского пространства стала «ненависть к Гитлеру и фашистам». Вообще следует сказать, что образ врага в концепте образа Великой Отечественной войны у молодежи сегодня крайне размыт. Осуждающих, агрессивных оценок действиям Германии в тот период среди опрошенных практически не встречается. В отличие от остальных стран довольно высокий процент равнодушия в этом вопросе продемонстрировала молодежь Армении (12%).

Символом Победы в Великой Отечественной войне для большинства молодых граждан ЕАЭС является «Советский народ», он лидирует в России, Казахстане и Киргизии (табл. 2). В Беларуси самым популярным вариантом ответа был – «Ветераны», в Армении – «Советский флаг над Рейхстагом».

Наименьшей популярностью у молодежи пользуются исторические персоналии – «Сталин» и «Жуков».

Таким образом, следует отметить, что самые расхожие символы праздника относятся в большей степени к «исчезающим» категориям прошлого. В целом современные образы, такие как «Бессмертный полк», пока не смогли заместить их в восприятии молодежи. Однако в некоторых странах союза (Казахстан, Россия) данный символ набрал относительно высокий процент популярности.

Таким образом, для новых поколений «живая нить» прошлого прерывается; война становится «историей», оставляя место для дискуссий о том, какой именно слой прошлого будет больше всего востребован.

Таблица 2 – Что (кто) для Вас является символом Великой Отечественной войны (возможны несколько вариантов ответов)?

Варианты ответов	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия
Советский флаг над Рейхстагом	56%	52%	40%	44%	16%
Сталин	36%	24%	12%	28%	12%
Советский народ	64%	44%	48%	80%	64%
Жуков	44%	28%	20%	32%	4%
Родина-мать	56%	36%	32%	48%	16%
Ветераны	52%	48%	60%	72%	28%
Георгиевская ленточка	44%	40%	28%	44%	12%
Бессмертный полк	44%	32%	20%	52%	16%
Свой вариант	12%	8%	16%	4%	12%

Анализируя ответы респондентов на провокационный вопрос «Как бы Вы отреагировали на утверждение, что Германию победили США?», мы выяснили, что подавляющее большинство молодежи стран ЕАЭС считают, что «США внесли вклад в победу над Германией, но нельзя только их называть победителями». Только в России и Казахстане лидирует мнение, что данное утверждение – ложь (табл. 3).

Таблица 3 – Как бы Вы отреагировали на утверждение, что «Германию победили США?»

Варианты ответов	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия
Это ложь	56%	36%	28%	56%	36%
США внесли вклад в победу над Германией, но нельзя только их называть победителями	36%	48%	56%	32%	52%

Варианты ответов	Россия	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия
Без США Советский союз не одолел бы Гитлера	4%	12%	12%	8%	8%
Полностью согласен	0%	0%	0%	0%	0%
Никак	4%	8%	12%	0%	4%

Также здесь важно отметить, что полностью согласных с этим утверждением нет ни в одной стране. Больше всего убежденных в том, что «без США Советский союз не одолел бы Германию» в Армении и Беларуси (по 12%). Больше всего равнодушных в Беларуси (12%).

Мы задали этот вопрос, опираясь на устойчивое мнение жителей западных стран в том, что наибольший вклад в освобождение Европы от фашизма внесли США. Это подтверждается социологическими исследованиями (ICM Research ..., 2015).

За последние десятки лет на Западе развернута массированная пропаганда по извращению механизма возникновения, основных событий и результатов Второй мировой войны, при этом отводится все большая роль и значение материальной помощи, в частности со стороны США, а факт победы СССР во Второй мировой войне ставится под сомнение. Систематически перенося акценты, замалчивая сражения на Восточном фронте, оказалось можно переформатировать общественное мнение не просто отдельных стран, а, фактически, всего континента.

Абсолютное большинство молодых людей евразийского пространства склонно в большей степени к отрицательной реакции на утверждение «Германию победили США». Однако следует отметить, что процент тех, кто реагирует однозначно отрицательно во всех странах гораздо ниже, чем в России и Казахстане. Это свидетельствует о том, что в Беларуси, Армении и Киргизии молодые люди, очевидно, больше считают вкладом США в победу во Второй мировой войне. Данное убеждение в дальнейшем может стать прологом к ревизионистским дискуссиям о том, чья роль оказалась решающей во Второй мировой войне. Также важно упомянуть здесь о существенном проценте тех, кто остается равнодушным или высказался в пользу мнения «Без США Советский союз не одолел бы Гитлера», что также подчёркивает некоторую ненадежность убеждений молодых людей, прямых потомков солдат и командиров Красной Армии, работников тыла в том, что невозможно принизить их Подвиг.

Исходя из ответов респондентов на открытый вопрос «Как, на Ваш взгляд, сложилось бы будущее Вашего государства, если бы фашизм не был повержен?», можно заключить, что во всех странах лидирует отрицательное представление: «мы были бы рабами», «трагично», «народ был бы уничтожен», «тотальное истребление» и т. д. Следует также отметить значимую долю тех, кто затруднились с ответом или сказали, что никогда не задумывались об этом в Армении (12%) и Беларуси (16%). Исходя из характера ответов на данный вопрос, можно сказать, что он оказался респондентам сложным. Ответы отличались своей когнитивной бедностью и немногословностью, отсутствием анализа и аргументации.

Однако были и сторонники того, что проиграв, все сложилось бы лучше, чем есть сейчас: в Беларуси – 12 %, в Армении – 8 %, в Киргизии – 8 %, в России – 4 %, в Казахстане – 4 %.

Заключение

Прежде всего хотелось бы отметить, что в целом предположение о наличии разницы в восприятии Великой Отечественной войны в России и в других странах-участницах ЕАЭС подтвердилось. Образ Великой Отечественной войны у российских респондентов более четкий, когнитивно-сложный, в большинстве случаев в нем присутствует субъект – «советский народ». Довольно ярко, в отличие от остальных стран, выражены позитивные тона в эмоциональном отношении, которые характеризуются в ответах использованием таких понятий, как «триумф», «победа», «гордость».

Также следует отметить, что восприятие казахстанских и российских респондентов во многих категориях было схожим.

Из всех стран наиболее отличилась Беларусь, чья молодежь во многих категориях демонстрировала тревожные показатели: Великую Отечественную войну подавляющее большинство воспринимает через призму скорби; больше всего сторонников альтернативных точек зрения о вкладе СССР в Победу над фашизмом; высокий процент тех, кто не отмечает этот праздник.

У молодежи Армении и Киргизии встречаются похожие мнения, но меньше. В целом здесь стоит отметить довольно существенный процент равнодушия и когнитивно-бедных оценок. Таким образом, можно заключить, что гипотеза об отрывочном, хаотичном восприятии образа Великой Отечественной войны молодым поколением подтвердилась.

Также в ответах респондентов зафиксирован низкий процент упоминаний об объединяющих символах празднования Дня Победы. Это свидетельствует о деидеологизации евразийского общества, дефиците масштабных смыслов и кризисе когнитивной составляющей в современной евразийской политике. Здесь следует добавить, что наше исследование выявило тенденцию к отходу от традиционных советских маскулинных образов, связанных с Великой Отечественной войной, в сторону феминативных нарративов у существенного процента молодежи стран ЕАЭС, что объяснимо растущей «феминизацией» социокультурных ценностей в массовой культуре за последние годы.

Как показало исследование, при наличии у некоторых респондентов восприимчивости к антироссийской и антисоветской пропаганде, распространению фальсификаций и мифов о Великой Отечественной войне в публичном пространстве, в настоящее время в сознании евразийской молодежи в целом доминирует традиционное отношение к этому празднику как к торжеству подвига советских солдат, освободивших мир от фашизма. Это говорит о том, что наша последняя гипотеза не подтвердилась.

Полученные результаты в силу численной и возрастной ограниченности выборки не могут претендовать на серьезные обобщения, однако выявленные тенденции вполне выразительны.

Список литературы

1. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. «Российская газета» публикует статью президента РФ Владимира Путина. (2020, 19 июня). *Российская газета – Федеральный выпуск*, 133(8187). Взято 14 сентября 2020, с <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>
2. Аникин, Д. А., Бубнов, А. Ю. (2020). Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти. *Вопросы политологии*, 10(1(53)), 19–28.
3. Афанасьева, А. И., Меркушин, В. И. (2005). К 60-летию Великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. *Социологические исследования*, 8, 11–12.
4. *Без георгиевских лент, но с цветами: как 9 мая отмечали в Грузии*. (2020). Взято 14 сентября 2020, с <https://news.sputnik.ru/politika/93d61ae409f8eadf58c85f961ba624d314c5f6cc>
5. *Великая Отечественная война: Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа*. (2020). Взято 17 сентября 2020, с <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf>
6. Венк, Виктория. (2020, 22 июня). Они смеялись над Родиной. Зачем главный монумент Киева одели в цвета ЛГБТ накануне 22 июня. *СТРАНА.ua*. Взято 14 сентября 2020, с <https://strana.ua/news/274435-rodina-mat-s-flahom-lhbt-kto-povesil-raduzhnyj-flah-nad-monumentom-vov-.html>
7. Драгоун, Р. (2020, 25 апреля). Памятник Коневу лежит рядом со «Славянской эпопеей». «Русские упустили свой шанс», – говорит Коларж. *Aktuálně.cz*. Взято 14 сентября 2020, с <https://inosmi.ru/politic/20200425/247327166.html>
8. Евгеньева, Т. В. (2016). Символика советского прошлого в конструировании образа будущего. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 101–102.
9. *Интеграционный барометр ЕАБР* (18 ноября, 2015). Взято 17 сентября 2020, с <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyu-barometr-eabr-2015/>
10. Ковба, Д. М., Грибовод, Е. Г. (2020). Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(39), 59–77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204
11. Колеров, М. А. (2014). «Историческая политика» в современной России: Поиск институтов и языка. В О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. (Ред.), *Русский сборник. Исследования по истории России* (Т. 16, с. 441–480). М.: Издатель Модест Колеров.
12. Кон, И. С. (2009). *Мужчина в меняющемся мире*. М: Время.
13. Миллер, А. И. (2004). Политика памяти в России: Год разрушенных надежд. *Полития*, 4(75), 49–57.
14. Немирова, Н. В. (2015). Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*, (4 (63)), 157–165.

15. *Общая Победа: что для стран ЕАЭС означает память о Великой войне.* (2019, 8 мая). Взято 14 сентября 2020, с <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/obscaia-pobeda-cto-dlia-stran-eaes-oznachaet-pamiat-o-velikoi-voine-5cd27835fb8800b39a0536>
16. Русаков, В.М., Русакова, О.Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(39), 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202
17. Селезнева, А.В., Смутькина, Н.В. (2018). Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии). *Русин*, 54(4), 352–371.
18. Смутькина, Н.В. (2017). Методологические основания исследования образов бывших республик СССР. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 4, 98–100.
19. Тавокин, Е.П., Табатадзе, И.А. (2010). К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне. *Социологические исследования*, 5, 62–66.
20. Шестопал, Е.Б. (2018) Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия. *Социальная психология и общество*, 9, 81–90.
21. Halbwachs, M. (1980). *The collective memory*. N.Y.: Harper & Row Colophon Books.
22. Hutton, P. (2016). *The memory phenomenon on in contemporary historical writing: How interest in memory has influenced our understanding of history*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
23. *ICM Research: жители Европы считают, что от фашизма их освободили американцы.* (2015, 28 апреля). Взято с https://www.rusdialog.ru/news/24687_1430229649
24. Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, (26), 7–24. doi: 10.2307/2928520.

References

1. Afanasyeva, A.I., Merkushev, V.I. (2005). Velikaya Otechestvennaya vojna v istoricheskoy pamyati rossiyan [The Great Patriotic War in the historical memory of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8, 11–12.
2. Anikin, D.A., & Bubnov, A.Y. (2020). Politika pamyati v setevom prostranstve: internet kak mediator pamyati [The policy of memory in the network space: the Internet as a mediator of memory]. *Voprosy politologii*, 10(1 (53)), 19–28.
3. *Bez georgievskih lent, no s cvetami: kak 9 maya otmechali v Gruzii* [Without St. George's ribbons, but with flowers: how May 9 was celebrated in Georgia]. (2020). Retrieved September 17, 2020, from <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf>
4. Dragoun, R. (2020, April 25). Pamyatnik Konevu lezhit ryadom so "Slavyanskoj epopeej". "Russkie upustili svoj shans", – govorit Kolarzh [The monument to Konev lies next to the "Slavic Epic". "The Russians have missed your chance," says Kolar]. *Aktuálně.cz*. Retrieved September 25, 2020, from <https://inosmi.ru/politic/20200425/247327166.html>

5. Evgenieva, T. V. (2016). Simvolika sovsetskogo proshlogo v konstruirovanii obraza budushhego [Symbols of the Soviet past in the construction of the image of the future]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2, 101–102.
6. Halbwachs, M. (1980). *The collective memory*. N.Y.: Harper & Row Colophon Books.
7. Hutton, P. (2016). *The memory phenomenon on incontemporary historical writing: How interest in memory has influenced our understanding of history*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
8. ICM Research: zhiteli Evropy schitayut, chto ot fashizma ih osvobodili amerikancy [ICM Research: residents of Europe believe that they were liberated from fascism by the Americans]. (2015, April 28). Retrieved from https://www.rusdialog.ru/news/24687_1430229649
9. *Integracionnyj barometr EABR* [EDB Integration Barometer]. (2015, November 18). Retrieved September 17, 2020, from <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2015/>.
10. Kolerov, M. A. (2014). “Istoricheskaya politika” v sovremennoj Rossii: Poisk institutov i yazyka [“Historical politics” in modern Russia: Search for institutions and language]. In O. R. Ayrapetov, M. Jovanovic, M. A. Kolerov, B. Menning, & P. Chejsti (Eds.), *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* (Vol. 16, pp. 441–480). M.: Publisher Modest Kolerov.
11. Kon, I. S. (2009). *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world]. M.: Vremya.
12. Kovba, D. M., & Gribovod, E. G. (2020). Osobennosti formirovaniya i realizacii politiki pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne na postsovselskom prostranstve [Features of the formation and implementation of the memory politics of the Great Patriotic War in the post-Soviet space]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 2(39), 59–77. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10204
13. Miller, A. I. (2004). Politika pamyati v Rossii: God razrushennyh nadezhd [The politics of memory in Russia: The year of shattered hopes]. *Politiya*, 4(75), 49–57.
14. Nemirova, N. V. (2015). Istoricheskaya pamyat’ o Velikoj Otechestvennoj vojne: opyt kachestvennogo sociologicheskogo issledovaniya [The historical memory of the Great Patriotic War: the experience of high-quality sociological research]. *Uchenye zapiski Zabajkal’skogo gosudarstvennogo universiteta*, (4 (63)), 157–165.
15. Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, (26), 7–24. doi: 10.2307/2928520
16. *Obshhaya Pobeda: chto dlya stran EAE’S oznachaet pamyat’ o Velikoj vojne* [Common Victory: what does the memory of the Great War mean for the EAEU countries]. (2019, May 8). Retrieved September 14, 2020 from <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/obscaia-pobeda-chto-dlia-stran-eaes-oznachaet-pamiat-o-velikoi-voine-5cd27835fbeb8800b39a0536>
17. Rusakov, V. M., & Rusakova, O. F., (2020). Infrastruktura novoj politiki nacional’noj pamyati na postsovselskom prostranstve. K postanovke problemy [Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the statement of a problem]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 2(39), 27–47. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10202

18. Selezneva, A.V., & Smulkina, N.V. (2018). Obrazy stran slavyanskogo mira v soznanii rossijskih grazhdan (na primere Ukrainy i Belorussii) [Images of the countries of the Slavic world in the minds of Russian citizens (on the example of Ukraine and Belarus)]. *Rusin*, 54(4), 352–371.

19. Shestopal, E.B. (2018). Osobennosti ispol'zovaniya psixologicheskikh metodov dlya izucheniya politicheskogo vospriyatiya [Features of the use of psychological methods for the study of political perception]. *Social'naya psihologiya i obshestvo*, 9, 81–90.

20. Smulkina, N.V. (2017). Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya obrazov byvshih respublik SSSR [Methodological foundations of the study of images of the former republics of the USSR]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 4, 98–100

21. Tavokin, E.P., & Tabatadze, I.A. (2010). K voprosu ob istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne [To the question of the historical memory of the Great Patriotic War]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, 62–66.

22. *Velikaya Otechestvennaya vojna: Fal'sifikaciya istorii. Manipulyacii v social'nyx media* [The Great Patriotic War: Falsification of history. Social media manipulation]. (2020). Retrieved September 17, 2020, from <https://www.kribrum.ru/upload/buklet.pdf>

23. Venk, Viktoriya. (2020, June 22). Oni smeyalis' nad Rodinoj. Zachem glavnyj monument Kieva odeli v cveta LGBT nakanune 22 iyunya [They laughed at the Motherland. Why was the main monument of Kiev dressed in LGBT colors on the eve of June 22]. *STRANA.ua*. Retrieved September 14, 2020, from <https://strana.ua/news/274435-rodina-mat-s-flahom-lhbt-kto-povesil-raduzhnyj-flah-nad-monumentom-vov-.html>

24. 75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim. «Rossijskaya gazeta» publikuet stat'yu prezidenta RF Vladimira Putina [75 years of the great Victory: shared responsibility to history and the future. Rossiyskaya Gazeta publishes an article by Russian President Vladimir Putin]. (2020, June 19). *Rossiyskaya gazeta – Federal'nyj vypusk*, 133(8187). Retrieved September 14, 2020, from <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>

ОТ «ПЕРВОЙ В ИСТОРИИ КОНТРОЛИРУЕМОЙ ПАНДЕМИИ» К РАЦИОНАЛЬНОМУ БИОПОЛИТИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Желнин Антон Игоревич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
кандидат философских наук, доцент,
Пермь, Россия,
ORCID: 0000-0002-6368-1363,
E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.11.2020, принята к публикации 29.12.2020

Для цитирования: Желнин А.И. От «первой в истории контролируемой пандемии» к рациональному биополитическому управлению // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 130–141. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

Аннотация

Цель. В статье исследуются антропологические последствия пандемии коронавируса.

Результаты. Глубокие антропологические сдвиги под ее влиянием выражаются, в частности, в ревизии отношения «человек-природа». Пандемия по-своему напомнила о тесной вписанности человека в мир живого. Это результируется в росте внимания человека к своей витальности. В частности, можно полагать, что это катализирует переход биовласти в биополитику, которая может быть позитивно истолкована как сфера рационального управления биологией человека и общества. Она предполагала бы мониторинг и «мягкое» регулирование основных популяционных параметров, планирование траекторий улучшения качества биологического функционирования человека и эффективное прогнозирование возможных угроз (как внешних, наподобие настоящей пандемии, так и рисков, связанных с самим управлением).

© Желнин А.И., 2021

Научная новизна. Показано, что пандемия является частным случаем цивилизационного вызова, который способен послужить переходу к новому формату взаимодействия человека со своей биологией, рациональному управлению ей.

Ключевые слова:

человек, биология, управление, биовласть, биополитика, биоменеджмент, пандемия, вирус, кризис, коэволюция.

UDC 304.9

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

FROM “THE FIRST CONTROLLED PANDEMIC IN HISTORY” TO RATIONAL BIOPOLITICAL ADMINISTRATION

Anton I. Zhelnin,

Perm State University,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Perm, Russia,
ORCID: 0000-0002-6368-1363,
E-mail: antonzhelnin@gmail.com

Article received on November 15, 2020, accepted on December 29, 2020

To cite this article: Zhelnin, A.I. (2021). Ot “pervoj v istorii kontroliruemoj pandemii” k racional’nomu biopoliticheskomu upravleniyu [From “The first controlled pandemic in history” to rational biopolitical administration]. *Scientific journal “Discourse-P”, 1(42)*, 130-141. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-130-141

Abstract

Aim. The article examines the anthropological consequences of the coronavirus pandemic.

Results. Deep anthropological shifts under its influence are expressed in particular in the revision of the “human-nature” relationship. The pandemic, in its own way, reminded of the close fit of human into the world of the living. This results in a human’s growing attention to his vitality. In particular, it can catalyze the transition of biopower into biopolitics, which can be positively interpreted as a sphere of more or less rational administration of biological existence of a person and society. It would involve monitoring and “soft” regulation of the main population parameters, planning trajectories for

improving the quality of human biological functioning and effective forecasting of threats (both external, like a contemporary pandemic, and those, which are associated with this management itself).

Scientific novelty. It is shown that a pandemic is a special case of a civilization challenge that is capable to lead to a new format of interaction between human and its biology, rational management of it.

Keywords:

human, biology, administration, biopower, biopolitics, biomanagement, pandemic, virus, crisis, coevolution.

Введение

Человек, будучи «плоть от плоти» органического мира, долгое время противопоставлял ему себя. Вместе с тем, начиная с XIX века, обозначается и обратная тенденция, стремящаяся «вернуть» человека в лоно природы и рассматривать его как этап эволюционного процесса. Граница между человеком и другими органическими формами стала постепенно ослабевать, так как открылось фундаментальное единство клеточных и молекулярно-генетических основ живого. Это позволило П. Тейяру де Шардену писать о едином и уникальном «спазме» жизни на Земле: «Эта гипотеза успешно обосновывает органичное, глубокое сходство между всеми живыми существами от бактерии до человека... Жизнь возникла и распространяется на Земле как одиночная пульсация» (Тейяр де Шарден, 2002, с. 208–209). Условность теоретической границы между человеком и животным по-своему выразил Дж. Агамбен (2012, с. 50): «Антропологическая машина» функционирует, «лишь создавая внутри себя некую зону неразличимости, в которой – подобно missing link, которого всегда недостает, так как виртуально оно «уже здесь» – должна совершиться связь между человеком и животным, между человеком и не-человеком. На самом деле, эта зона, подобно всякому исключаящему пространству, совершенно пуста, а подлинно человеческое, которое должно здесь совершиться, является исключительно местом постоянно возобновляемого решения, при котором цезуры и их сложение непрерывно смещаются и сдвигаются». Другими словами, данная граница (как и само содержание человеческой сущности) не является константой, а, будучи продуктом конкретно-исторической конвенции, способна сдвигаться и перемещаться, подвергаться ревизии, наполняться новым содержанием. Наша гипотеза состоит в том, что на современном этапе намечился глобальный сдвиг не только во взгляде на границу между биологическим и собственно человеческим в человеке, но и в самом формате взаимодействия человека со своей биологической составляющей, и что одним из пусковых механизмов для этого может послужить современная пандемия коронавируса.

Результаты исследования

Пандемия обнажила фундаментальный онтологический факт, что человек, несмотря на все свои культурно-технологические достижения, остаётся, по сути,

биологическим существом, организмом, вплетенным в густую сеть связей с другими формами жизни, в том числе микроорганизмами. Предложен даже специальный термин «виролюция», отражающий длительную коэволюцию человека и вирусов (Райан, 2014). Такая вплетенность не только продолжает делать его потенциально беззащитным перед многими из них, но и ударяет по идее сверхприродности человека. Казалось бы, человечество, живя в постпенициллиновую эпоху, осуществило громадный рывок в борьбе с инфекционными заболеваниями: «Благодаря массовым кампаниям по вакцинации, проведенным в международном масштабе, службы здравоохранения в большинстве стран мира взяли под контроль такие болезни, как сифилис, полиомиелит, оспа. Наряду с этим почти перестали регистрироваться вспышки желтой лихорадки, чумы, дифтерии, холеры и других инфекционных болезней, которые на протяжении многих веков беспокоили человечество» (Михель, 2009, с. 303). Последнее явно отражается на глобальной структуре болезней и смертности: большинство приходится на так называемые неинфекционные заболевания. Так как данный тип болезней является хроническим и не поддается окончательному излечению, то их господство приведет к своеобразному «обществу ремиссии» (Шевченко, 2019). Драма данного типа больных и данного типа общества в том, что неинфекционные заболевания (или т. н. «болезни цивилизации») в большой мере порождены самой деятельностью человека, перестройками в образе жизни и демографии, а любая ремиссия раньше или позже, но неизбежно сменится очередным рецидивом.

Вместе с тем теперь очевидно, что и такое общество продолжает переживать мощные внешние инвазии, не сопряженные с ее имманентной логикой и поэтому воспринимающиеся как абсолютно чуждые. Вирусы вселяют в современного человека на порядки больший страх, чем прочие инфекционные агенты, по видимому, по целому ряду причин:

1) Вирусы обладают высокой мутационной изменчивостью, периодически оказываясь на шаг впереди человека и его иммунной защиты.

2) Вирусы очень успешно передаются от человека к человеку, что создает большую угрозу в ситуации интенсивного роста населения, процессов урбанизации и глобализации: «Рост народонаселения и совершенствование транспорта привели к тому, что человечество оказалось как никогда беззащитно перед эпидемиями... По логике вещей мы должны были бы жить в бацилловиральном аду, где одну смертельную пандемию сменяет другая» (Харари, 2019, с. 17).

3) Многие из вирусов до сих пор являются неизлечимыми, а существующие противовирусные препараты и вакцины не обладают достаточным уровнем эффективности. Более того, когда речь ведется о возможном биологическом оружии, то вирусы оказываются в числе главных кандидатов на данную роль (Фукуяма, 2004, с. 19). Всё это способствует демонизации и переходу понятия «вирус» в разряд некой заражающей собою суперметафоры. Данная метафора широко применяется в медиасфере и в цифровых технологиях (Рашкофф, 2003). Такое метафорическое «заражение» наблюдается даже в такой далекой от биологии сфере знания и коммуникации, как репликация: «Репликация – это копирование, сопровождающееся мутациями, ошибками при копировании. Так распространяется вирус. Более того, концепция заражения позволяет точнее представить ситуации коммуникации, нежели концепция «обмена знаками»: коммуникация предполагает репликацию знания... Таким образом, знание, распространяясь, мутирует,

изменяется» (Буданов, Белоногов, 2019, с. 29). В случае коронавируса вполне возможна аналогия со сферой политики. К примеру, недавно представитель КНР в ответ на обвинение Китая в возможном искусственном создании вируса заявил, что нужно бороться не только с самим вирусом, но и с «политическими вирусами» вокруг него (Глава МИД КНР ..., 2020). В данном случае мы видим значительное перемешивание биологических и внебиологических (социальных, политических, культурных) измерений, постепенное стирание границ между ними. Еще Жан Бодрийяр (2000, с. 14–15) отмечал: «Тема вируса не представляет собой перемещения биологического поля, ибо все одновременно и в равной степени затронуто вирулентностью, цепной реакцией, случайным и бессмысленным размножением, метастазированием». Масштабы пандемической катастрофы и порожденных ею волн паники гарантируют, что «вирус» еще надолго останется одной из топовых разрушительных метафор современности.

Однако можно констатировать, что влияние коронавируса на социальный порядок связано не столько с действиями вируса *per se*. Вирус как молекулярный агент действует только на биологическое, на тела и организмы, к социальному же он индифферентен. Для большинства населения он остается «виртуальным», отражаясь только в общественных изменениях (режиме изоляции, ограничении контактов, потере работы и т. д.). Беспрецедентные масштабы порождены реакцией на его активность, соответствующими методами борьбы и профилактики. Прежде всего речь идет о мерах, представленных массовым карантинном, временным закрытием организаций и предприятий, ограничением межгосударственных и внутригосударственных контактов, перестройках в общественном здравоохранении (Bedford et al., 2020). Долгоиграющие экономические, политические и даже психологические последствия данных глобальных мер нуждаются в тщательном всестороннем анализе, который еще только предстоит.

Вместе с тем пандемия обнаруживает и более глубокие антропологические пласты. Отчасти они связаны с концептуальным отношением человека со своим органическим началом. В современности внимание парадоксальным образом переключается на биологические и физиологические аспекты жизни: «Единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и «интегральное» управление ею... человечество вроде бы «берет на себя» собственную физиологию как последний и неполитический мандат на конец истории» (Агамбен, 2012, с. 93). И, более того: «Решающий конфликт в нашей культуре, который преобладает над всеми остальными, есть конфликт между животностью и человечностью» (Агамбен, 2012, с. 96).

В широкий обиход вошли такие концепты, как «биовласть», «биополитика» и другие «био», став своего рода мейнстримом и даже хайпом. Вместе с тем им по большей мере приписываются негативные коннотации, ассоциирующиеся с экстраполяцией властных механизмов на витальные аспекты человеческой жизни. Мы, напротив, полагаем, что они имеют и позитивное содержание, связанное прежде всего с интенцией на управление последними. Недаром на начальном этапе пандемии глава ВОЗ выразил надежду, что она способна стать первой управляемой пандемией в истории (ВОЗ рассказала ..., 2020). Конечно, последующие события во многом опровергли такой оптимизм. Чересчур оптимистичным был и Ю. Харари, который писал в своей недавней книге «Номо Деус» (2019, с. 22): «Серьезные эпидемии будут угрожать человечеству в буду-

щем, вероятно, только в том случае, если человечество само будет создавать их в угоду какой-нибудь безжалостной идеологии. Эпоха, когда человечество было практически беспомощно перед природными эпидемиями, скорее всего, миновала». Тем не менее, несмотря на гигантский прогресс, наука еще не научилась прогнозировать, предсказывать их наступление. По сути, настоящая пандемия и реакция на нее – это частный пример того, что человечество продолжает развиваться, фигурально выражаясь, «апостериорным» способом: решение проблем и необходимая для этого консолидация происходят «задним числом», отсутствие хотя бы приблизительной общей программы заставляет отдельных субъектов действовать по-разному, методом проб и ошибок.

Пандемия, породив масштабный экономический и медицинский кризис, принудительно заставила мировое сообщество и мировую науку так или иначе сплотиться в поиске оптимальной стратегии. В этом смысле она действовала полностью в соответствии с известным принципом «Вызов-Ответ» А. Тойнби (2011, с. 61): «Цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы. Они надламываются и распадаются, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить». Объективно цивилизация не без потерь, но ответила на данный вызов. Однако если подойти к ситуации субъективно, то человечество де-факто пережило, пользуясь терминологией К. Ясперса, глобальную «пограничную ситуацию». И ее экзистенциальный смысл – не в бинарном результате «преодоление/надлом», но в изменении ракурса зрения человека на самого себя, свою природу и жизнь. Пандемия может послужить катализатором «биологического поворота» в повестке человечества, когда внешние экологические императивы дополнятся вниманием и заботой людей о биологическом внутри самих себя. Показательно, что во время пандемии потенциальная угроза здоровью отдельных групп населения перевесила экономические издержки, а необходимость поддержания карантина сопровождалась централизованными и подчас жесткими мерами. Данные метаморфозы вполне укладываются в концепцию биополитики. Агамбен (2011, с. 155–156) отмечал на данный счет: «Перемены осуществляются в контексте, в котором политика уже давно стала биополитикой, а на кон отныне ставится лишь решение о том, какая форма организации способна наиболее эффективно обеспечить заботу, контроль и наслаждение голой жизни». Однако, повторимся, за биовластью и биополитикой в определенной мере закрепилась отрицательная коннотация, они часто рассматриваются только как экспансия властных механизмов на биологическую сторону жизнедеятельности человека с целью ее репрессивного подавления, манипулятивного контроля или эксплуатации. В той или иной мере такую позицию можно найти не только у классиков (М. Фуко, А. Негри, Дж. Агамбен, И. Иллич), но и у их продолжателей (Nadesan, 2010; Rabinow, Rose, 2006). Так, биовласть понимается в устойчивой связке, предполагающей отпор и сопротивление: «Власть, конденсация стратегических отношений в отношении доминирования, сокращение пространств свободы желанием контролировать образ действия других всегда встречается с сопротивлением. Следовательно, жизнь и живое становятся “предметом” этики через динамику, которая одновременно сопротивляется власти и порождает новые формы жизни» (Lazzarato, 2002, p. 109). В свою очередь, очевидно, что данные феномены приобретают принципиально новое качество в связи с развитием специализированных био- и медицинских технологий (Тищенко, 2001).

Они катализируют биовласть как экстенсивно (увеличивая поле ее приложения), так и интенсивно (всё сильнее, глубже биологизируя и медиализируя различные аспекты социальной жизни). Справедливо отмечаются возможные амбивалентные последствия такой биотехнологической экспансии, ее своеобразная «прометеева мощь»: «Биотехнологии изменят наше будущее и нас самих... Будущее бросит вызов нашему пониманию самой сущности человека как с биологической, так и с социальной точки зрения. Новые направления в развитии биотехнологий обещают увеличить продолжительность и повысить качество человеческой жизни, укрепить физическое и психическое здоровье. Растут возможности объединения цифровых технологий с живыми тканями, и возможные результаты, ожидаемые уже в следующем десятилетии, вызывают широкий спектр эмоций – от надежды до восхищения и страха. Исследования описывают устойчивый мир, в котором больше не будет болезней, угрожающих нам сегодня. Пессимисты описывают мрачное, антиутопическое будущее, предсказывая «детей на заказ» и крайнее неравенство доступа к плодам биотехнологий» (Шваб, Дэвис, 2018, с. 66–67). Опросы показывают, что большинство населения настороженно воспринимает новые биотехнологии именно из-за того, что они направлены на самое интимно близкое для человека, на его тело и разум (Войнилов, Полякова, 2016).

Биовласть – это действительно разновидности власти, и как таковая несет в себе такие непереносимые ее атрибуты, как иерархичность (асимметрия между субъектом и объектом властных отношений) и элементы контроля. Другое дело, что современная биовласть при нормальных условиях является ярким примером «мягкой власти», так как осуществляет свой контроль не напрямую, а имплицитно (через рекламу, различные маркетинговые стратегии, создание в обществе потребности в новых видах специализированных товаров и услуг, стимулирование в отношении их консьюмеристских установок) (Желнин, 2018). Пандемия в каком-то смысле продемонстрировала ее способность перехода в явный и жесткий режим: массовый карантин и самоизоляция, строгая необходимость санитарно-гигиенических мероприятий, ограничение социального дистанцирования являются медицинскими аналогами «чрезвычайного положения» и «лагеря», биополитическая суть которых была показана Агамбенем (2011). Вместе с тем пандемия как «пограничная ситуация» продемонстрировала недостаточность любого режима биовласти (как мягкого, так и жесткого) в целом, вскрыв ее фундаментальные лимиты. К последним можно отнести несогласованность действий локальных субъектов, доминанту отстаивания частных интересов; тотальную коммерциализацию; апостериорный способ реагирования и решения проблем.

Полагаем, существенные лимиты в цивилизационном ответе на глобальные вызовы, подобные этому, ускорят перерождение биовласти в биополитику. В данном контексте биополитику можно понять не как простой синоним/приложение биовласти, а как сферу более или менее рационального управления биологией человека и общества: если биовласть – это «жизнь, подвергнутая командованию политики», то биополитика – это «политика во имя жизни» (Esposito, 2008, p. 15). В этом смысле биополитика имеет позитивное, гуманистическое содержание: «Биополитика является выражением не суверенной воли, а целей администрирования и регулирования жизненных процессов на уровне популяций» (Lemke et al., 2011, p. 4). Отмечается, что биополитика вписывается в парадигму общего, глобального управления и само оно становится биополитическим: «В то же время

современные исследования глобального управления все больше подчеркивают его биополитический характер, ориентированный на позитивное управление жизненными процессами населения» (Яркеев, 2020, с. 52). По-видимому, наиболее приемлемой формой организации биополитического управления ввиду много-субъектности будет являться сеть: «Поскольку сетевые структуры сами имеют биополитическое обоснование – как приложение к человеческому социуму общего биосоциального организационного принципа, то работающая по биополитической проблематике сеть являет собой пример тождества формы и содержания – организационной структуры и ее целевой задачи» (Олескин, 2007, с. 1086).

Сеть предполагает как интеграцию, так и распределенный характер. Поэтому закономерно ожидать усиления позиций Всемирной Организации Здравоохранения и создание подобных международных организаций, которые, тем не менее, при нормальных условиях не станут жестко-директивными в отношении субъектов национального, государственного уровня. Их главными функциями станет мониторинг основных популяционных параметров, стратегическое планирование траекторий развития человечества в биологическом плане, прогнозирование возможных рисков и угроз (в частности, новых пандемий). В случае же реализации последних, биополитические агенты вполне могут перейти к централизованным, директивным формам контроля. К ним вполне применим концепт «умная власть» (smart power), которая понимается как «тонкий» баланс в применении, ситуативном комбинировании мягких и жестких механизмов в зависимости от конкретных обстоятельств (Русакова, Ковалева, 2013).

В конечном итоге переход к разумному менеджменту в сфере человеческой биологии ознаменовал бы дальнейший рост управленческих мощностей человеческой цивилизации. Управление биологией человека и общества было бы ярким примером формирующейся на основе постнеклассического типа научной рациональности «кибернетики третьего порядка», объектом которой выступают сложные человеко-природные системы: «Могла бы сформироваться *кибернетика третьего порядка* на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам»... В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» – создание условий для их развития... В центре внимания постнеклассической научной рациональности оказывается *этика стратегических субъектов саморазвивающихся сред*, ориентированная и на проблему сохранения целостности субъектов и их сборку» (Лепский, 2015, с. 94–95).

Управление человека собственной биологией послужило бы одним из оснований для поддержания целостной биосоциальности в жизни человека, где осознанное и продуктивное манипулирование ее отдельными компонентами соседствует с сохранением принципиальных видовых черт человека («морфологической неприкосновенностью»), служащих основанием его идентичности (Рыбин, 2020). Данное управление будет особенным и в том плане, что субъект и объект в нем, по сути, тождественны, т. е. оно являлось бы самоуправлением и знаменовало бы новую грань свободы человека. Однако это будет позитивная свобода в- и через биологию, а отнюдь не негативная свобода от биологии: идея того, что человеку необходимо в будущем отказаться от своего телесного начала, исходит из ложной посылки, утверждающей ущербность последнего, неправомерно абсолютизирующей «биологическую недостаточность» человека (Желнин, 2016). Справедливо

высказывается опасение, что при антигуманном, разрушительном («танатальном») отношении к человеку как объекту управления биополитика может легко выродиться в некрополитику (Попов, 2018).

Заключение

Коронавирусная пандемия оказалась поистине диалектической в своем действии на человечество. Обострив кризисные черты современной цивилизации, она вместе с тем указала на слабые места и создала условия, при которых необходимо что-то менять. В статье показано, что наряду с экономическими, политическими и культурными проблемами речь может идти и о более глубоком антропологическом пласте. Он заключается, в частности, в смене взглядов человека на себя и свою сущность, ревизии отношения «человек-природа». Угроза биологическому началу в человеке, материализованная в пандемии, его незащищенность перед другими формами живого фокусируют его внимание и порождают интенцию на улучшение своего существования в данном аспекте. Биовласть, понятая как форма контроля и эксплуатации биологического в человеке, имеет возможность смениться биополитикой, понятой как сфера более или менее рационального управления им. Однако такой глобальный проект требует не только внешнего мобилизационного вызова, но и достаточной сознательности ключевых акторов, готовности к коммуникации и интегрированному сотрудничеству между ними, необходимого уровня развития соответствующих технологий. Данный трансфер означал бы, что человек сделал объектом своей регулирующей деятельности не только внешнюю, но и внутреннюю ипостась природы, во многом освободившись от опасной стихийности биологического. Это открыло бы новую грань человеческой свободы и приблизило бы человеческую цивилизацию к состоянию автономного аутопоэзиса.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2012). *Открытое. Человек и животное*. М.: РГГУ.
3. Бодрийяр, Ж. (2000). *Прозрачность зла*. М.: Добросвет.
4. Буданов, В.Г., Белоногов, И.Н. (2019). Знание-вирус: принципы метафорического переноса. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 47, 25–32.
5. ВОЗ рассказала, чем пандемия коронавируса будет отличаться от других (2020, 9 марта). Взято 20 сентября 2020, с <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3246657>
6. Войнилов, Ю.Л., Полякова, В.В. (2016). Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях. *Социология власти*, 1, 85–207.
7. Глава МИД КНР: Китай открыл политический вирус в США (2020, 24 мая). Взято 20 сентября 2020, с https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/05/24/n_14460319.shtml

8. Желнин, А.И. (2016). Идея «биологической недостаточности» человека как основа трансгуманизма и ее критический анализ. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*, 3(250), 86–92.

9. Желнин, А.И. (2018). Биовласть как общесоциальный феномен и ее современные кризисные трансформации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 41, 49–56.

10. Лепский, В. Е. (2015). *Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ)*. М.: Когито-Центр.

11. Михель, Д.В. (2009). Социальная история медицины: становление и проблематика. *Журнал исследований социальной политики*, 7(3), 295–312.

12. Олескин, А.В. (2007). Сетевые структуры как биополитический проект. *Вестник Российской академии наук*, 77(12), 1084–1088.

13. Попов, Д.В. (2018). Танатальные основания негантропной биополитки. *Вопросы управления*, 4(53), 14–22.

14. Райан, Ф. (2014). *Виролуция. Симбиоз человека и вируса как реальность эволюции*. М.: Ломоносов.

15. Рашкофф, Д. (2003). *Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание*. М.: Ультра. Культура.

16. Русакова, О.Ф., Ковалева, Д.М. (2013). «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ. *Социум и власть*, 3(41), 15–19.

17. Рыбин, В.А. (2020). Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности. *Человек*, 31(1), 45–60.

18. Тейяр де Шарден, П. (2002). *Феномен человека*. М.: АСТ.

19. Тищенко, П.Д. (2001). *Био-власть в эпоху биотехнологий*. М.: ИФ РАН.

20. Тойнби, А. Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ.

21. Фукуяма, Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ.

22. Харари, Ю. (2019). *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синдбад.

23. Шваб, К., Дэвис, Н. (2018). *Технологии четвертой промышленной революции*. М.: Эксмо.

24. Шевченко, С. (2019). Голоса боли и надежды в «обществе ремиссии». *Логос*, 29(4), 229–236.

25. Яркеев, В.А. (2020). Концепция биополитики и ее аналогия. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(38), 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

26. Bedford, J., Enria, D., Giesecke, J., Heymann, D. L., Ihekweazu, C., Kobinger, G., Lane, H. C., Memish, Z., Oh, M. D., Sall, A. A., Schuchat, A., Ungchusak, K., & Wieler, L. H. (2020). COVID-19: towards controlling of a pandemic. *The Lancet*, 395(10229), 1015–1018. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30673-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30673-5)

27. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: U of Minnesota Press.

28. Lazzarato, M. (2002). From biopower to biopolitics. *The Warwick Journal of Philosophy*, 13(8), 112–125.

29. Lemke, T., Casper, M. J., & Moore, L. J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press.

30. Nadesan, M.H. (2010). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge.
31. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower today. *BioSocieties*, 1(2), 195–217.

References

1. Agamben, Dzh. (2011). *Homo Sacer. Suverennaya vlast' igolayazhizn'* [Homo Sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
2. Agamben, Dzh. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhitovnoe* [The opened. Human and animal]. Moscow: RGGU.
3. Bedford, J., Enria, D., Giesecke, J., Heymann, D.L., Ihekweazu, C., Kobinger, G., Lane, H.C., Memish, Z., Oh, M.D., Sall, A.A., Schuchat, A., Ungchusak, K., & Wieler, L.H. (2020). COVID-19: towards controlling of a pandemic. *The Lancet*, 395(10229), 1015–1018. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30673-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30673-5)
4. Bodrijar, S. (2000). *Prozrachnost' zla* [Transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet.
5. Budanov, V.G., & Belonogov, I.N. (2019). Znanie-virus: principy metaforicheskogo perenosa [Knowledge-virus: principles of metaphorical transfer]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 47, 25–32.
6. Esposito, R. (2008). *Bios: Biopolitics and philosophy*. Minneapolis: U of Minnesota Press.
7. Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovecheskoe budushhee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future. Consequences of biotechnological revolution]. Moscow: AST.
8. *Glava MID KNR: Kitaj otkryl politicheskij virus v SShA* [The director of Ministry of Foreign Affairs of China: China discovered political virus in the USA] (2020, May 24). Retrieved September 20, 2020, from https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/05/24/n_14460319.shtml
9. Lazzarato, M. (2002). From biopower to biopolitics. *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*, 9(8), 112–125.
10. Lemke, T., Casper, M.J., & Moore, L.J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press.
11. Lepskij, V. E. (2015). *E'volyuciya predstavlenij ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskij analiz)* [Evolution of views on administration (methodological and philosophical analysis)]. Moscow: Kogito-Centr.
12. Mixel', D.V. (2009). Social'naya istoriya mediciny: stanovlenie i problematika [Social history of medicine: genesis and problematics]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 7(3), 295–312.
13. Nadesan, M.H. (2010). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge.
14. Oleskin, A.V. (2007). Setevye struktury kak biopoliticheskij proekt [Network structures as biopolitical project]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 77(12), 1084–1088.
15. Popov, D.V. (2018). Tanatal'nye osnovaniya negantropnoj biopolitiki [Thanatal

foundations of non-anthropocentric biopolitics]. *Voprosy upravleniya*, 4(53), 14–22.

16. Rabinow, P., & Rose, N. (2006). Biopower today. *BioSocieties*, 1(2), 195–217.

17. Rajan, F. (2014). *Viroluciya. Simbioz cheloveka i virusa kak real'nost' e'volyucii* [Virolution. Symbiosis of human and virus as reality of evolution]. Moscow: Lomonosov.

18. Rusakova, O.F., & Kovaleva, D.M. (2013) “Myagkaya sila” i “umnaya vlast'”: konceptual'nyj analiz [“Soft force” and “smart power”: conceptual analysis]. *Socium i vlast'*, 3(41), 15–19.

19. Rushkoff, D. (2003). *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie* [The media. How pop culture secretly affects your consciousness]. M.: Ul'tra. Kul'tura.

20. Rybin, V.A. (2020). Biosocial'nost' cheloveka: opyt pereosmysleniya v kontekste sovremennosti [Biosociality of human: experience of rethinking in the context of modernity], *Chelovek*, 31(1), 45–60.

21. Shevchenko, C. (2019). Golosa boli i nadezhdy v “obshhestve remissii” [Voices of pain and hope in “society of remission”]. *Logos*, 29(4), 229–236.

22. Shvab, K., & De'vis, N. (2018). *Texnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii* [Technologies of the fourth industrial revolution]. Moscow: E'ksmo.

23. Tejyar de Sharden, P. (2002). *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of human]. Moscow: AST.

24. Tishhenko, P.D. (2001). *Bio-vlast' v e'poxu biotexnologij* [Bio-power in the age of biotechnologies]. Moscow: IF RAN.

25. Tojnbj, A. Dzh. (2011). *Civilizaciya pered sudom istorii. Mir i Zapad*. [Civilization in front of trial of history. World and West]. Moscow: AST: Astrel'; Vladimir: VKT.

26. Vojnilov, Yu.L., Polyakova, V.V. (2016). Moe telo – moya krepost': obshhestvennoe mnenie o biomedicinskih texnologiyah [My body – my fortress: public opinion about biomedical technologies]. *Sociologiya vlasti*, 1, 85–207.

27. *VOZ rasskazala, chem pandemiya koronavirusa budet otlichat'sya ot drugih* [WHO tells how coronavirus pandemic will differ from others]. (2020, March 9). Retrieved September 20, 2020, from <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3246657>

28. Xarari, Yu. (2019). *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego* [Homo Deus. Brief history of future]. Moscow: Sindbad.

29. Yarkeev, V.A. (2020). Konceptciya biopolitiki i eyo genealogiya [The concept of biopolitics and its genealogy]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1(38), 50–59. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10104

30. Zhelnin, A.I. (2016). Ideya “biologicheskoy nedostatochnosti” cheloveka kak osnova transgumanizma i ee kriticheskij analiz [The idea of “biological insufficiency” of a person as the basis of transhumanism and its critical analysis]. *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 3(250), 86–92.

31. Zhelnin, A.I. (2018). Biovlast' kak obshhesocial'nyj fenomen i ee sovremennye krizisnye transformacii [Biopower as general social phenomenon and its modern crisis transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 41, 49–56.

О ПРИНЦИПАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Коаччи Фабио,

МГИМО МИД России,
Факультет управления и политики,
кафедра мировых политических процессов,
Аспирант и преподаватель;
Университет Мачераты (Италия),
Кафедра политологии, коммуникации и международных отношений,
Аспирант и Ассистент преподавателя,
Мачерата, Италия,
ORCID: 0000-0002-4504-6067,
E-mail: f.coacci1@unimc.it

Статья поступила в редакцию 14.11.2020, принята к публикации 30.12.2020

Для цитирования: Коаччи Ф. О принципах глобальной экологической справедливости // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 142–157. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-142-157

Аннотация

Экологический вопрос привлекает все большее внимание в различных областях, от точных наук до моральной, социальной и политической философии, международных отношений и глобальных исследований. В этой статье предпринята попытка обсудить нормативную основу для решения серьезной проблемы ухудшения состояния окружающей среды. У статьи двоякая цель: с одной стороны, она стремится показать, что разработка глобальных норм для борьбы с деградацией окружающей среды вызывает глубокие споры как с теоретической, так и с практической точки зрения; с другой стороны, она пытается преодолеть последние препятствия, создавая принципы экологической справедливости, основанные на фундаментальном научном открытии, согласно которому человеческая жизнь на Земле возможна только при соблюдении определенных естественных равновесий Земли, таких как баланс между кислородом и углекислым газом (основная доля продукции которого связана с деятельностью человека). Новизна основной статьи основана на анализе принципов глобальной экологической справедливости, регулирующих деятельность человека, в свете биологических границ Земли, определенных биологами. Соответственно, подход, принятый в этой статье, направлен на объединение естественных и со-

© Коаччи Ф., 2021

циальных наук посредством междисциплинарной попытки связать нормативную теорию с научными данными из точных наук. После краткого изучения антропологических и культурных корней современного экологического кризиса в данной статье проводится сравнительный анализ двух различных принципов глобальной экологической справедливости, т. е. исторического принципа «платит загрязнитель» и временного эгалитарного принципа «равная доля для всех». Таким образом, в статье рассматриваются основные недостатки этих концепций, заявляется о приоритете научно доказанной актуальности восстановления равновесия между человеческой деятельностью и биологическими пределами Земли над политическими проблемами, которые ставят под угрозу их реализацию.

Ключевые слова:

окружающая среда, правосудие, деградация окружающей среды, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, глобальная экологическая справедливость, исторические принципы, эгалитарные принципы временного среза, экологическое равновесие, природное равновесие.

UDC 327:172

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-142-157

ON THE PRINCIPLES OF GLOBAL ENVIRONMENTAL JUSTICE

Fabio Coacci,

MGIMO University,
School of Governance and Politics,
Department of World Politics,
Lecturer and PhD Student;
University of Macerata (Italy),
Department of Political Science, Communication and International Relations,
Assistant Lecturer and PhD Student,
Macerata, Italy,
ORCID: 0000-0002-4504-6067,
E-mail: f.coacci1@unimc.it

Article received on November 14, 2020, accepted on December 30, 2020

To cite this article: Coacci, F. (2021). O principax global'noj e'kologicheskoy spravedlivosti [On the principles of global environmental justice]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 142-157. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-142-157

Abstract

The environmental question is increasingly gaining attention in different fields, from exact sciences to moral, social and political philosophy, international relations and global studies. This article seeks to discuss the normative ground to cope with the crucial challenge of environmental degradation. The aim of the article is twofold: on the one hand, it seeks to show that the elaboration of global norms to cope with environmental degradation is deeply controversial according to both theoretical and practical resistances; on the other hand, it tries to overcome the latter hurdles founding the principles of environmental justice on the basic scientific finding that human life on Earth is possible only respecting specific natural equilibria of the Earth such as the balance between oxygen and carbon dioxide (whose main share of production derived from human activity). The main article's novelty relies on the analysis of principles of global environmental justice ruling the human activity in the light of the biological limits of the Earth defined by biologists. Accordingly, the approach adopted in this article seeks to bridge natural and social sciences through the interdisciplinary attempt to connect the normative theory with scientific evidence from hard sciences. After a brief examination of the anthropological cum cultural roots of the contemporary ecological crisis, this article carries out a comparative analysis of two different principles of global environmental justice, i.e. the historical principle "the polluter pays" and the time-slice egalitarian principle "an equal share to everyone". Thus, the article reviews the main shortcomings of these conceptions claiming the priority of the scientific proven urgency to restore the equilibrium between the human activity and the Earth's biological limits over the political problems which jeopardize their realization.

Keywords:

environment, justice, environmental degradation, overexploitation of natural resources, global environmental justice, historical principles, time-slice egalitarian principles, ecological equilibrium, balance of nature.

Introduction

In 2020, the 22nd August was the Earth Overshoot Day, that is the date when the humankind has used more from nature than our planet can renew in the entire year¹. After that date, we face the deficit by liquidating stocks of ecological resources generated in millennia and accumulating waste to the expense of future generations which are obviously unable to express their will. The overpopulation of the Earth and the overexploitation of natural resources are the main cause of many issues related to the Earth's health from which depends the human life on it. To make it clearer how the environmental degradation is linked to the human activity it is possible to think about the carbon dioxide production, which causes global warming and climate change which, in turn, are the reasons of issues such as floods, desertification, hurricanes

¹ In 2020 there has been a slight improvement in the exploitation of natural sources due to the less global consumption caused by the pandemic. Indeed, in 2019 the Overshoot Day was on the 29th of July.

which, for sure, represent a relevant harm for human life. That is the reason why, the environmental justice is considered as one of the last frontiers of work in global justice, and, more generally, in moral, social and political philosophy and international relations (Singer, 2004). The cruciality of the issue and the interests at stake urge the elaboration of a comprehensive theory of global environmental justice² which has not been conceived yet.

Therefore, this article seeks to widen the debate on normative principles of environmental justice, along with their application at global level, recalling the findings on the human impact on the Earth's health coming from exact sciences and taking into account the role of the main actors responsible for the ecological crisis. To pursue this aim, the article starts with the analysis of some scientific evidence on the gravity of the ecological crisis for humankind and its historical and anthropological roots. Secondly, two different conceptions of principles of environmental justice are analyzed and critically assessed. The critical review will be carried out *vis-à-vis* the normative power of the obligation of humankind to respect the ecological balances of the Earth which are crucial for its life. This obligation is founded on the scientific findings on the specific ecological conditions according to which the survival of the humankind on the Earth is possible and the several serious risks related to their human-driven alterations (Intergovernmental Panel on Climate Change, 2007; Meadows et al., 1972, 2004). In fact, hard natural sciences, such as physics and biology, has widely shown the growing relevance of this crucial issue which, in turn, is now urgently calling for normative and ethical solutions from philosophy and social sciences. Finally, the article will draw few suggestions for an equal and sustainable distribution of ecological assets and, thus, to implement the global environmental justice.

1. The ecological crisis and its anthropological roots

Humanity is facing chronic and unprecedented environmental problems, and many of them are of human origin. That is also confirmed by the United States military which, commenting a report on abrupt climate change prepared for the Pentagon by the Global Business Network (Schwartz, Randall, 2004), have declared that «the issues of adjustment to climate change constitute a far more severe threat to national and international security than does terrorism itself» (Brennan, Lo, 2015). Issues related to environmental degradation, such as drought, changing weather patterns, the expected massive environmental migration, health decline associated with various forms of pollution, raise crucial questions about environmental justice (Shrader-Frechette, 2002) which must provide the right means to let humanity face environmental degradation and climate change properly.

A theory which inspires the inception of the present-day philosophical cum cultural-historical analysis of the human impact on environment and boosts the research about environmental justice is Lynn White's work (1967). In his lecture, which later became an article published in the journal "Science", titled *The historical roots of our*

² Hitherto, the focus of academia has been put on the area of international environmental justice which can be misleading since it may lead to the interpretation of the environmental justice just as a matter of internal affair of the state or of the relation between nations rather than a global topic which involves every individual as inhabitant of this planet (Singer, 2004).

Ecological Crisis, White argued that the Judeo-Christian tradition ought to be considered the philosophical and cultural source of the modern environmental crisis. White asserts that Judeo-Christian anthropocentric belief has inspired the human dominion towards nature and the consequent humankind's overexploitation, and destruction, of the environment. The structure of White's theory can be simply sum up as follow: Christianity led to anthropocentrism that is the cause of environmentally damaging behaviour therefore the origin of the environmental crisis ought to be found in Christian ethics³. Even though White's theory can be considered totalizing – since it makes a reductive interpretation of the Judeo-Christian ethics and demonstrates an excessive simplification of the relation between humanity and nature, which has been affected by different sundry and complex factors (Moncrief, 1970) – for sure his work can be assessed as a valid effort which raised the attention towards the environmental crisis and underlined the human responsibility for the environmental degradation.

The last three decades of studies on environmental ethics have been mostly spent analyzing and clarifying the *evaluative thesis* (of non-anthropocentrism) along with the *psycho-behavioural thesis* (of non-anthropocentrism) (Brennan, Lo, 2015). The first theory claims that natural non-human things have intrinsic value regardless of any use they have for the others while the second one can be considered a prosecution and implementation of the first one. Indeed, it advocates that people who believe in the *evaluative thesis* are more likely to behave in respect of the environment (i. e. behave in beneficial ways, or at least not in harmful ways, towards the environment) than those who do not. Assuming that the *psycho-behavioural thesis* is true, it can be useful to provide a rationale for both the diagnosis and solution of environmental problems and to give practical justification to the disciplines of environmental ethics and justice themselves (Brennan, Lo, 2015). Therefore, these theses can be extremely useful to drive a sustainable pattern of human behaviour toward the environment and to inspire a comprehensive theory of global environmental justice.

However, these theories seem to collide with the recent orthodox economic paradigm, affecting human choices on consumption and production. According to that paradigm, non-human things acquire value according to their scarcity and, therefore, to the one assigned to them by humans. This apparent contrast is underlined by the paradox of the value or diamond-water paradox⁴ which questions why water is cheaper than diamonds even though it is much more indispensable for the human life. This paradox points out the assumption that natural non-human things have intrinsic value but, in socioeconomic exchanges, what is more important is the subjective value assigned to them by humans. Therefore, the evaluative thesis and the mainstream eco-

³ Other three important theories, i. e. ecofeminism, deep ecology, and new animism, seem to share with White's theory the view of anthropocentrism as the hearth of the problem of environmental destructiveness (Brennan, Lo, 2015).

⁴ The diamond-water paradox relies on the observation that articles or goods critical to life (such as water) are very cheap, whereas others which have no bearing on human existence (such as diamonds) are very expensive. As Smith (1776) argues, even though life cannot exist without water and can easily exist without diamonds, diamonds are, pound for pound, vastly more valuable than water. From the economic point of view, this paradox is explained by the law of supply and demand and the marginal-utility theory (The editors of Encyclopedia Britannica, 2018).

conomic theory, the capitalist theory, just give a different interpretation of the conception of value. The first one gives more importance to basic natural non-human things, which are intrinsically essential for human life, while the second one to the relative scarcity of natural non-human things. However, the latter consideration is becoming obsolete since the Ecological Footprint, i. e. the index which measures the impact of human society on the environment, has clearly proved that those natural non-human things essential for the human life, as the atmospheric capacity to absorb gases, water, field, cleaned air, are getting scarce in absolute terms. A wise proverb from native Americans eloquently sums up the human attitude toward the attribution of value to natural things: «When the last tree is cut down, the last fish eaten, and the last stream poisoned, humanity will realize that it is impossible to eat money» (Simpson, Speake, 2008). Indeed, even though facts and figures (see figures 1 and 2) show that humanity is overexploiting natural resources with all the related negative consequences, basic natural non-human things are considered still abundant resources with a relatively low value.

The dates of past Earth Overshoot Days, as calculated with the National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition, are:

December 29, 1970	October 23, 1987	September 1, 2004
December 20, 1971	October 15, 1988	August 25, 2005
December 10, 1972	October 11, 1989	August 19, 2006
November 26, 1973	October 11, 1990	August 14, 2007
November 27, 1974	October 10, 1991	August 14, 2008
November 30, 1975	October 12, 1992	August 18, 2009
November 16, 1976	October 12, 1993	August 7, 2010
November 11, 1977	October 10, 1994	August 4, 2011
November 7, 1978	October 4, 1995	August 4, 2012
October 29, 1979	October 2, 1996	August 3, 2013
November 4, 1980	September 29, 1997	August 4, 2014
November 11, 1981	September 29, 1998	August 5, 2015
November 15, 1982	September 29, 1999	August 5, 2016
November 14, 1983	September 23, 2000	August 1, 2017
November 6, 1984	September 22, 2001	July 29, 2018
November 4, 1985	September 19, 2002	July 29, 2019
October 30, 1986	September 9, 2003	August 22, 2020

Figure 1 – The human overexploitation of natural resources by year. Source: Earth Overshoot Day/Global Footprint Network (<https://www.overshootday.org/>)

Therefore, a theory of global environmental justice, along with the main paradigm on which the economic systems ought to be founded, must be based on the measure of the intrinsic value of natural non-human things and, thus, on the evaluative and psycho-behavioural theories.

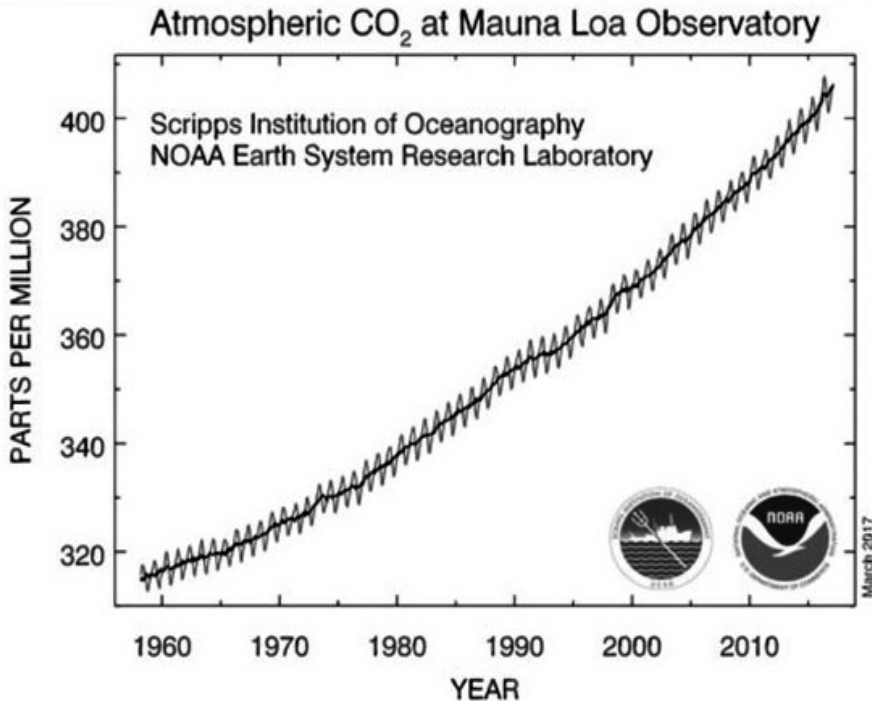

Figure 2 – Trends in atmospheric carbon dioxide. Source: NOAA Earth System Research Laboratory (<https://www.esrl.noaa.gov/>)

However, a noteworthy shortcoming related to the *psycho-behavioural thesis* is the problematic assumption that if people believe they have a moral duty to respect nature or believe that natural things are intrinsically valuable, then they really will act in more environmental-friendly ways (Brennan, Lo, 2015). Differently to White's theory, the *psycho-behavioural thesis* has not been empirically tested by social scientists therefore it needs interdisciplinary studies, as this article⁵, to be proved. So far, regarding the human attitude toward the environment, it is possible to state that the scientific data shows that humanity has a consistent responsibility for the environmental degradation and the current socio-economic system urges a drastic change which can be prompted by a theory of global environmental justice, along with a revision of the current mainstream economic paradigm.

The environmental issue has been progressively growing over the time according to the worsening of the Earth's health. As Singer (2004) argued «there is no

⁵ This article tries to make a partial contribution to investigate the origins of human environmental pathologies and to understand the extent to which belief systems and world-views, as the socioeconomic ones, drive attitudes and behaviour. Indeed, adopting social science methods and empirical facts along with an interdisciplinary approach, this work also examines the human attitude toward the environment, above all in relation to the preservation of the natural conditions which allow the human life in this planet.

greater reason in favor of global action than the damaging impact of human activities on our environment» – a fact which has repeatedly underlined and empirically proved by the findings of hard natural sciences. Accordingly, a theory of global environmental justice must rely on all the current and potential environmental damages caused by humanity and the urgency to restore the balance between human activity and the environmental equilibria of the Earth.

The expert of environmental justice, David Schlosberg (2007), speaks about ecological justice⁶ going beyond the simply equitable distribution of environmental goods and bads, which, by the way, remains present and central in the debate. According to this scholar, the distributional paradigm is almost always tied with recognition (Fraser, Honneth, 2003; Taylor, 1992; Young, 1990), political participation and/or capabilities (Nussbaum, 2011; Sen, 1984) in addition to equity questions. Furthermore, environmental justice movements showed the possibility of employing a variety of notions of environmental justice simultaneously in a comprehensive political context (Schlosberg, 2007). Distribution, recognition, capabilities, and participation in environmental decision-making, are conceived as dimensions of environmental justice which cannot be pursued in isolation. In addition, Schlosberg argues that environmental justice concerns not only individuals but also collectivities, i. e. social groups and ecological systems. In this sense, he elaborates a broad, integrated, multifaceted sketch of a theory of environmental justice that can be applied to both relations regarding environmental risks in human populations and relations between human communities and non-human nature. Indeed, he argues that individual organisms and natural systems are entitled to a fair share of essential goods, to recognition as part of an extended community, to the development and enjoyment of capabilities for flourishing, and to some measure of inclusion in political processes, such as human proxies for nonhuman nature. Therefore, environmental justice prompts the human species to organize their activity within the constraints imposed by natural systems, which have the same, unless even more, rights to access to the goods essential for their survival (which is essential for the survival of the human species itself).

2. Two principles of global environmental justice: a comparative analysis

White's theory which looks at the anthropocentrism as the main cause of the recent environmental crisis helps to understand the behavioural model behind the human responsibility for the ecological crisis while *evaluative* and *psycho-behavioural* (of non-anthropocentrism) theses contend the need to attribute more importance to the intrinsic value of natural non-human things and claim to behave according to their ecological use. Moreover, other experts of environmental justice, as Singer and Schlosberg, underline the urgency of a global action to make the Earth's health recover and to ensure the fair distribution of the environmental goods and bads along with people's political inclusion, capabilities and recognition. Therefore, the arguments so far analyzed represent a solid theoretical framework to discuss principles of global environmental justice.

⁶ Schlosberg builds from the discourse of the environmental justice movement to extend justice to our relations with the natural world – in his own terminology, he moves from *environmental* to *ecological* justice (Schlosberg, 2007).

Since our atmosphere has a limit related to the quantity of greenhouse gases it can absorb without suffering damage, Singer (2004) argues that «total global emissions must fall within this limit». Therefore, human being must take the limit of the atmosphere as the main constraint to the pollution the humanity can afford to produce. Indeed, as human activity has caused changes in the Earth's climate that increase the likelihood of threats to human interests⁷, Peter Singer (2004) and Simon Caney (2005) hypothesize, to some extent and with different views, the option to make the polluters pay for the environmental degradation in order to tackle the effects of the ecological crisis, such as global warming and climate change.

Even though both Singer and Caney agree on basing their arguments on the scientific evidence that human societies have contributed to the ecological crisis and its harmful effects on the Earth's health (Singer, 2004), they have different approaches of environmental justice in response to the environmental issues. Indeed, they diverge in the interpretation and application of the founding principles of environmental justice, such as the *Polluter Pays* principle.

Analyzing principles which are based on fair distribution, Singer resumes the distinction sketched out by Robert Nozick (1984) between “historical” principles and “time-slice” principles. An historical principle looks not only at the present situation, but also to the past events which have led to this situation, to establish whether a given distribution of goods is just or unjust. If the parties have been entitled by a fair and originally justifiable acquisition for what they have, the present distribution can be considered just. Otherwise, rectification and compensation are necessary to ensure a just distribution. By contrast, a time-slice principle focuses merely on the present situation and argues that a just distribution must fulfill some principles of fairness, regardless of any preceding occurrences which have determined how the current situation came about.

An example of historical principle is the *Polluter Pays* or *You Broke It, Now You Fix it* principle. In order to explain this principle, it is necessary to discuss briefly its historical starting points and the main concepts related to the use of resources and the property. According to John Locke's work *Second Treatise on Civil Government*, “the Earth and all that is therein is given to men for the support and comfort of their being” so that the Earth “belongs to mankind in common” (Locke, 1980). Therefore, it is possible to consider the environment, and specifically the atmosphere, as a common good that lets the human life therein and for which humankind is responsible. However, in human society, parts of the Earth and natural resources can become private property. Indeed, the mix between our labour and the land and its products make possible the legitimate appropriation of what is held in common as long as “there is enough and as good left in common for the others” (Locke, 1980). Therefore, people are allowed to acquire resources and parts of the Earth but this acquisition must not violate the same rights by the others and it must not harm people's opportunity to enjoy a common good as the atmosphere. Indeed, the use of a common good cannot be infinitive and careless as the “tragedy of the commons” (Hardin, 1968) clearly demonstrates. Another example by Singer clarifies better the importance of the sustainable usage of an essential good:

⁷ “With increasing evidence of global warming, coastal communities come under threat from rising sea levels, droughts become more frequent leading to food shortages, and diseases, such as malaria and cholera, become more widespread” (Caney, 2005).

“Imagine that we live in a village in which everyone puts their wastes down a giant sink. No one quite knows what happens to the wastes after they go down the sink <...> Some people consume a lot, and so have a lot of waste, while others, with more limited means, have barely any, but the capacity of the sink to dispose of our wastes seems so limitless that no one worries about the difference. As long as the situation continues, it is reasonable to believe that, in putting waste down the sink, we are leaving “enough and as good” for others, because no matter how much we put down it, others can also put as much as they want, without the sink overflowing. <...> If the sink is, or appear to be, of limitless capacity, it would justify allowing everyone to put what they want down the sink <...> Now imagine that conditions change, so that the sink’s capacity to carry away out wastes is used up to the full, and there is already some unpleasant seepage that seems to be the result of the sink’s being used too much. This seepage causes occasional problems. <...> Several respected figures in the village warn that unless usage of the sink is cut down, all the village water supplies will be polluted. At this point, when we continue to throw our usual wastes down the sink we are no longer leaving “enough and as good” for the others, and hence our right to unchecked waste disposal becomes questionable. For the sink belongs to us all in common, and by using it without restriction now, we are depriving others of their right to use the sink in the same way without bringing about results none of us wants. <...> The use of the sink is a limited resource that needs to be shared in some equitable way” (Singer, 2004).

Obviously, this example is a representation of the issues linked to the ecological crisis caused by the pollution. Indeed, the sink can be easily replaced by the atmosphere into which humankind pour its waste gases. As already mentioned, according to scientific evidence, the capacity of the atmosphere to absorb gases without harmful consequences is limited so its use cannot be justified saying that people are leaving “enough and as good” for the others. Thus, atmosphere is a finite common resource and a shortage of such an important resource should push humanity to find a way to allocate equally and justly this ecological asset on which different parties have competing claims. Indeed, in line with unequal usage of resources proved by the Ecological Footprint analysis, the average US citizen uses more than fifteen times as much of the global atmospheric sink as the average Indian (Singer, 2004). It’s clear that humanity is overexploiting the atmospheric capacity to absorb emissions and an unfair distribution of the usage of it persists, and even progressively worsens, since people living in developed countries pollute much more than the poorest ones depriving them of the opportunity to develop along the same path experienced by rich countries. According to Locke’s assumption, this unequal appropriation of a finite resource as atmosphere cannot be justified since the ‘rich’ use the capacity of the global atmospheric sink at the expense of others, and even of themselves, as the negative consequences of pollution are pervasive. Accordingly, people living in the richest countries are averagely the worst polluters and, in compliance to the *Polluter Pays* principle, they must reduce their production of gases and compensate the worst off for using more, over the time, than their fair share of the finite capacity of the atmosphere. Furthermore, according to the same principle, people living in developed nations⁸ must

⁸ Since it is almost impossible to trace back the share of individual responsibility for the pollution, we are obliged to base this evaluation on nation-based research. A measure

rectify and compensate for their past wrongful appropriation of the use of atmosphere on which their current prosperity is based. The other definition of the same principle, *You Broke It, Now You Fix it*, clearly describes an apparently just way humanity must cope with the harm related to the ecological crisis. In fact, “if we believe that people should contribute to fixing something in proportion to their responsibility for breaking it, then the developed nations owe it to the rest of the world to fix the problem with the atmosphere” (Singer, 2004). By the way, even though this argument sounds intuitively just, it hides some limitations. Indeed, regarding the *Polluter Pays* principle, Singer does not give proper importance to the fact that as the community was not aware about the finiteness of the sink, in the same way humankind had not been completely aware about the limit of the atmosphere’s capacity to absorb gases in the past centuries. Moreover, he is approximate in the practical assessment of the individual responsibilities and the related fair compensation.

Caney provides a different interpretation of the *Polluter Pays* principle, underlying its critical points and going to some extent beyond it. In order to efficiently restrict Caney’s argumentation to pursue the aim of this article, the following discussion will focus on two crucial questions of environmental justice to improve the interpretation of the *Polluter Pays* principle: “Who is the polluter?” and “What if someone did not know that performing a certain activity (such as burning fossil fuels) was harmful?” (Caney, 2005).

As for the theoretical aspects related to the *Polluter Pays* principle, Caney makes a distinction between individuals and groups since pollution is caused both by individual and collective actions. Indeed, people pollute as individual and as part of a class. For instance, “If an industrial plant releases a high level of carbon dioxide into the air, we cannot pick out specific individual costs that result from that particular actor and that particular action” (Caney, 2005). According to Caney’s argument, the “macro-version”, which establishes an indirect link between actions of groups and a certain level of pollution, seems to represent a more valid interpretation of *Polluter Pays* principle than the micro-version, which establishes a direct link between agent’s actions and pollution suffered by the others. This is because Caney believes that individual responsibilities for global warming cannot be precisely assessed since it is impossible to “trace specific burdens back to earlier individual acts” (Caney, 2005) but this problem can be solved since the groups’ actions include this increase in individual global warming. However, public policies and actions to tackle pollution and global warming must be directed to both individuals and groups to be more effective.

In response to the first question, Caney identifies the polluters in four categories, each of which are responsible for global warming to different extent: Individuals, economic corporations, States and global and international regimes and institutions (Caney, 2005).

- Individuals pollute as far as they use electricity for heating, cooking, lighting, televisions, and computers and they drive cars and take different kinds of transport

of the world carbon emissions from 1950 to 1986 found out that United States, with about 5 percent of the world’s population at that time, was responsible for 30 percent of the cumulative emissions, whereas India, with 17 percent of the world’s population, was responsible for less than 2 percent of the emissions (Hayes, Smith, 1993).

to travel. For this reason, it is reasonable to argue that everyone should ideally pay for the compensation of his or her share of atmosphere.

- Economic corporations are responsible for global warming to the extent that they produce greenhouse gas emissions consuming fossil fuels and bringing about deforestation. According to the Carbon Majors Report (Griffin, 2017), 100 companies have been responsible for 71% of global industrial emissions and 25 corporate and state-owned entities have accounted for 50% of the world's greenhouse gas emissions since 1988.

- States are considered the main unit of analysis since the bulk of environmental research is carried out at national level or, as for the international and global level, keeping the State as the main agent.

- Global and international regimes and institutions establish patterns of development and make an impact on the relations between individuals, corporations and States. In this way, they affect their decisions and activities which determine the distribution of the usage of the atmosphere and worsen or improve the causes of the ecological crisis.

Concerning the second question, the *Polluter Pays* principle lacks to evaluate the case in which polluters could not have known that certain activities were harmful. However, the advances in science have allowed always more accurate evaluations of the harm created by pollution caused by specific human activities. Therefore, it might be said that this problem is more related to far past pollution than to the recent era. This is the line of Peter Singer who believes that the objection of ignorance is inapplicable for post-1990⁹ emissions since it has been known for a considerable period that fossil-fuel consumption and deforestation cause global climate change (Singer, 2004). According to this view, the greenhouse emission that took place before 1990 should be left unaddressed or attributed to developed countries. Moreover, ignorance may not be considered an excuse in favor of a stricter standard of liability to prevail, as far as developed countries reaped the benefits of their early industrialization. Nevertheless, nowadays, the progress in technology makes certain activities more elaborate and complex to be evaluated and there is still slight uncertainty about the level of danger of some substances. For instance, there is a controversy about the sustainability of electric vehicles since, according to a 2012-Norwegian study (Owano, 2012), their life cycle and electricity fuel produced by fossil-burning factories may make electric cars more harmful than conventional vehicles. The issue of indeterminacy of the dangerousness of specific human activities cannot be underestimated but it can be balanced by the compensation of those activities which are proved to be polluting. However, the problem of greenhouse emissions produced in a time when people were still unaware about their harm for the atmosphere remains unsolved. Thus, Caney maintains that “an unqualified *Polluter Pays* principle is unfair on those people who were high emitters of greenhouse emissions but who were excusably ignorant of the effects of what they were doing” (Caney, 2005). Another counterargument, which can provide a response to this objection, is the supposition that before 1990 there were reasons to suppose that greenhouse gases were harmful so that they should have adopted a cautious approach and their responsibility is linked

⁹ In 1990 the intergovernmental Panel on Climate Change published its first report clearly identifying the hazards associated with emissions (Houghton, et al., 1990; IPCC, 2001).

with their lack of wise foresight. The objection of ignorance can be rejected only accepting that ignorance is not a justification for environmental harmful activities and resting on the cautious principle.

Moreover, Caney points out that even though *Polluter Pays* principle is intuitively just and acceptable in theory, its exact and efficient implementation is questionable in practice. His view of global environmental justice rest on three main arguments: (a) we can only permissibly emit greenhouse gases within a certain range, (b) we must compensate other if we exceed this range, and (c) the most advantaged states have a duty to create global institutions to discourage non-compliance (Caney, 2005). For Caney, polluters must be held accountable and they must be forced to comply. Furthermore, Caney agree with Singer on the fact that different countries must be treated differently since they are differently responsible for climate change. Indeed, poor States are permitted higher emissions than the global rich countries because the least advantaged States must not shoulder the burden of the reparation of the environmental degradation for which they are less responsible.

Beside the *Polluter Pays* principle and Caney's arguments of environmental justice, it is worth to discuss a time-slice principle of egalitarianism by Singer which refers only to the current situation and can enrich the theory of a global environmental justice, that is the egalitarian principle of *an equal share for everyone* (Singer, 2004). Indeed, according to this principle everyone should have equal right to part of the atmospheric capacity to absorb gases and, therefore, none have a greater claim to part of it than the others. To this end, it is necessary to understand what total level of carbon dioxide emissions is acceptable. Considering emissions at the global level, to stabilize them at their present level the allocation per person should be about 3,67 tons per year (Singer, 2004). If we compare the basic equitable entitlement with the actual per capita emissions of key countries it is evident the unfair distribution of the common resource of the atmospheric capacity to absorb emissions. Data from the World Bank show that in 2014 Qatar carbon dioxide emissions were 45,4 per person, United States emissions were 16 tons per person per year, Australia had 15,4 tons per capita and Italy had 5,3 tons per person while Ethiopia, Madagascar, Mali, Niger, Rwanda, South Sudan accounted for 0,1 tons per capita¹⁰. If we have a look to regional emissions per capita, the inequality gets even more evident. North America accounted for 16,4 tons per person, European Union for 6,4 tons per person while South Asia had 1,5 tons per capita and Sub-Saharan Africa 0,8 tons per person. This means that according to the equal distribution of annual carbon dioxide emissions North American and European countries must reduce consistently their emissions to fall within the threshold while South Asian, and even more, Sub-Saharan African countries are allowed to increase their emissions as long as they do not overcome the limit. Therefore, the environmental egalitarian principle seems to represent a just, acceptable principle to cope with the ecological crisis since it provides solid normative ground to elaborate policies and actions to tackle the current unequal distribution of a common resource as the atmospheric capacity to absorb emissions, and it constitutes a valid effort for the stabilization of the carbon emissions.

¹⁰Data from Carbon Dioxide Information Analysis Center, Environmental Sciences Division, Oak Ridge National Laboratory, Tennessee, United States (World Bank, 2014).

Conclusion

Over the past 50 years, humans have changed ecosystems more rapidly and extensively than in any comparable period in human history, largely to meet rapidly growing demands for food, fresh water, timber, fiber, and fuel. This has resulted in a substantial and largely irreversible loss in the diversity of life on Earth (Millennium Ecosystem Assessment Board, 2005). Experts of environmental justice, along with the majority of the scientific community, underline the urgency of a global action to make the Earth's health recover and to ensure the fair distribution of the environmental goods and bads along with people's political inclusion, capabilities and recognition. This article has stressed the point that the ecological crisis can jeopardize the survival of the human species on this planet and, thus, urges to be tackled collectively and to be put at the core of the global political agenda. The current debate on the principles of global environmental justice relies mainly on the work of Peter Singer and Simon Caney, which are considered the pioneers in the field of normative theories of environmental justice, however a comprehensive theory of global environmental justice has not been yet conceived and there are many aspects of the topic not yet explored. This article has tried to tackle one of them, i. e. the justification of a theory of global environmental justice ruling human behaviour in the light of the priority of the obligation to respect the Earth's biological equilibria which, evidence from exact science says, are crucial for the life of the human being on this planet. After the analysis of the historical and anthropological causes of the ecological crisis and the critical assessment of the elements of environmental justice sketched out by the above-mentioned authors, the findings of this article can be summed up in the following three points (all of them drawn on the urgency of a drastic reduction of the human impact on the Earth's health): (a) since anthropocentrism is one of the anthropological reason of the human responsibility for the ecological crisis the *evaluative* and *psycho-behavioural* (of non-anthropocentrism) theses offer an alternative behavioural model which, attributing the appropriate importance to the intrinsic value of natural non-human things, can make humankind cope with the ecological crisis; (b) any conceptions of environmental justice ought to rest on the solid assumption that the global distribution of resources, such as the atmosphere, and the related burdens and benefits, ought to be established within the ecological limits drawn by the hard sciences; (c) a comprehensive theory of global environmental justice ought to combine the equal and sustainable distribution of the scarce ecological assets (*an equal share for everyone*) the with fair compensation for past unequal use of them (*polluter pays principle*) taking into consideration the practical feasibility of the normative principles outlined.

These elements of a theory of global environmental justice can help to envision political recommendations and to conceive sustainable patterns of behaviour and development to cope with the most relevant issues related to the environmental degradation. Accordingly, further investigations ought to be directed toward the assessment of the benefit and burden related to the distribution of the ecological assets, such as the atmosphere, in relation to the biological limits which humankind must not overcome. Another line of research is represented by the analysis of the best practical application of the normative principles of global environmental justice and their potential to resolve the ecological crisis. Moreover, the points sketched out by this article and, more generally, the debate on a theory of global environmental justice, can

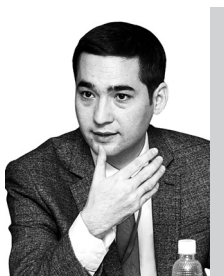
also help to raise awareness about this crucial issue and inspire virtuous individual attitudes and actions which can foster the recovering of Earth's health. In fact, even though regions in the world differ in endowments availability and natural resources management, and each culture has its own approach toward the environment, the harm generated by the ecological crisis affects the whole humanity. The gravity of this crucial issue has been widely underlined by the studies coming from hard sciences, now it is the time for social scientists from all over the world to learn from these lessons and develop and foster social pattern of sustainable behaviour along with clear normative norms of environmental justice.

References

1. Brennan, A., Lo, Y. (2015). *Pathologies of Environmental Crisis – Theories and Empirical Research*. Stanford Encyclopedia of Philosophy.
2. Caney, P. (2005). Cosmopolitan Justice, Responsibility, and Global Climate Change. *Leiden Journal of International Law*, 18(4), 747–775.
3. Earth Overshoot Day. (2020). *Past Earth Overshoot Days*. Retrieved October 15, 2020, from <http://www.overshootday.org/>
4. Fraser, N., & Honneth, A. (2003). *Redistribution Or Recognition? A Political-philosophical Exchange*. New York: Verso.
5. Griffin, P. (2017). *Carbon Major Reports*. London: Carbon Disclosure Project. Retrieved November 4, 2020, from <https://b8f65cb373b1b7b15feb-c70d8ead6ced550b4d987d7c03fcdd1d.ssl.cf3.rackcdn.com/cms/reports/documents/000/002/327/original/Carbon-Majors-Report-2017.pdf?1499691240>
6. Hardin, G. (1968). The tragedy of the commons. *Science*, 162(3859).
7. Hayes, P., & Smith, K. (Eds.). (1993). *The Global Greenhouse Regime: Who Pays?* United Nations University Press. Retrieved November 7, 2020, from <http://archive.unu.edu/unupress/unupbooks/80836e/80836E00.htm>
8. Houghton, J.T., Jenkins, G.J., & Ephraums, J.J. (Eds.). (1990). *Scientific Assessment of Climate Change – Report of Working Group I*. Cambridge University Press.
9. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2007). *Climate Change 2007: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge University Press.
10. Locke, J. (1980). *Second Treatise on Civil Government*. C.B. Macpherson (Ed.). Indianapolis: Hackett.
11. Meadows, D.H., Meadows, D.L., & Randers, J. (2004). *Limits to growth: The 30-year update*. Chelsea Green Publishing.
12. Meadows, D.H., Meadows, D.L., Randers, J., & Behrens, W. (1972). *The limits to growth*. New York: Universe books.
13. Millennium Ecosystem Assessment Board. (2005). *Ecosystems and Human Well-being: Synthesis*. Island Press. Washington DC: Island Press.
14. Moncrief, L.W. (1970). The cultural basis for our environmental crisis. *Science*, 170(3957), 508–512.
15. Nozick, R. (1984). *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Books.

16. Nussbaum, M. (2011). *Creating Capabilities*. Cambridge: Harvard University Press, Cambridge (US).
17. Owano, N. (2012). *When green turns toxic: Norwegians study Electric Vehicle life cycle*. Retrieved November 8, 2020, from <https://phys.org/news/2012-10-green-toxic-norwegians-electricvehicle.html>
18. Schlosberg, D. (2007). *Defining Environmental Justice: Theories, Movements, and Nature*. New York: Oxford University Press.
19. Schwartz, P., & Randall, D. (2003). *An Abrupt Climate Change Scenario and Its Implications for United States*. Global Business Network.
20. Sen, A. (1984). *Resources, Values and Development*, Cambridge: Harvard University Press.
21. Shrader-Frechette, K. (2002). *Environmental Justice: Creating Equality, Reclaiming Democracy*. Oxford: Oxford University Press.
22. Simpson, J., & Speake, J. (2008). *The Oxford Dictionary of Proverbs* (5th ed.). Oxford: Oxford University Press.
23. Singer, P. (2004). *One World, The ethics of globalization*. New Haven: Yale University Press.
24. Smith, A. (1776). *The wealth of Nations*. London: W. Strahan and T. Cadell.
25. Taylor, C. (1992), The Politics of Recognition. In A. Gutmann (Ed.), *Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press.
26. The Editors of Encyclopaedia Britannica. (2018). Austrian School of economics. Retrieved October 27, 2020, from <https://www.britannica.com/topic/Austrian-school-of-economics>
27. White, L. (1967). The historical roots of our Ecological Crisis. *Science*, 155(3767), 1203–1207.
28. World Bank. (2014). *CO2 emissions (metric tons per capita)*. Retrieved November 8, 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC>
29. Young, I.M. (1990). *Justice and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press.

ВНЕШНЯЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ТАДЖИКИСТАНА КАК ДВУХУРОВНЕВЫЙ РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ»*

Ризоён Шерали Шукруллозода,

Национальная Академия наук Республики Таджикистан,
кандидат политических наук,
докторант Института философии, политологии и права,
Душанбе, Таджикистан,
ORCID: 0000-0002-8910-1240,
E-mail: sherali.rizoyon@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.09.2020, принята к публикации 02.12.2020

Для цитирования: Ризоён Ш.Ш. Внешняя образовательная миграция молодежи Таджикистана как двухуровневый ресурс «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 158-175. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-158-175

Аннотация

Статья посвящена вопросам прикладного анализа внешней образовательной миграции таджикостанской молодежи в современных условиях как ресурса «мягкой силы» страны пребывания, так и Таджикистана. С одной стороны, утверждается, что сегодня привлечение иностранных студентов многими государствами рассматривается как инструмент укрепления «мягкой силы». С другой стороны, эти студенты являются носителями своей культуры, поэтому проживание и учеба молодежи Таджикистана за рубежом выступает возможностью для презентации культурно-гуманитарных особенностей страны. По возвращении на родину молодежь будет влиять на специфику формирования человеческого потенциала, политической культуры и в обозримом будущем – политической элиты, и их опыт обучения и пре-

* Автор выражает благодарность д. ф. н., профессору О. Зохилову, к. п. н., доценту Х. Сафарализоде, к. п. н. Б. Бахриеву за их ценные рекомендации и предложения в процессе доработки статьи.

© Ризоён Ш.Ш., 2021

бывания в зарубежном государстве, безусловно, будет влиять на их предпочтения и модели расширения внешних отношений.

Автор на основе проведенного полевого и онлайн-исследования среди молодежи в Таджикистане и за рубежом выдвигает ряд тезисов об этапах внешней миграции, в том числе молодежи, положительных и отрицательных моментах этой тенденции. Предпринята попытка комплексного анализа внешней образовательной миграции молодежи на данном этапе и возможной тенденции развития ситуации в среднесрочной перспективе. Новизна исследования заключается в том, что основное внимание уделено ранее не рассматривавшемуся фактору внешней образовательной миграции молодежи как двухуровневому ресурсу «мягкой силы» – как для принимающих государств, так и для Таджикистана.

В заключительном разделе на основе проведенного анализа отмечается, что внешняя образовательная миграция составляет 10% от общей молодежной миграции, и в среднесрочной перспективе ожидается ее увеличение из-за доступности государственных квот и стипендиальных программ зарубежных стран. Получение высшего образования за рубежом сохраняет свою позицию как один из основных мотивов и драйверов молодежной миграции. Участие молодежи в сообществах, созданных на основе землячества, на территории России и других стран позволяет расширить возможности публичной дипломатии Таджикистана.

Ключевые слова:

миграция, образовательная миграция, «мягкая сила» Таджикистана, публичная дипломатия, культура, ценности.

UDC 327+325.1

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-158-175

FOREIGN EDUCATION OF TAJIK YOUTH AS A TWO-WAY RESOURCE OF SOFT POWER

Sherali Sh. Rizoyon,

National Academy of Sciences of Tajikistan,
Candidate of Political Sciences,
Postdoctoral researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Law,
Dushanbe, Tajikistan,
ORCID: 0000-0002-8910-1240,
E-mail: sherali.rizoyon@gmail.com

Article received on September 26, 2020, accepted on December 2, 2020

To cite this article: Rizoyon, Sh.Sh. (2021). Vneshnyaya obrazovatel'naya migratsiya molodezhi Tadjikistana kak dvuxurovnevyy resurs "myagkoj sily" [Foreign education of Tajik youth as a two-way resource of soft power]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 158–175. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-158-175

Abstract

The article analyzes Tajik youth studying abroad as a component of soft power for both the host country and Tajikistan. On one hand, it is argued that today, the attraction of foreign students by many states is seen as a tool to strengthen their soft power. On the other hand, since students are bearers of their culture, living and studying abroad serves as an opportunity to present the cultural and humanitarian characteristics of the students' native country. Upon returning home, their experience studying abroad will certainly affect their preferences, views, outlooks, including models for expanding external relations.

Based on field and online research on young people in Tajikistan and abroad, the author puts forward a number of theses on the stages of external migration, including the positive and negative aspects of this trend. An attempt is made to comprehensively analyze the external educational migration of young people at this stage, and forecast a possible trend in the development of the situation in the medium term. The novelty of the study lies in it centering attention on the factor of external educational migration as a two-level resource of soft power both for host states and for Tajikistan, which has not been previously considered.

Based on the analysis, the final section notes that external educational accounts for 10% of total youth migration, and in the medium term it is expected to rise due to the increase of state quotas and scholarship programs. Competition for lucrative professional positions is one of the main motives and drivers of youth migration. The participation of youth in communities in Russia and other countries allows for the expansion of the possibilities of Tajik public diplomacy.

Keywords:

migration, educational migration, soft power of Tajikistan, public diplomacy, culture, values.

Введение

Феномен «мягкой силы» в современных международных отношениях изучается со стороны исследователей различных дисциплин, и в большей степени носит междисциплинарный характер. От классического понимания «мягкой силы» до новейших интерпретаций данного концепта изменилось многое, и с этим связана многогранность и многоуровневость объекта исследования. Анализ литературы по данной тематике показывает, что сегодня «мягкая сила» используется всеми государствами для формирования своего имиджа и усиления влияния на общественное сознание других стран. В определении источников мягкой силы Джозеф Най (2014) пишет: «Мягкая сила страны прочно зиждется на трех основных источниках: *ее культуре* (в местах, где она привлекательна для других), *ее политических ценностях* (когда сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами) и *ее внешней политике* (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)» (с. 152–153). Таким образом, пропаганда культуры и образа жизни (также – вкуса и мировоззрения) через демонстрацию положительных примеров политических цен-

ностей в конечном итоге способствует эффективной реализации целей и задач внешней политики.

Концепция «мягкой силы» (в последующих разработках «умной силы»), начиная с конца 90-х годов XX века, предоставляет практические инструменты для реализации национальных интересов. Для наращивания своего геополитического влияния на различные страны мира акторы международных отношений применяют концептуально-обоснованные инструменты «мягкой силы». Сегодня «мягкая сила» реализуются со стороны целого ряда государственных институтов и неправительственных организаций с целью формирования и укрепления необходимого общественного мнения, которое создает платформу для будущих геополитических и мировоззренческих действий/противодействий.

В статье рассматриваются основные элементы внешней образовательной миграции молодежи Таджикистана, которые в совокупности показывают потенциал принимающего государства, а проживание и учеба таджикстанской молодежи за рубежом в свою очередь выступает возможностью для презентации культурно-гуманитарных особенностей Таджикистана. Основой для такого вывода являются:

Во-первых, как показывает практика, значительная часть молодежи Таджикистана, которая обучается за рубежом, является выходцами из семей со средним достатком. Можно заключить, что эта категория граждан уже сегодня влияет на специфику формирования среднего класса в Таджикистане, и в будущем ее влияние будет усиливаться.

Во-вторых, как отмечено в отчете по результатам исследования на тему «Учебная миграция молодежи Таджикистана: проблемы и перспективы», представители таджикстанской молодежи, получившие образование за рубежом, являются детьми политической, творческой, научной и бизнес-элиты страны, что так же важно как для принимающих стран, так и для Таджикистана в потенциальной оценке влияния «мягкой силы» зарубежного государства (Касымова, 2017, с. 9).

В-третьих, в период Советского Союза и в первые годы независимости политическая элита Таджикистана формировалась из числа лиц, которые обучались в центральных вузах на территории России и Украины. Сегодня таджикстанская молодежь, наряду с постсоветскими странами, обучается практически во всех развитых странах мира, что может в ближайшем будущем повлиять на специфику формирования политической элиты.

В статье использованы данные полевых и онлайн-исследований, проводимых нами в городах Таджикистана (Душанбе, Бохтар, Хорог, Худжанд и Рашт) с 17 июня по 5 августа 2019 года¹. Работа осуществлялась в рамках межрегионального проекта, в котором впервые объектом комплексного анализа стала внешняя молодежная миграция из стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана,

¹ Нами были использованы как качественные методы исследования (экспертные интервью, интервью с молодежью, имеющей опыт образовательной и трудовой миграции, с теми, кто намеревается мигрировать, а также фокус-групповые дискуссии в Душанбе, Бохтаре, Худжанде, Хороге и Раште), так и количественные методы (онлайн-опрос молодежи из Таджикистана, находящейся за рубежом). Х. Сафарализоде, к. п. н. Б. Бахриеву за их ценные рекомендации и предложения в процессе доработки статьи.

Таджикистана и Узбекистана (Внешняя молодежная миграция ..., 2019). Данное исследование выполнялось при поддержке миссии Международной организации по миграции (МОМ) в Казахстане – Субрегионального координационного офиса по Центральной Азии.

Согласно результатам исследования, основными факторами и мотивами молодежной миграции из Таджикистана выступают:

1) *социально-экономический фактор*, связанный с отсутствием востребованных рабочих мест внутри страны в целом и по отдельно взятым профессиям, а также – наличие рабочих мест при фактически минимальной оплате труда;

2) привлекательность получения качественного *высшего профессионального и специального образования* за рубежом;

3) *все возрастающий эффект глобализации*, связанный с ростом мобильности, с желанием молодых людей путешествовать, ездить в разные страны, испытывать собственные возможности в приобретении новых знаний, навыков, опыта межкультурной коммуникации.

Исследование показало, что основными странами, куда направляются потоки молодежной миграции из Таджикистана, являются Китай, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Украина. Растёт также количество таджикских студентов в США, Германии, Польше, Чехии, странах Южной и Юго-Восточной Азии.

Образование как инструмент «мягкой силы»: степень изученности проблемы

До недавнего времени процесс образовательного (академического) и культурного обмена между Таджикистаном и другими странами в научной литературе, как правило, рассматривался без использования понятия «мягкая сила», хотя, безусловно, существуют работы, в которых исследуются основные направления, особенности и характеристики данного обмена (Пирназарова, 2013; Абдусаматов, Баянова, 2018 и др.). Вместе с тем все возрастающий объем работ в области изучения разнообразных видов и инструментов «мягкой силы» (soft power) заставляет специально обратиться к изучению межстранового образовательного обмена с позиции концепта soft power.

Так, например, академик РАН А.В. Торкунов подчеркивает, что «предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. В студенческие годы у молодых людей формируются мировоззренческие ценности и взгляды. Творчески мыслящие и любознательные студенты из других стран в ходе своего обучения активно изучают язык принимающей страны и с искренним интересом знакомятся с достижениями науки и культуры» (2012, с. 86).

Предоставление высшего образования иностранным студентам является показателем успешности «мягкой силы» принимающей стороны. Это также даёт возможность иностранному обучающемуся раскрыть свой собственный культурный и образовательный потенциал, продемонстрировать черты своей культурно-национальной специфики. Профессор М.М. Лебедева отмечает, что «предоставление образовательных услуг иностранным студентам – один из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. Причем, это особого рода «мягкая сила». Образование наряду с наукой и культурой, пожалуй, в наи-

большей степени предполагает не только воздействие, но и взаимодействие, диалог» (2009, с. 201).

Фактор образования как ресурс и инструмент «мягкой силы» является сегодня объектом исследования множества научных работ, в которых рассматриваются сотрудничество государств в области образования, потенциал образовательных программ, проблемы образования как инструмента публичной дипломатии. Образование как внешнеполитический ресурс «мягкой силы» исследуется в коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (Русакова, 2015, с. 29–31, 46–51, 291–294), в работах О.Ф. Русаковой и Д.М. Ковбы (2016, с. 116; 2019, с. 43), И.И. Богута и А.И. Сорокина (2015), И.Г. Актамова и Т.Б. Бадмацыренова (2019), Д.С. Плотникова (2016), В.С. Батурина (2017), Е.А. Антюховой (2019). Образовательная миграция как возможность для продвижения «мягкой силы» и наращивания привлекательности государства анализируется в работах П.И. Касаткина, И.М. Хрусталева, В.А. Аваткова (2012), В.А. Франц (2017), О.Т. Ергуновой (2018), С.Ф. Назаршоевой (2018) и др.

В целом, привлечение иностранных студентов в образовательные учреждения страны рассматривается в качестве важного показателя развитости «мягкой силы» государства, а образовательная миграция – как условие реализации взаимного культурного обогащения.

Гипотезой настоящей статьи является тезис о том, что внешнюю образовательную миграцию молодежи из Республики Таджикистан можно представить в виде двухуровневого ресурса «мягкой силы». С одной стороны, принимающие страны, предоставляя условия для обучения иностранной молодежи, стремятся реализовать собственный образовательный ресурс «мягкой силы». С другой стороны, у молодежи, прибывшей из Таджикистана на обучение, появляется возможность освоить современные знания и навыки, которые невозможно получить в своей стране, в результате чего она выступает в качестве проводника межгосударственного культурно-образовательного обмена, носителем транснациональной системы ценностей. По возвращению на родину молодежь, получившая зарубежное образование, обретает преимущества в деле карьерного роста, в повышении собственной социальной статусности. Это, безусловно, оказывает влияние на качественное развитие человеческого потенциала страны-отправителя.

Внешняя миграция из Таджикистана: краткий анализ основных этапов

Анализ специфики внешней молодежной миграции показывает, что данный процесс противоречиво влияет на общую ситуацию в Таджикистане, формирует разнонаправленные тренды социально-экономического, культурно-гуманитарного и политико-мировоззренческого характера. В условиях Таджикистана молодежная миграция способствует появлению новых возможностей для развития, а также генерирует риски и вызовы для стабильного развития общества и государства.

Позитивное и негативное влияние молодежной миграции на различные сферы жизнедеятельности наблюдается во всех охваченных исследованием регионах Таджикистана. Наиболее серьезное последствие молодежной миграции

ции – это отток специалистов в зарубежные страны, т. е. «утечка мозгов», когда часть молодежи для реализации своих возможностей предпочитает эмиграцию. Такая склонность молодежи формируется уже в старших классах школы. Согласно результатам исследования Ф. Т. Хонходжаева, более 74 % опрошенных из числа студентов, обучающихся в разных странах, «по завершении учебы либо остаются в стране прибытия, либо планируют эмигрировать за рубеж» (2019, с. 84). Данная тенденция является серьезным вызовом процессу наращивания интеллектуального потенциала Таджикистана.

Анализ ситуации в Таджикистане показывает, что за годы независимости страна пережила 4 волны миграции, в том числе – молодежной.

Первая волна миграции – 1991–1997 гг. В условиях гражданской войны (1992–1997 гг.) наблюдался сильный отток специалистов; большое количество беженцев из Таджикистана находилось в странах СНГ, в Афганистане, Иране и других государствах. В первые годы независимости страна потеряла значительную часть подготовленных специалистов – инженеров, медиков, ученых, представителей научно-технической интеллигенции. В основном это были русские и русскоязычные специалисты, которые выехали в разные страны, но основным вектором миграции была Россия. Другим негативным моментом данной волны можно назвать молодых беженцев, которые в 90-е годы проходили обучение в религиозных медресе Афганистана и Пакистана, и после 2010 года превратились в активистов запрещенных экстремистских организаций, а также – в комбатантов террористической организации «Исламское государство»².

Вторая волна миграции – период постконфликтного миростроительства в Таджикистане (1998–2006 гг.). В условиях отсутствия работы и возможности реализации собственных возможностей многие граждане Таджикистана стали пополнять ряды трудовой миграции. В большей степени трудовые мигранты ориентировались на сезонную работу, в меньшей – на получение гражданства и ПМЖ. Особенность второй волны заключается в том, что уезжать начало автохтонное население. Также возрос отток квалифицированных специалистов из страны, т. е. началась усиливаться «утечка мозгов».

Третью волну можно обозначить как миграцию семей и омоложения миграции (2007–2013 гг.). Следует отметить, что в этот период увеличилось количество граждан Таджикистана, которые начали приобретать российское гражданство. Мигранты начали выезжать с семьями на ПМЖ, в основном в РФ, возросла женская миграция. Подталкивающим фактором здесь прежде всего выступала социально-экономическая ситуация в Таджикистане и возможность зарабатывать и улучшать условия жизни как внутри страны, так и за рубежом. В этот период значительно возрос объем денежных переводов трудовых мигрантов, что существенно повлияло на улучшение уровня жизни в самом Таджикистане. Другой особенностью данного периода можно назвать «политизацию» миграции, т. е. использование этого фактора для политического давления на Таджикистан. Третью волну можно также обозначить как начало роста миграции молодежи в страны Запада посредством участия её в американской программе «Work and Travel» и стипендиальной программе DAAD (Германская служба академического об-

² Деятельность организации запрещена на территории России.

мена). В этот период заметно возросло количество молодежи Таджикистана, обучающейся в вузах стран СНГ и других зарубежных держав.

Четвёртая волна миграции молодежи начинается с 2014 года и продолжается по настоящее время. Она приобретает разновекторный характер. Существенным фактором, повлиявшим на переформатирование молодежной миграции (трудовой и образовательной), стал экономический кризис в России, возникший после событий на Украине и объявления экономических санкций. Миграционные векторы диверсифицировались: кроме России, молодёжь Таджикистана стала более активно уезжать на работу и учебу в Корею, ОАЭ, Турцию и другие страны с перспективой остаться на ПМЖ. В этот период заметно увеличился интерес граждан Таджикистана, в том числе молодежи, к российской «Государственной программе переселения соотечественников» и лотерее «Грин-кард» США.

Острой проблемой данного периода можно назвать рост привлечения трудовых мигрантов в экстремистские и террористические организации, пик которого наблюдался в 2014–2016 годах. По сообщению официальных структур Таджикистана и результатам проведенных исследований, более 90 % привлеченных в ряды ДАИШ³ граждан были завербованы в условиях миграции.

Основные показатели внешней образовательной миграции молодежи Таджикистана

Согласно статистическим данным, приведенных в документе «О количестве граждан Республики Таджикистан, направленных Министерством образования и науки Республики Таджикистан для обучения в высших и научных учебных заведениях зарубежных государств за счет образовательных квот и продолжающих свое обучение», в 2014–2018 гг. среди принимающих стран по количеству принятых студентов лидирует Россия – 17081 чел. (81,1 %), далее следуют: Китай – 1520 чел. (7,2 %); Казахстан – 703 чел. (3,4 %); Киргизия – 459 чел. (2,2 %); Беларусь – 236 чел. (1,1 %); Малайзия – 110 чел. (0,52 %); США – 110 чел. (0,52 %); Турция – 88 чел. (0,42 %); страны Прибалтики – 88 чел. (0,42 %); Украина – 83 чел. (0,4 %); Япония – 68 чел. (0,32 %); Германия – 67 чел. (0,32 %); Польша – 63 чел. (0,3 %); Индонезия – 59 чел. (0,28 %); Саудовская Аравия – 59 чел. (0,28 %); Турецкая Республика Северный Кипр – 57 чел. (0,27 %) (Сборник статистики ..., 2019, с. 215). Кроме того, студенты из Таджикистана обучаются также в Иране, Индии, Туркменистане, Южной Корее, Чехии, Кувейте, Австрии и Азербайджане.

Студенты из Таджикистана обучаются в основном в странах СНГ (88,9 %), остальные 11,2 % обучаются в других странах мира. Согласно сообщению Нуриддина Саида, бывшего министра образования и науки Таджикистана, до 19 июля 2019 года 30 тыс. представителей молодежи обучались в зарубежных странах, из них 90 % на бюджетной основе. В рамках двусторонних договорённостей, в российских вузах обучалась 21 тыс. таджикских студентов (Внешняя молодежная миграция ..., 2019, с. 17).

³ Организация запрещена в Российской Федерации.

Однако существующая статистика не позволяет определить точное количество таджикских студентов, обучающихся за рубежом. В процессе проведения исследования было выявлено, что часть таджикских студентов обучается за счет своих личных средств или международных стипендий, и их количество в различных странах мира, в том числе в СНГ, может составлять на порядок выше отмеченного в статистике. Приоритетными направлениями образовательной миграции из Таджикистана является поступление в вузы России и других стран СНГ, а также – в вузы Китая. Относительно выбора специальности доминируют медицина, юридические и экономические науки.

Отметим также, что в среднесрочной перспективе ожидается увеличение образовательной миграции молодежи Таджикистана, и этот вывод основан на следующих моментах:

Во-первых, сегодня, в отличие от 2000-х годов, поступление в зарубежные вузы не является чем-то недостижимым, так как иностранные государства предоставляют гранты и стипендии. Например, региональные вузы Российской Федерации в административных центрах областей Таджикистана экзаменуют выпускников школ, которые могут стать студентами. Другая часть образовательных квот выделяется посредством Россотрудничества. Таким образом, ожидается, что в среднесрочной перспективе количество студентов из Таджикистана в вузах России будет возрастать. Учеба в России привлекает еще тем, что после получения диплома можно получить российское гражданство в упрощённой форме.

Во-вторых, как в России, так и в других странах мира растет количество граждан Таджикистана, которые уехали на ПМЖ. Сегодня, к примеру, в США их проживает от 15 до 20 тыс. (Центральноазиаты в США ..., 2017). Анализ социальных сетей показывает, что в западные страны мигрирует в основном успешная и образованная молодёжь, которая достигла определенных успехов в Таджикистане. Граждане Таджикистана, проживающие в странах Запада, своими достижениями формируют благоприятный фон для дальнейшей миграции молодежи. Вот почему значительная часть образованной молодежи (согласно результатам глубинных интервью, проведенных автором статьи в 2017 и 2019 гг.) намеревается уехать в западные страны для получения образования и работы с перспективой остаться там на ПМЖ.

В-третьих, учеба за рубежом открывает широкие возможности для самореализации. Опрошенная нами молодежь, имеющая опыт образовательной миграции, отмечала, что на родине она не может реализовать свой научно-исследовательский потенциал. Однако само государство заинтересовано в повышении человеческого потенциала, поскольку, проживая в различных странах, выходцы из Таджикистана помогают своим близким, прежде всего денежными переводами.

Воздействие внешней миграции на внутреннее положение в Республике Таджикистан

Сложившаяся ситуация в образовательной внешней миграции имеет для развития Таджикистана как негативные, так и положительные последствия. Она формирует противоречивые тренды, один из которых связан с возникновением определенных рисков и негативных моментов:

1. Снижение общего качественного уровня высшего образования. Анализ показывает, что значительная часть образованных и подготовленных выпускников школ поступают в зарубежные вузы. В отечественные вузы поступает менее подготовленная молодежь, и существует вероятность того, что постепенно уровень образования будет падать.

2. Нехватка опытных специалистов. Квалифицированные специалисты всё чаще не возвращаются на Родину, от чего могут пострадать различные сферы жизнедеятельности общества.

3. Рост миграционных настроений среди молодежи. Увеличение количества «образовательных» мигрантов и их «истории успеха» в странах пребывания может подтолкнуть их родственников – родителей и подростков – к подготовке собственной миграции с перспективой остаться за рубежом.

В целом предполагается, что Таджикистан в среднесрочной перспективе может столкнуться с наращиванием по отношению к себе «мягкосиловых» воздействий со стороны принимающих его граждан государств, что не может не оказать существенное влияние на внутренние общественные процессы в стране, на политико-мировоззренческие предпочтения граждан.

Другой тренд – позитивный. Он связан с наличием положительных эффектов воздействия внешней образовательной миграции на экономическое положение Таджикистана. К ним мы относим следующие факторы:

1. *Получение новых и современных квалификаций.* Положительным моментом воздействия молодежной миграции на экономическую ситуацию Таджикистана является то, что значительная часть молодых людей обучается новым специальностям, что позволяет им сегодня и в будущем стать конкурентоспособными на внутреннем рынке труда. Однако следует отметить, что сегодня из-за существующих проблем в экономике часть выпускников по возвращении в Таджикистан не могут найти себе достойную работу по специальности.

2. *Улучшение качества человеческого капитала.* Образовательная миграция позитивно влияет на качество человеческого потенциала и на технологическое развитие страны. Все, что касается развития и новшеств, а также использования новых технологий, в страну идет через мигрантов. Люди становятся рассудительными, анализируют и сравнивают, а также расширяют свой кругозор. Их дети учатся в лучших образовательных учреждениях в сравнении со школами Таджикистана и заметно отличаются от своих сверстников, которые обучаются и проживают в стране. У них высокие шансы поступить в лучшие университеты и получить современные знания и профессии. Часть студентов живет в общежитиях, они знакомятся с жителями разных регионов мира, изучают их язык и культуру, а также презентуют таджикскую культуру, кухню, национальные обычаи, что способствует развитию у них навыков межкультурной коммуникации.

3. *Инвестирование и создание рабочих мест.* Молодежь по возвращении на родину часто занимается созданием малых предприятий и рабочих мест. Благодаря денежным переводам мигрантов заметно улучшаются условия жизни в стране. Финансовая помощь мигрантов также используется для получения образования. Результаты онлайн-опроса показали, что 66,7% молодежи помогают своим близким и родственникам, которые проживают в Таджикистане. Также значительная часть молодежи, ожидает, что обучаясь за рубежом, она сможет

достигнуть успеха. Из опрошенных студентов 75 % считают, что они уже добились успеха, находятся на пути к успеху – 7,1 % (диаграмма 1).

Диаграмма 1 – В чём достигли успеха в условиях миграции?

При ответе на вопрос, в чем молодежь Таджикистана достигла успеха в условиях миграции, были получены следующие результаты: 21,2% – в получении качественного образования или повышении квалификации; 20,5% – в обретении финансовой независимости и устойчивости; 14,1% – в достижении карьерного роста; 9,6% – интеграция в зарубежную среду; 7,7% – в свободе самовыражения; 3,8% – защита диссертации; 1,9% – получение зарубежного гражданства, в возможности дать своим детям качественное образование. При этом у 9% ожидания не оправдались, а 3,2% испытали кризис идентичности.

В целом ориентация на образовательную миграцию занимает важное место в жизненных планах молодежи Таджикистана. Из числа участников онлайн-опроса 49% отметили, что получение образования является главной целью выезда из страны.

Оценка внешней образовательной миграция молодежи как двухуровневого ресурса «мягкой силы»

Таджикистан от внешней образовательной миграции молодежи приобретает большую выгоду, и диверсификация центров и направлений получения образования молодежи за рубежом имеет особую важность. При правильном своем использовании данная диверсификация может выступить в роли сдерживающего фактора, предотвращающего доминирование какого-то одного миграционного образовательного направления над другими. В качестве ресурса «мягкой силы» образовательная миграция таджикостанской молодежи является привлекательной как для принимающей зарубежной страны, так и для страны-отправителя. Выделим далее моменты, связанные, с одной стороны, с влиянием «мягкой силы» принимающей стороны на получающую зарубежное образование таджикскую молодежь, а, с другой, – «мягкую силу», связанную с ростом влияния самих носителей образовательной миграции на страну-отправителя. Такой двойкий ракурс позволяет говорить о двухуровневом характере внешней образовательной миграции молодежи как ресурсе «мягкой силы».

Выделим далее ряд моментов, свидетельствующих о позитивных сторонах обучения иностранных студентов за рубежом. К ним мы относим:

1. *Формирование позитивного образа государства пребывания.* Исследования показывают, что уже сегодня сформировался положительный образ основных стран, где обучаются граждане Таджикистана, данный тезис был отмечен и нашими респондентами.

2. *Влияние культуры и ценностей государства пребывания.* В процессе образовательной миграции у молодежи меняются культурные и ценностные предпочтения. Данный момент отметило абсолютное большинство респондентов. Молодежь становится носителем ценностей тех стран, где получила образование. Также меняются её предпочтения применительно к кухне, образу жизни, правилам поведения в обществе. Приобретенный в процессе обучения за рубежом новый опыт коммуникации и ценностных установок является тем значимым человеческим капиталом, которым измеряется уровень воздействия «мягкой силы» принимающих государств.

3. *Позитивный образ государственного устройства и предоставления государственных услуг.* Молодежь склонна анализировать и сравнивать государственное устройство и государственные услуги страны пребывания с Таджикистаном. Наши респонденты отметили, что постепенное внедрение новых технологий в предоставлении государственных услуг создает определённые возможности для снижения уровня коррупции, повышения качества образования, научных исследований, медицинских услуг, и в целом ведет к повышению эффективности управления государством. Данные представления способны дать позитивный результат при перенесении зарубежного опыта в жизнь собственной страны. Ярким тому примером можно считать опыт Абдулло Курбонова, соучредителя «Алиф Банка», который создал со своими единомышленниками, получившими образование в западных странах, финансовую организацию, которая стала пионером по внедрению новых качественных услуг в Таджикистане.

4. *Поддержка и лояльность политики и стратегии страны в информационном пространстве.* Анализ социальных сетей, в особенности Facebook, показывает, что в период острых глобальных дискуссий молодежь активно поддерживает политику государств, где она получила образование. Так, к примеру, значительная часть представителей таджикской молодежи имеет пророссийскую ориентацию, другие поддерживают действия западных стран. Также особую активность продемонстрировали выпускники турецких лицеев, когда встал вопрос о непродлении соглашения между администрацией лицеев и правительством Таджикистана.

Все вышеперечисленные моменты доказывают, что страны, которые принимают таджикстанскую молодежь, смогли добиться определенного успеха в реализации собственных инструментов и технологий «мягкого» влияния.

Значение развития образовательной миграции для Таджикистана

В годы независимости в Таджикистане из-за гражданской войны и других проблем сформировавшийся в информационном пространстве постсоветских государств образ страны и ее народа нельзя назвать позитивным. Соседство с Афганистаном, наркотрафик, проблемы экстремизма и терроризма также поспособствовали формированию противоречивого имиджа Таджикистана в других странах. Поэтому образовательная миграция молодежи выступает

важным фактором позиционирования Таджикистана на внешнеполитической арене в качестве независимого и персоязычного государства. В этом контексте отметим моменты, позволяющие говорить о позитивном влиянии образовательной миграции молодежи на имидж Таджикистана в целом (рассмотрение зарубежного образования в качестве «мягкой силы», оказывающей влияние на страну-отправителя). К ним мы относим:

1. *Накопление и обогащение человеческого капитала.* Как отмечает в своем исследовании С. Касымова (2017, с. 15), молодежь Таджикистана, обучившаяся за рубежом, обладает высоким уровнем профессионального образования: наличие 2–3 дипломов о высшем образовании; каждый десятый выпускник имеет научную степень доктора наук (PhD). При возвращении на родину данная категория молодежи может серьёзно повлиять на политико-экономические процессы в стране. Таджикистану следует изучить опыт Узбекистана по использованию специалистов, обучившихся за рубежом, и разработать специальную программу по возвращению и достойному трудоустройству выпускников зарубежных вузов. Формирование и наращивание подобного капитала имеет значение для развития всех сфер жизнедеятельности страны.

2. *Формирование позитивного образа таджиков и Таджикистана за рубежом.* Данный элемент является одним из больших плюсов образовательной миграции молодежи. К сожалению, не все студенты из Таджикистана завершают учебу в зарубежных авторитетных вузах, но те, которые успешно обучаются, выступают в качестве достойных представителей страны. Для консолидации данного ресурса при Комитете по делам молодежи и спорта при Правительстве Республики Таджикистан с 2014 года функционирует «Клуб таджикской молодёжи, обучающейся за рубежом», который сегодня имеет свои представительства в 16-ти странах мира и 25-ти регионах России (В Согде прошёл V Съезд ..., 2019). Основными задачами клуба являются объединение таджикостанской молодежи, обучающейся за рубежом, и формирование благоприятного образа современного Таджикистана.

3. *Представление национальных особенностей.* В рамках сообществ, где живут студенты и аспиранты из Таджикистана, ведётся активная работа по ознакомлению граждан страны пребывания с национальными особенностями Таджикистана. Например, в России и в других странах молодежь активно участвует в праздновании персидского нового года «Навруз», государственных праздников Таджикистана и т. д. Она принимает участие в фестивалях, проводимых по инициативе руководства университетов. Поскольку в информационном пространстве некоторые заинтересованные акторы делают акцент исключительно на негативных событиях в Таджикистане, активная молодежь страны могла бы, используя новые инфокоммуникационные технологии, способствовать нивелированию данных нарративов, широко освещать достижения таджикского народа. Исследователь Б.Х. Бахриев в этой связи отмечал: «...Почти каждый гражданин Таджикистана за его пределами становится ресурсом публичной дипломатии своего государства, т.е. может оказать влияние на формирование того или иного образа своей страны» (2018, с. 102). Хорошим примером такой работы выступает деятельность таджикской диаспоры в России.

4. *Образ успешного и образованного человека.* Многие выпускники зарубежных вузов и участники международных программ, имея репутацию высоко-

квалифицированных и успешных людей, находят достойную работу как на родине, так и за рубежом. В ходе интервью эксперты отмечали, что молодые люди с зарубежным высшим образованием имеют большое влияние на молодежную среду своего места жительства, они ведут успешную предпринимательскую деятельность, создают новые сферы бизнеса и производства, внедряют новые товары и услуги на рынке страны. Наглядные примеры из практики успешных людей могут выступить в качестве действенного инструмента для снижения интереса местной молодежи к радикальным и экстремистским организациям.

Заключение

Проведенные исследования дали следующие результаты:

1. Молодежная миграция из Таджикистана в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет увеличиваться. Относительно образовательной миграции молодежи необходимо отметить, что с каждым годом появляются новые возможности для учебы за рубежом при содействии Центра международных программ Министерства образования и науки Таджикистана по квотам зарубежных стран. Также сегодня считаются доступными стипендиальные программы зарубежных стран, которые молодежь Таджикистана максимально использует в своих интересах.

2. Данные опроса свидетельствуют о значительной приверженности молодежи Таджикистана к своим «корням»: среди молодежи хотят вернуться на родину 73,2%; следят и интересуются общественной жизнью родины 92,4%; оказывают помощь родине, находясь за рубежом 66,7%; хотят состариться на родине 78,1%; уверены в том, что смогут найти работу на родине 66,9%.

3. Согласно исследованиям, молодежь часто не может удовлетворить свои потребности в получении образования из-за неконкурентоспособности отечественной системы просвещения. Поэтому значительная её часть предпочитает обучаться за рубежом. Кроме того, существует ряд специальностей, которым невозможно обучиться в Таджикистане. Существенно повлиять на миграционный настрой молодых людей может только проведение реформы системы образования в стране.

Список литературы

1. Абдусаматов, Б.Б., Баянова, Л.Н. (2018). Взаимодействие России и Таджикистана в сфере образования. *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*, 2(46), 125–130.

2. Актамов, И.Г., Бадмацыренов, Т.Б. (2019) «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния. *Власть*, 27(3), 231–236.

3. Антюхова, Е.А. (2019). Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ. *Сравнительная политика*, 10(2), 86–98. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10018

4. Бахриев, Б.Х. (2018). «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана. *Вестник Томского*

государственного университета, 436, 97–105. doi: 10.17223/15617793/436/11

5. Батурин, В.С. (2017). Особенности становления постсоветского вузовского образования в контексте структурных и ценностных трансформаций мягкой силы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(26), 111–118. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.111118>

6. Богут, И.И., Сорокин, А.И. (2015). Мягкие компетенции и мягкая сила в европейском образовательном пространстве. *Вестник Международной академии системных исследований. Информатика, экология, экономика*, 17(2), 10–18.

7. *В Согде прошёл V Съезд «Клуба таджикской молодёжи, обучающейся за рубежом»*. (2019). Взято с http://sugd.rs.gov.ru/%C2%A0/news/52701?category_id=4

8. *Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий: аналитический доклад*. (2019). Астана: МОМ.

9. Ергунова, О.Т. (2018). «Мягкая сила» как инструмент миграционной политики, используемый российскими государственными органам. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(30), 104–111. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.30.1.104111>

10. Касаткин, П.И., Хрусталева, И.М., Аватков, В.А. (2012). Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке. *Вестник МГИМО-Университета*, 6(27), 79–93.

11. Касымова, С. (2017). *Учебная миграция молодежи Таджикистана: проблемы и перспективы: исследовательский отчет*. Душанбе: ОО «Центр гендерного образования».

12. Лебедева, М.М., Фор, Ж. (2009). Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России. *Вестник МГИМО-Университета*, 6, 200–205.

13. Назаршоева, С.Ф. (2018). Образ России в глазах мигрантов из Республики Таджикистан. *Дневник Алтайской школы политических исследований*, 34, 226–231.

14. Най, Дж.С. (2014). *Будущее власти*. Москва: АСТ.

15. Пирназарова, П.А. (2013). *Взаимоотношения Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере образования, науки и культуры: 1991–2011 гг.* [Автореф. дисс. ... канд. истор. н.: 07.00.02. Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша АН Республики Таджикистан. Душанбе]. Национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005535783/

16. Плотников, Д.С. (2016). «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования. *Ars Administrandi*, 1, 160–177.

17. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи».

18. Русакова, О.Ф., Ковба, Д.М. (2016). Концептуальные аспекты стратегии «мягкой силы». *Сибирский философский журнал*, 14(3), 109–123.

19. Русакова, О.Ф., Ковба, Д.М. (2019). Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 1(34), 37–50. <https://dx.doi.org/10.17506/>

dipi.2019.34.1.3750

20. *Сборник статистики сферы образования Республики Таджикистан. Часть 2.* (2019). Душанбе: Министерство образования и науки РТ (на тадж. яз.).

21. Торкунов, А.В. (2012). Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, 4(25), 85–93.

22. Франц, В.А. (2017). Миграционная привлекательность как фактор российской «мягкой силы»: реалии и перспективы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(27), 128–135. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.128135>

23. Хонходжаев, Ф.Т. (2019). Оценка социально-экономических последствий миграции населения Республики Таджикистан. *Научный журнал «Наука. Культура. Общество»*, 3–4, 81–92.

24. *Центральноазиаты в США – диаспоры или сообщества?* (2017). Взято с <http://caa-network.org/archives/8386>

References

1. Abdusamatov, B.B., & Bayanova, L.N. (2018). Vzaimodejstvie Rossii i Tadjikistana v sfere obrazovaniya. [Cooperation between Russia and Tajikistan in the field of education]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmullya*, 2(46), 125–130.

2. Actamov, I.G., & Badmatsyrenov, T.B. (2019). “Myagkaya sila” Kitaya: obrazovatel’nyye strategii vneshnepoliticheskogo vliyaniya [China’s Soft Power: Educational Strategies for Foreign Policy Influence]. *Vlast’*, 27(3), 231–236.

3. Antyhova, E.A. (2019). Faktor obrazovaniya v “myagkoy sile” SShA, Kitaya i YeU: sravnitel’nyy analiz [Education factor in the “soft power” of the USA, China and the EU: a comparative analysis]. *Sravnitel’naya politika*, 10(2), 86–98. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10018

4. Bahriev, B.Kh. (2018) “Myagkaya sila” i publichnaya diplomatiya: vozmozhnosti dlya nezavisimogo Tadjikistana [Soft Power and Public Diplomacy: Opportunities for Independent Tajikistan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 436, 97–105. doi: 10.17223/15617793/436/11

5. Baturin, V.S. (2017). Osobnosti stanovleniya postsovetского vuzovskogo obrazovaniya v kontekste strukturnykh i tsennostnykh transformatsiy myagkoy sily [Features of the formation of post-Soviet institutions of higher education in the context of structural and value transformations of soft power]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1(26), 111–118. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.111118>

6. Bogut, I.I., & Sorokin, A.I. (2015). Myagkiye kompetentsii i myagkaya sila v yevropeyskom obrazovatel’nom prostranstve [Soft competencies and soft power in the European educational space]. *Vestnik Mezhdunarodnoy akademii sistemnykh issledovaniy. Informatika, ekologiya, ekonomika*, 17(2), 10–18.

7. Ergunova, O.T. (2018). “Myagkaya sila” kak instrument migratsionnoy politiki, ispol’zuyemyj rossiyskimi gosudarstvennymi organami [“Soft power” as an instrument of migration policy used by Russian government agencies]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1(30), 104–111. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.30.1.104111>

8. Franz, V.A. (2017). Migratsionnaya privlekatel’nost’ kak faktor rossiyskoy

«*myagkoy sily*»: *realii i perspektivy* [Migration attractiveness as a factor of the Russian “soft power”: realities and prospects]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 2(27), 128–135. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.27.2.128135>

9. Kasatkin, P.I., Khrustalev, I.M., & Avatkov, V.A. (2012) *Yevrobezopasnost', integratsiya i “myagkaya sila” migratsii v XXI veke* [Euro-security, integration and the soft power of migration in the 21st century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 6(27), 79–93.

10. Kasymova, S. (2017). *Uchebnaya migratsiya molodezhi Tadjikistana: problemy i perspektivy: issledovatel'skiy otchet* [Educational migration of Tajik youth: problems and prospects: a research report]. Dushanbe: OO “Tsentr gendernogo obrazovaniya”.

11. Khonkhodjaev, F.T. (2019). *Otsenka sotsial'no-ekonomicheskikh posledstviy migratsii naseleniya Respubliki Tadjikistan* [Assessment of the socio-economic consequences of migration of the Republic of Tajikistan]. *Nauchnyy zhurnal “Nauka. Kul'tura. Obshchestvo”*, 3–4, 81–92.

12. Lebedeva, M.M., & For, Zh. (2009). *Vyssheye obrazovaniye kak potentsial «myagkoy sily» Rossii* [Higher education as a potential of the “soft power” of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 6, 200–205.

13. Nay, Dzh.S. (2014). *Budushcheye vlasti* [The Future of Power]. Moscow: AST.

14. Nazarshoeva, S.F. (2018). *Obraz Rossii v glazakh migrantov iz Respubliki Tadjikistan* [The image of Russia in the eyes of migrants from the Republic of Tajikistan]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*, 34, 226–231.

15. Pirnazarova, P.A. (2013). *Vzaimootnosheniya Respubliki Tadjikistan i Rossijskoj Federatsii v sfere obrazovaniya, nauki i kul'tury: 1991–2011 gg.* [Relations between the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the field of education, science and culture: 1991–2011] [PhD thesis abstract, Institute of History, Archeology and Ethnography. Akhmadi Donisha Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Dushanbe]. National Electronic Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005535783/

16. Plotnikov, D.S. (2016). “Myagkaya sila” politiki Kitaya, Turtsii, Irana, Rossii i SShA v Tsentral'noy Azii v sfere obrazovaniya [Soft power of education policy of China, Turkey, Iran, Russia and the USA in Central Asia]. *Ars Administrandi*, 1, 160–177.

17. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, and discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom “Diskurs-Pi”.

18. Rusakova, O.F., & Kovba, D.M. (2016). Kontseptual'nyye aspekty strategii “myagkoy sily” [Conceptual aspects of the strategy of “soft power”]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*, 14(3), 109–123.

19. Rusakova, O.F., & Kovba, D.M. (2019). Issledovaniya myagkoy sily v rossijskoj politicheskoy nauke: analiz problemno-tematicheskikh polej [Soft power studies in the Russian political science: analysis of problematic-topic fields]. *Scientific journal “Discourse-P”*, 1(34), 37–50. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.3750>

20. *Sbornik statistiki sfery obrazovaniya Respubliki Tadjikistan. Chast' 2.* [Collection of Education Statistics in Tajikistan. Part 2]. (2019). Dushanbe: Ministerstvo obrazovaniya i nauki RT (in Tajik).

21. Torkunov, A.V. (2012). *Obrazovaniye kak instrument “myagkoy sily”*

vo vneshney politike Rossii [Education as an instrument of “soft power” in Russian foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 4(25), 85–93.

22. *Tsentral’noaziaty v SShA – diaspory ili soobshchestva?* [Central Asians in the USA – Diasporas or Communities?]. (2017). Retrieved from <http://caa-network.org/archives/8386>

23. *V Sogde proshyol V S”yezd “Kluba tadzhikskoy molodyozhi, obuchayushcheyasya za rubezhom”* [In Sogd hosted the V Congress of the “Club of Tajik Youth Studying Abroad”]. (2019). Retrieved from http://sugd.rs.gov.ru/%C2%A0/news/52701?category_id=4

24. *Vneshnyaya molodezhnaya migratsiya v stranakh Tsentral’noy Azii: analiz riskov i minimizatsiya negativnykh posledstviy: analiticheskiy doklad* [External youth migration in Central Asian countries: risk analysis and minimization of negative consequences: analytical report]. (2019). Astana: MOM.

УДК 327:338.481.31(575.2) DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-176-192

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА НА ПРОСТРАНСТВЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Каталева Кристина Вячеславовна,

Киргизско-Российский Славянский университет,
соискатель ученой степени кандидата политических наук,
Бишкек, Киргизская Республика,
E-mail: krisstinka5@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2020, принята к публикации 23.11.2020

Для цитирования: Каталева К.В. Институциональное и нормативно-правовое обеспечение развития международного туризма на пространстве Содружества Независимых Государств // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 176-192. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-176-192

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть состояние, проблемы и тенденции институционального и нормативно-правового обеспечения формирования единого туристического пространства в рамках Содружества Независимых Государств. Актуальность обращения к этой проблеме обусловлена тем, что международный туризм в настоящее время может быть использован в качестве инструмента решения важных внешнеполитических задач и обеспечения региональных приоритетов, обозначенных в Концепции внешней политики России. В частности, таких как упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира через углубление евразийских интеграционных процессов; формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами через развитие приграничного сотрудничества государств СНГ и урегулирование разногласий между

© Каталева К.В., 2021

странами; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки; содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций; сохранение общего культурно-исторического наследия стран СНГ, расширения их сотрудничества в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах.

При написании данной работы обобщен значительный объем политико-правовых документов государств СНГ с помощью методов политико-правового анализа на основе системного, структурно-функционального и компаративистского подходов.

В статье показан действующий инструментарий, используемый государствами-членами СНГ, позволяющий обеспечивать совместное законотворчество стран – участниц, что, безусловно, способствует сближению их позиций и выработке согласованных подходов к развитию международного туризма как многофункционального механизма взаимодействия. Особое внимание уделяется деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств – членов Содружества, которая по своей сути является основным актором осуществления государственной политики в сфере международного туризма, в частности, работе постоянной комиссии по культуре, информации, туризму и спорту, входящей в её структуру. Подчеркнуто, что в настоящее время руководство стран СНГ предпринимает новые шаги по развитию двух- и многосторонних отношений в области международного туризма, что непременно влияет на внешнеполитический имидж государств и тем самым способствует укреплению геополитических позиций Содружества на международной арене.

Новизна работы состоит в проведении системного изучения нормативно-правовой и институциональной базы межгосударственного сотрудничества государств СНГ в области международного туризма. Автором дана оценка политико-правового и институционального обеспечения развития туристской сферы на пространстве СНГ как региона с большим туристическим потенциалом. Выделены следующие негативные моменты в развитии туризма: отсутствие единого понятийного аппарата; недостаточность скоординированной интеграционной политики стран Содружества в области развития международного туризма; затягивание формирования общей нормативно-правовой базы; сложности с унификацией национальных институциональных механизмов развития туризма. Обозначены доминирующие тенденции дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества стран СНГ в сфере туризма: развитие внутреннего туризма на территории стран СНГ; повышение его конкурентоспособности и экономической эффективности; расширение видов туризма (образовательный, экологический, лечебный, религиозный, этнографический и другие); формирование кадрового потенциала туристической отрасли в государствах СНГ; углубление межгосударственного сотрудничества за счет внедрения новых форм партнерских отношений между национальными туристскими организациями.

Ключевые слова:

международный туризм, межгосударственное сотрудничество в сфере туризма, внешнеполитический имидж, Содружество Независимых Государств, Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ, задачи внешней политики России, евразийские интеграционные процессы, приграничное сотрудничество стран СНГ, сотрудничество в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах.

UDC 327:338.481.31(575.2) DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-176-192

INSTITUTIONAL AND REGULATORY SUPPORT OF INTERNATIONAL TOURISM DEVELOPMENT IN THE SPACE OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Kristina V. Kataleva,

Kyrgyz-Russian Slavic University,
PhD (Polit.) Degree Applicant,
Bishkek, Kyrgyz Republic,
E-mail: krisstinka5@yandex.ru

Article received on August 10, 2020, accepted on November 23, 2020

To cite this article: Kataleva, K.V. (2021). Institucional'noe i normativno-pravovoe obespechenie razvitiya mezhdunarodnogo turizma na prostranstve Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv [Institutional and regulatory support of international tourism development in the space of the Commonwealth of Independent States]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 176-192. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-176-192

Abstract

The purpose of the article is to consider condition, problems and tendencies of institutional and regulatory supports for formation of single travel area in the framework of the Commonwealth of Independent States. Relevance of addressing this issue is due to the fact that international tourism today may be used as an instrument for solution of important external economic objectives and provision of regional priorities, specified in Constitution of external policy of Russia, in particular, such as of the Russian Federation as one of influential centers of modern world through deepening of Eurasian integration processes; building good-neighborly relations with adjoining states by developing of cross-border cooperation of the CIS countries and regulation of disagreements between countries;

extending of international cooperation on non-discrimination basis, spread and reinforcement of standing of the Russian language in the world, popularization of national culture achievements, national historical heritage and cultural authenticity of the Russian nation, Russian education and science; contribution to the development of constructive dialogue and partnership in the interest of reinforcing agreement and mutual enrichment of different cultures and civilizations; preservation of common cultural and historical heritage of the CIS countries, extending their cooperation in humanitarian, scientific-educational and cultural spheres.

When writing this work significant volume of political and legal documents of the CIS countries are generalized by using political and legal analysis methods on the basis of system, structural-fundamental and comparative approaches.

The article shows the current tools used by the CIS member states, allowing to provide the joint law of the participating countries, which certainly contributes to the convergence of their positions and coordinated approach to the development of international tourism as a multi-interaction mechanism. Special attention is paid to the activities of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth Member States, which is essentially the main actor in the implementation of state policy in the field of international tourism, in particular, the work of the Permanent Commission on Culture, Information, Tourism and Sport, which is part of its structure. It was emphasized that the leadership of the CIS countries is currently taking new steps to develop bilateral and multilateral relations in the field of international tourism, which certainly affects the foreign policy image of the states and thereby contributes to strengthening the geopolitical positions of the Commonwealth in the international arena.

The novelty of the work consists in conducting a systematic study of the legal and institutional framework of interstate cooperation of the CIS states in the field of international tourism. The author gives an assessment of the political, legal and institutional support for the development of the tourism sector in the CIS as a region with a great tourist potential. There are identified the following negative aspects of tourism development: the lack of a unified conceptual framework; lack of coordinated integration policy of the Commonwealth in the development of international tourism; the delay in forming a common regulatory framework; the difficulty of harmonizing the national institutional mechanisms for the development of tourism. There are designated the dominant trends in the further development of international cooperation of the CIS countries in the field of tourism: the internal tourism development on the territory of the CIS countries; the increasing its competitiveness and economic efficiency; the expanding the types of tourism (educational, environmental, medical, religious, ethnographic, etc.); the formation of personnel potential of the tourism industry in CIS countries; the strengthening interstate cooperation by introducing new forms of partnerships between national tourism organizations.

Keywords:

International tourism, interstate cooperation in tourism, external policy image, the Commonwealth of Independent States, Interparliamentary Assembly the CIS members-states, external policy objectives of Russia, Eurasian integration processes, cross-border cooperation of the CIS countries, cooperation in humanitarian, scientific-educational and cultural spheres.

Исследование проблем развития международного туризма на пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ) обусловлено необходимостью реализации имеющихся туристических возможностей, поскольку у региона есть туристический потенциал, использование которого в определённой степени связано с развитием международных связей. Использование этого инструмента актуально в решении важных внешнеполитических задач, обозначенных в Концепции внешней политики России, в частности, таких как упрочение позиций Российской Федерации в качестве одного из влиятельных центров современного мира через углубление евразийских интеграционных процессов; формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами через развитие приграничного сотрудничества государств СНГ и урегулирование разногласий между странами; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки; содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций; сохранение общего культурно-исторического наследия стран СНГ, расширения их сотрудничества в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах (Об утверждении Концепции внешней политики ..., 2016). Также международный туризм является одним из важнейших элементов внешнеполитического имиджа страны, оказывающего влияние на построение двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений. Кроме того, укрепление межгосударственного сотрудничества в сфере туризма в рамках Содружества способствует созданию благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики стран СНГ, обеспечению дополнительных рабочих мест, расширению направлений экспорта, повышению уровня и качества жизни населения и др.

Важнейшим условием развития международного туризма на пространстве СНГ является его институциональное и нормативно-правовое обеспечение, характеристике которого посвящена предлагаемая статья.

Управление туристической отраслью в странах Содружества осуществляется несколькими структурными подразделениями. Так, большую роль в создании правовой базы Союза и, по сути, основным актором осуществления государственной политики в сфере международного туризма играет Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. В её компетенцию входит: рассмотрение вопросов сотрудничества в различных областях, направление рекомендаций Совету глав государств и принятие законодательства по сближению государств – участников; синхронизация процедур утверждения соглашений, заключенных в рамках Содружества; содействие осуществлению обмена информацией правового характера между странами – участницами СНГ и др. Модельные законы, принимаемые Ассамблеей, представляют собой адаптированные к условиям Содружества международные правовые стандарты, которые предлагаются как образцы для местного законодательства и др.

При Ассамблее действует постоянная комиссия по культуре, информации, туризму и спорту. На своих заседаниях члены комиссии формируют и обсуждают пакеты законопроектов и других законодательных актов для последую-

щего рассмотрения на заседании Совета Ассамблеи и пленарных заседаниях Межпарламентской Ассамблеи.

На сегодняшний день Ассамблеей принято более 650 модельных законов, кодексов и рекомендаций. Хотя законы и носят рекомендательный характер, их разработка очень важна в силу возможностей использования данных документов при разработке национального законодательства. В настоящее время их можно рассматривать в качестве законодательных систем, которые трансформируются в том или ином виде в реальное правовое поле. По мнению автора, деятельность Ассамблеи, ее структур является оптимальным вариантом совместного законотворчества и использования кадрового потенциала государств – членов СНГ. Некоторые документы Ассамблеи принимают форму межправительственных соглашений и становятся обязательными к исполнению для стран Союзного Объединения.

Кроме того, немаловажным органом СНГ, принимающим непосредственное участие в продвижении новых инициатив в области развития туризма, является Исполнительный комитет СНГ. В его компетенцию входит: разработка предложений о перспективах развития, этапах их осуществления и приоритетах СНГ; разработка проектов документов, направленных на развитие сотрудничества участников СНГ в политической, экономической, социальной и других областях, внесение их в установленном порядке на рассмотрение в конкретные Советы Содружества; координация и анализ деятельности органов отраслевого сотрудничества СНГ, внесение совместно с Советом и Комиссией предложений по повышению эффективности их работы и др.

В мае 2012 г. Советом глав правительств СНГ было подписано Соглашение, согласно которому вступило в действие новое Положение о Совете по туризму государств – участников СНГ. Основной задачей Совета является содействие развитию равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в области туризма по линии государственных органов, национальных, региональных, международных и других туристских организаций (Приложение к Соглашению о Совете по туризму ..., 2013).

Согласно принятому документу, в компетенцию Совета входит: анализ хода реализации Соглашения, других международных договоров о сотрудничестве в области туризма, разработка и реализация совместных и национальных программ по развитию туризма; оказание помощи по межгосударственному сотрудничеству в области подготовки научных и научно-педагогических кадров, обмена и повышения квалификации специалистов в области туризма; привлечение инвестиций для развития туризма в целях создания туристической инфраструктуры и качественного сервиса на основе международных стандартов и др.

Правовые основы регулирования туристской деятельности на пространстве СНГ закреплены в следующих нормативно-правовых актах: Рекомендательный законодательный акт «Об основных принципах сотрудничества государств – участников СНГ в области туризма» (1994), «О Совете по туризму государств – участников Соглашения о сотрудничестве в области туризма» (1994), Модельный закон «О туристской деятельности» (2006), «Стратегия развития сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области туризма на период до 2020 года» (2013), Модельный закон «О туристской деятельности» (новая редакция) (2015), Модельный закон «О детском

и юношеском туризме» (новая редакция) (2018), Модельный закон «О социальном туризме» (2019), Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (2020), Модельный закон «Об экологическом туризме» (2019).

Кроме того, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств были разработаны Рекомендации по соблюдению норм деловой практики в сфере туризма (О Рекомендациях по соблюдению норм деловой практики ..., 2018), по установлению льготных режимов торговли для иностранных туристов и временных посетителей по системе tax free (О Рекомендациях по установлению льготных режимов торговли ..., 2018). Указанные нормативные акты в настоящее время активно используются в национальных законодательствах стран Содружества.

На развитие общего туристского пространства СНГ работают и другие законодательные акты, например, «Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств» (Конвенция о приграничном сотрудничестве ..., 2009). Она призвана стать правовым инструментом в вовлечении всех уровней власти в решение вопросов приграничного сотрудничества, в том числе, в области международного туризма.

Автор работы считает, что образовательные структуры, осуществляющие плановую подготовку кадрового резерва для стран Содружества, в том числе и в сфере туризма, являются важным инструментом углубления интеграционных процессов между участниками Союзного Объединения. К таким учреждениям можно отнести:

– Объединенный университет туризма стран – участниц СНГ, созданный в мае 1997 г. как международный союз общественных объединений (лицензия Министерства Юстиции России № 3506), который включил в себя учебные заведения и предприятия сферы туризма. Цель создания – через координацию подготовки специалистов высшей квалификации из стран Содружества способствовать возрождению единого туристского пространства в СНГ. Университет создан на базе Российской международной академии туризма – головного по этому профилю высшего учебного заведения в России.

– Сетевой университет СНГ – создание инициировано в 2008 г. Российским университетом дружбы народов. Цель – повышение качества и привлекательности высшего образования, укрепление сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территории СНГ. Университет функционирует на правах Консорциума при равноправном партнерстве всех вузов-партнеров, и открыт для вступления других организаций в установленном порядке. Члены Консорциума – ведущие университеты государств – участников СНГ, российско-славянские университеты, высшие учебные заведения, являющиеся базовыми организациями по направлениям сотрудничества Решениями Совета Глав Правительств стран Содружества.

– Славянские университеты: Бакинский славянский университет (Азербайджан), Белорусско-Российский университет, Киргизско-Российский Славянский университет, Российско-Армянский (Славянский) университет, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Славянский университет Республики Молдова, нацеленные на создание единой образовательной платформы на постсоветском пространстве, развитие академической мобильности,

укрепление сотрудничества между странами СНГ в области подготовки специалистов, содействие обмену аспирантами и др. (во всех указанных вузах осуществляется подготовка по специальности «Туризм»). Славянские университеты создавались с целью обеспечения прав русскоязычных граждан на сохранение своей национальной и языковой идентичности.

Для оценки уровня развития туризма в разных странах используются данные Международного рейтинга «Индекс конкурентоспособности сектора путешествий и туризма» (выпускается один раз в два года, начиная с 2007 г.). Согласно данному рейтингу, места стран СНГ в 2019 и 2017 годах распределились следующим образом: Азербайджан (2019 г. – 71 место, 2017 г. – 71 место); Армения (2019 г. – 79 мест, 2017 г. – 84 места); Казахстан (2019 г. – 80 мест, 2017 г. – 81 место); Киргизия (2019 г. – 110 мест, 2017 г. – 115 мест); Молдова (2019 г. – 103 места, 2017 г. – 117 мест); Россия (2019 г. – 39 мест, 2017 г. – 43 места); Таджикистан (2019 г. – 104 места, 2017 г. – 107 мест); Беларусь и Узбекистан в настоящее время не включены в данный рейтинг (World Economic Forum, 2017, 2019).

Необходимо отметить, что государства СНГ заинтересованы в полноценном использовании имеющихся у них ресурсов для развития международного туризма. В этой связи встает вопрос о необходимости проведения совместной скоординированной интеграционной политики стран Содружества в области развития международного туризма. Это обусловлено рядом факторов, к которым относятся: активное развитие выездного туризма за счет увеличившегося в последнее время внимания мировых туристских центров к постсоветскому потребителю; взаимная заинтересованность стран СНГ, Европейского Союза и других государств в улучшении международной туристической инфраструктуры, в осуществлении согласованных правоохранительных мероприятий и др.

Развитие туризма в странах СНГ в условиях рыночных реформ выявило общие тенденции, сформировавшиеся в результате разрушения хозяйственных связей, политической и экономической нестабильности, инфляции и усиления дифференциации доходов населения. К ним можно отнести отток денежных средств за счет выездного туризма за пределы СНГ и сокращение внутрисоюзных турпотоков, поскольку турфирмам нерентабельно работать с внутренними туристическими направлениями, а выгоднее предлагать популярные зарубежные маршруты для путешествий и отдыха.

По мнению автора, для создания единого туристического пространства стран СНГ необходима выработка общей нормативно-правовой базы, а также – унификация национальных хозяйственных механизмов развития туризма. В этой связи важным является сближение национальных законодательств и норм, упрощение таможенных и иных процедур пересечения границ.

Стоит отметить, что в действующем законодательстве государств Союза в настоящее время нет единого понятийного аппарата для определения многих понятий. Например, значение слова «туризм» в законах стран Содружества различно:

В Азербайджане туризм рассматривается как временный отъезд граждан республики, иностранцев и лиц без гражданства с постоянного места жительства в целях отдыха, оздоровления, ознакомления, в познавательных целях, в деловых профессиональных, в спортивных и религиозных целях, при условии, что

в стране временного пребывания они не будут заниматься оплачиваемой деятельностью (О туризме: Закон Азербайджанской Республики ..., 1999).

В Армении туризм – это деятельность, осуществляемая гражданами, путешествующими в познавательных, оздоровительных, спортивных, религиозных, профессиональных, деловых целях, в целях отдыха, посещения родственников и иных целях, из места постоянного проживания в другое место максимально на срок до одного года без прерывания (О туризме и туристской деятельности: Закон Республики Армения ..., 2004).

В Беларуси туризм – это туристическое путешествие, а также деятельность юридических лиц, физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей по его организации (О туризме: Закон Республики Беларусь ..., 1999).

В Казахстане туризмом считается путешествие физических лиц продолжительностью от 24 часов до одного года, либо меньше 24 часов, но с ночёвкой, в целях, не связанных с оплачиваемой деятельностью в стране временного пребывания (О туристской деятельности в Республике Казахстан ..., 2001).

В Киргизии туризм трактуется как временные выезды граждан Киргизии, иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных или профессионально-деловых, спортивных, религиозных и других целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране временного пребывания (О туризме: Закон Кыргызской Республики ..., 1999).

В Молдове туризм – это отрасль национальной экономики с комплексными функциями, включающая имущество и услуги, предоставляемые для потребления лицам, путешествующим за пределами своей обычной среды в течение менее одного года с иной целью, нежели осуществление оплачиваемой деятельности в посещаемом месте (О внесении изменений и дополнений в Закон ..., 2018).

В России туризмом считаются выезды граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране временного пребывания (Об основах туристской деятельности в Российской Федерации ..., 1996).

В Таджикистане туризм – вид занятия, который реализует систему организации проведения отдыха с оздоровительной, ознакомительной целью, в целях паломничества, коммерческих, спортивных, профессионально-служебных и иных целях посредством путешествия и временного пребывания за пределами места жительства (О туризме: Закон Республики Таджикистан ..., 1999).

В Узбекистане туризм – выезды физического лица из постоянного места жительства без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране временного пребывания (О туризме: Закон Республики Узбекистан ..., 2019).

В настоящее время руководство стран СНГ предпринимает шаги по развитию двух- и многосторонних отношений в области международного туризма. Так, в период 9–10 июля 2019 года в Самарканде (Узбекистан) состоялось заседание Совета по туризму стран СНГ (Заседание Совета по туризму ..., 2019). В нем приняли участие представители государств – членов Объединения и Исполнительного комитета СНГ. В ходе встречи участники заседания от-

метили, что Узбекистан последовательно реализует комплексные мероприятия по развитию туризма (утверждена Концепция развития сферы туризма в 2019–2025 гг. (О дополнительных мерах по ускоренному развитию туризма в Республике Узбекистан ..., 2019), предоставляются льготы и преференции для узбекских и иностранных инвесторов, реализующих проекты в сфере туризма и др.). Также обсуждался план мероприятий по реализации Стратегии развития сотрудничества стран СНГ в области туризма на период до 2020 г. Члены Совета обозначили, что в государствах Содружества работа в указанном направлении идёт на высоком уровне, и активизировалось совершенствование нормативно-правовой базы в сфере туризма.

В частности, Киргизия поделилась положительным опытом внедрения в 2019 г. туристского паспорта INTERNATIONAL TRAVEL ID на территории республики. Участникам было предложено проработать вопрос о возможности реализации данного проекта в своих странах в рамках внедрения в будущем единой системы информационного сопровождения туристов. Также было принято решение содействовать разработке и реализации туристических маршрутов, связанных с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., поддерживать и расширять практику проведения ознакомительных туров по новым туристическим маршрутам для представителей турбизнеса, СМИ, оказывать поддержку взаимному участию представителей сферы туризма из государств СНГ в выставках данной направленности. Было отмечено интенсивное развитие туристического потенциала межрегионального туристического маршрута «Великий шелковый путь».

Представители России сообщили, что реализуется новый межрегиональный проект «Государева дорога», который включает в себя разработку специальных предложений для туристов, предполагающих остановки в пути следования по маршруту «Москва-Санкт-Петербург» для осмотра туристических объектов Московской, Тверской, Новгородской и Ленинградской областей.

На встрече был отмечен положительный опыт Таджикистана по объявлению в стране годов развития села, туризма и народных ремесел на 2019–2021 гг. (Об объявлении ..., 2019). Кроме того, Совет одобрил проект Стратегии развития сотрудничества государств – участников СНГ в области туризма на 2021–2030 гг. В рамках дальнейшей работы по данной инициативе 10 марта 2020 г. в Исполнительном комитете СНГ в Минске (Беларусь) состоялось дополнительное заседание экспертной группы по доработке и согласованию указанного проекта. В ходе встречи эксперты рассмотрели замечания и предложения, поступившие от государств, доработали и согласовали документ. Было решено внести его в установленном порядке на рассмотрение очередного заседания Совета глав правительств Содружества. Отмечается, что «...проект новой Стратегии сохраняет преемственность целей, задач, принципов, направлений и механизмов реализации и ориентирован на углубление процессов сотрудничества, расширение партнерских отношений между национальными туристскими организациями на пространстве Содружества...» и что «...в основе Стратегии лежит представление о том, что туризм является не только самым перспективным, динамично развивающимся сектором экономики, но и мощным фактором активизации международного сотрудничества, укрепления дружбы и взаимопонимания, культурного взаимообогащения народов...» (Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств, 2020).

Помимо этого, была поддержана работа Казахстана и Узбекистана по реализации проекта применения режима взаимного признания туристических виз SILK WAY и инициатива узбекской стороны по проведению Первой Ежегодной туристической ярмарки (В Самарканде начала свою работу ..., 2019).

Знаковым событием в укреплении сотрудничества в сфере туризма стал международный научно-практический семинар на тему: «Туризм в странах СНГ и региональное сотрудничество: новые вызовы и возможности», проведенный там же, который позволил комплексно и всесторонне, с участием академических кругов, туристического бизнеса и представителей органов государственной власти, рассмотреть проблемы развития туризма на пространстве Содружества. Мероприятие широко освещалось в СМИ, и было высоко оценено членами Совета. Такой формат проведения заседания Совета дал положительный результат по налаживанию многосторонних связей между субъектами туристического бизнеса, национальными и международными учреждениями образования, осуществляющими подготовку кадров для сферы туризма и гостеприимства. В результате проведенных мероприятий было заключено 56 соглашений. По итогам семинара подготовлены предложения по развитию сотрудничества в области туризма – «Самаркандские инициативы – 2019», которые были направлены в страны Союза, а также в Совет по сотрудничеству в области образования государств Содружества (О сотрудничестве в области туризма ..., 2019).

Представители Беларуси на примере II Европейских игр 2019 г. (Минск, 21–30 июня) поделились опытом предоставления туристических возможностей и продвижения турпродукта накануне крупных международных спортивных мероприятий (Цалко, 2019).

По мнению автора, текущее состояние формирования единого туристического пространства в рамках СНГ можно оценить как «недостаточно развитое», что требует проведения систематизированной работы в данном направлении. При этом основными проблемами, влияющими на положение дел, являются: отсутствие единого понятийного аппарата; недостаточная эффективность координационной работы; затягивание формирования общей нормативно-правовой базы; сложности с унификацией национальных институциональных механизмов развития туризма.

В целом можно выделить следующие основные задачи по развитию странами СНГ межгосударственного сотрудничества в сфере туризма: уделение пристального внимания вопросам развития внутреннего туризма, связанным с повышением его конкурентоспособности и экономической эффективности; расширение видов туризма (образовательный, экологический, лечебный, религиозный, этнографический и др.); повышение квалификации кадров в туристическом секторе; внедрение новых форм партнерских отношений между национальными туристскими организациями.

Список литературы

1. В Самарканде начала свою работу Первая Ежегодная туристическая ярмарка стран СНГ. (2019, 9 июля). *UzDaily.uz*. Взято 10 июля 2020, с <https://uzdaily.uz/ru/post/44818>

2. Заседание Совета по туризму стран СНГ прошло в Самарканде. (2019, 10 июля). *Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств*. Взято 10 июля 2020, с <http://cis.minsk.by/news/11599/zasedanie-soveta-po-turizmu-stran-sng-proslo-v-samarkande>

3. Информация об итогах заседания Совета по туризму государств-участников Содружества Независимых Государств. (2019). *Интернет-портал СНГ*. Взято 10 июля 2020, с <https://e-cis.info/cooperation/3012/82745/>

4. *Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств*. (2009, 22 июля). Взято 10 июля 2020, с <http://docs.cntd.ru/document/902196976>

5. О внесении изменений и дополнений в Закон об организации и осуществлении туристической деятельности в Республике Молдова № 352/2006: Закон Республики Молдова от 14 июня 2018 (№ 109). Взято 10 июля 2020, с https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=126263

6. О детском и юношеском туризме: Модельный закон (новая редакция). (2018). Взято 10 июля 2020, с <https://iacis.ru/public/upload/files/1/729.pdf>

7. О дополнительных мерах по ускоренному развитию туризма в Республике Узбекистан: Указ Президента Республики Узбекистан от 5 января 2019 (№ 5611). Взято 10 июля 2020, с https://buxgalter.uz/uz/doc?id=573960_&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana#

8. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: Федеральный закон от 23.02.1995 (№ 26-ФЗ) (ред. от 08.12.2020) (Россия). Взято 10 июля 2020, с <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-23021995-n-26-fz-o/>

9. О Рекомендациях по соблюдению норм деловой практики в сфере туризма государств – участников СНГ: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2018 года (№ 48–12). Взято 10 июля 2020, с https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33697316

10. О Рекомендациях по установлению льготных режимов торговли для иностранных туристов и временных посетителей по системе tax free: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 29 ноября 2018 года (№ 48–13). Взято 10 июля 2020, с https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35577840

11. О Совете по туризму государств-участников Соглашения о сотрудничестве в области туризма (1994, 9 сентября). Взято 10 июля 2020, с <http://docs.cntd.ru/document/1901140>

12. О сотрудничестве в области туризма в 2019 году. (2019). *Интернет-портал СНГ*. Взято 10 июля 2020, с <https://e-cis.info/cooperation/3203/85879/>

13. О социальном туризме: Модельный закон. (2019). Взято 10 июля 2020, с <https://iacis.ru/public/upload/files/1/765.pdf>

14. О туризме и туристской деятельности: Закон Республики Армения от 14 января 2004 (№ 3П-11). Взято 10 июля 2020, с https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=24963

15. О туризме: Закон Азербайджанской Республики от 4 июня 1999 (№ 674-IQ). Взято 10 июля 2020, с <https://e-cis.info/cooperation/3308/78716/>

16. О туризме: Закон Кыргызской Республики от 25 марта 1999 (№ 34). Взято 10 июля 2020, с <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/201>
17. О туризме: Закон Республики Беларусь от 25 ноября 1999 (№ 326–3). Взято 10 июля 2020, с https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1999/1416
18. О туризме: Закон Республики Таджикистан от 3 сентября 1999 (№ 824). Взято 10 июля 2020, с <https://e-cis.info/cooperation/3317/78728/>
19. О туризме: Закон Республики Узбекистан от 18 июля 2019 (№ ЗРУ-549). Взято 10 июля 2020, с <https://lex.uz/docs/4428101>
20. О туристской деятельности: Модельный закон. (2006). Взято 10 июля 2020, с <http://docs.cntd.ru/document/902050944>
21. О туристской деятельности: Модельный закон (новая редакция). (2015). Взято 10 июля 2020, с https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33579688
22. О туристской деятельности в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 13 июня 2001 (№ 211-II). Взято 10 июля 2020, с https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023618#pos=4;-104
23. Об объявлении 2019–2021 годов «Годами развития села, туризма и народных ремёсел»: Указ Президента Республики Таджикистан от 2 января 2019 (№ 1170). Взято 10 июля 2020, с <http://isomoni.sud.tj/ru/ukaz-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-ob-objavlenii-2019-2021-godov-godami-razvitija-sela-turizma-i-narodnyh-remesel/>
24. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24 ноября 1996 (№ 130-ФЗ) (ред. от 08.06.2020). Взято 10 июля 2020, с http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
25. Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области туризма: Рекомендательный законодательный акт. (1994). Взято 10 июля 2020, с <http://docs.cntd.ru/document/901756800>
26. Об утверждении Концепции внешней политики: Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. (N 640). Взято с <https://geostart.ru/doc/read/1607>
27. Об экологическом туризме: Модельный закон. (2019). Взято 10 июля 2020, с <https://iacis.ru/public/upload/files/1/761.pdf>
28. Приложение к Соглашению о Совете по туризму государств-участников Содружества Независимых Государств от 30 мая 2012 года (вступило в силу для Российской Федерации 13 марта 2013 года). (2013, 23 апреля). *Официальный интернет-портал правовой информации*. Взято 10 июля 2020, с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304230047?index=2&rangeSize=1>
29. Стратегия развития сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области туризма на период до 2020 года. (2013, 20 ноября). ПАРАГРАФ. Взято 10 июля 2020, с https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31536009
30. Цалко, О.Л. (2019, 1 июля). *II Европейские игры. Минск. Беларусь. Итоги*. Взято 10 июля 2020, с <https://2chechersk.schools.by/news/984999>
31. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. (2020, 10 марта). *Эксперты стран СНГ согласовали новую Стратегию развития сотрудничества в области туризма*. Взято 10 июля 2020, с http://www.cis.minsk.by/news/13282/eksperty_stran_sng_soglasovali_novuju_strategiju_razvitija_sotrudnichestva_v_oblasti_turizma

32. World Economic Forum. (2017, April 5). *The Travel and Tourism Competitiveness Report 2017*. Взято 10 июля 2020, с http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf

33. World Economic Forum. (2019, September 4). *The Travel and Tourism Competitiveness Report 2019*. Взято 10 июля 2020, с http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf

References

1. Ispolnitel'nyj komitet Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv (2020, March 10). *Eksperty stran SNG soglasovali novuyu Strategiyu razvitiya sotrudnichestva v oblasti turizma* [Experts of CIS Member Nations has agreed on a new Strategy for developing cooperation in the field of tourism]. Retrieved July 10, 2020, from http://www.cis.minsk.by/news/13282/eksperty_stran_sng_soglasovali_novuju_strategiju_razvitiya_sotrudnichestva_v_oblasti_turizma

2. Konventsiya o prigranichnom sotrudnichestve gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv [Convention on cross-border cooperation of Member Nations of the CIS]. (2009, July 22). Retrieved July 10, 2020, from <http://docs.cntd.ru/document/902196976>

3. O detskom i yunosheskom turizme: Model'nyj zakon (novaya redakciya) [On children's and teenagers' tourism: Model Law (new edition)]. (2018). Retrieved July 10, 2020, from <https://iacis.ru/public/upload/files/1/729.pdf>

4. O dopolnitel'nyx merax po uskorennomu razvitiyu turizma v Respublike Uzbekistan: Ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 5 yanvarya 2019 (No. 5611) [On additional measures for the accelerated development of tourism in the Republic of Uzbekistan: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 5, 2019 (No. 5611)]. Retrieved July 10, 2020, from https://buxgalter.uz/uz/doc?id=573960_&prodid=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana#

5. O prirodnyx lechebnyx resursax, lechebno-ozdorovitel'nyx mestnostyax i kurortax: Federal'nyj zakon ot 23.02.1995 (№ 26-FZ) (red. ot 08.12.2020) [On natural healing resources, wellness improving places and resorts: Federal law of 23.02.1995 (No. 26-FZ) (as amended on 08.12.2020)] (Russia). Retrieved July 10, 2020, from <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-23021995-n-26-fz-o/>

6. O Rekomendacijax po soblyudeniyu norm delovoj praktiki v sfere turizma gosudarstv – uchastnikov SNG: Postanovlenie Mezhpardlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv ot 29 noyabrya 2018 goda (№ 48–12) [On Recommendations on compliance with the norms of Business Practice in the field of tourism of the CIS member States: Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States of 29 November 2018 (No. 48–12)]. Retrieved July 10, 2020, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33697316

7. O Rekomendacijah po ustanovleniyu l'gotnyh rezhimov trgovli dlya inostrannyh turistov i vremennyh posetitelej po sisteme tax free: Postanovlenie Mezhpardlamentskoj Assambleej gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv ot 29 noyabrya 2018 goda (№ 48–13) [On Recommendations for the establishment of preferential trade Regimes for Foreign Tourists and Temporary

Visitors under the tax free system: Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States of 29 November 2018 (No. 48–13)]. Retrieved July 10, 2020, from [c https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35577840](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35577840)

8. O sotrudnichestve v oblasti turizma v 2019 godu [On cooperation in tourism in 2019]. *Internet-portal SNG*. Retrieved July 10, 2020, from <https://e-cis.info/cooperation/3203/85879/>

9. O sotsial'nom turizme: Model'nyy zakon [On social tourism: Model law]. (2019). Retrieved July 10, 2020, from <https://iacis.ru/public/upload/files/1/765.pdf>

10. O Sovete po turizmu gosudarstv-uchastnikov Soglasheniya o sotrudnichestve v oblasti turizma [On the Tourism Council of the States parties to the Agreement on cooperation in the field of tourism]. (1994, September 9). Retrieved July 10, 2020, from <http://docs.cntd.ru/document/1901140>

11. O turistskoj deyatel'nosti: Model'nyj zakon [On tourist activities: Model law]. (2006). Retrieved July 10, 2020, from <http://docs.cntd.ru/document/902050944>

12. O turistskoj deyatel'nosti: Model'nyj zakon (novaya redakciya) [On tourist activities: Model law (new edition)]. (2015). Retrieved July 10, 2020, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33579688

13. O turistskoj deyatel'nosti v Respublike Kazaxstan: Zakon Respubliki Kazaxstan ot 13 iyunya 2001 (№ 211-II) [On tourist activity in the Republic of Kazakhstan: Law of the Republic of Kazakhstan of June 13, 2001 (No. 211-II)]. Retrieved July 10, 2020, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023618#pos=4;-104

14. O turizme i turistskoj deyatel'nosti: Zakon Respubliki Armeniya ot 14 yanvarya 2004 (№ ZP-11) [On Tourism and tourist activity: Law of the Republic of Armenia of January 14, 2004 (No. ZP-11)]. Retrieved July 10, 2020, from https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=24963

15. O turizme: Zakon Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 4 iyunya 1999 (№ 674-IQ) [About tourism: Law of the Republic of Azerbaijan of June 4, 1999 (No. 674-IQ)]. Retrieved July 10, 2020, from <https://e-cis.info/cooperation/3308/78716/>

16. O turizme: Zakon Kirgizskoj Respubliki ot 25 marta 1999 (№ 34) [About tourism: Law of the Kyrgyz Republic of 25 March, 1999 (No. 34)]. Retrieved July 10, 2020, from <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/201>

17. O turizme: Zakon Respubliki Belarus' ot 25 noyabrya 1999 (№ 326–3) [About tourism: Law of the Republic of Belarus of November 25, 1999 (No. 326–3)]. Retrieved July 10, 2020, from https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/1999/1416

18. O turizme: Zakon Respubliki Tadzhikistan ot 3 sentyabrya 1999 (№ 824) [About tourism: Law of the Republic of Tajikistan of September 3, 1999 (No. 824)]. Retrieved July 10, 2020, from <https://e-cis.info/cooperation/3317/78728/>

19. O turizme: Zakon Respubliki Uzbekistan ot 18 iyulya 2019 (№ ZRU-549) [About tourism: Law of the Republic of Uzbekistan of July 18, 2019 (No. ZRU-549)]. Retrieved July 10, 2020, from <https://lex.uz/docs/4428101>

20. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon ob organizacii i osushhestvlenii turistscheskoj deyatel'nosti v Respublike Moldova № 352/2006: Zakon Respubliki Moldova ot 14 iyunya 2018 (№ 109) [On amendments and additions to the Law on the organization and implementation of tourist activities in the Republic of Moldova

No. 352/2006: Law of the Republic of Moldova of 14 June 2018 (No. 109)]. Retrieved July 10, 2020, from https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=126263

21. Ob e'kologicheskom turizme: Model'nyj zakon. [On ecotourism: Model law]. (2019). Retrieved July 10, 2020, from <https://iacis.ru/public/upload/files/1/761.pdf>

22. Informaciya ob itogax zasedaniya Soveta po turizmu gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv [Information on the results of the meeting of the Tourism Council of the member states of the Commonwealth of Independent States]. (2019). Internet-portal SNG. Retrieved July 10, 2020, from <https://e-cis.info/cooperation/3012/82745/>

23. Ob ob'yavlenii 2019–2021 godov “Godami razvitiya sela, turizma i narodnyx remyosel’”: Ukaz Prezidenta Respubliki Tadzhiqistan ot 2 yanvarya 2019 (№ 1170) [On the declaration of 2019–2021 as the “Years of rural development, tourism and folk crafts”: Decree of the President of the Republic of Tajikistan dated January 2, 2019 (No. 1170)]. Retrieved July 10, 2020, from <http://isomoni.sud.tj/ru/ukaz-prezidenta-respubliki-tadzhiqistan-ob-objavlenii-2019–2021-godov-godami-razvitija-sela-turizma-i-narodnyh-remesel/>

24. Ob osnovax turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 24 noyabrya 1996 (№ 130-FZ) (red. ot 08.06.2020) [On the basics of tourist activity in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation of November 24, 1996 (No. 130-FZ) (as amended on June 8, 2020)]. Retrieved July 10, 2020, from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/

25. Ob osnovnyx principax sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov SNG v oblasti turizma: Rekomendatel'nyj zakonodatel'nyj akt [On the main principles of cooperation of the CIS member states in the field of tourism: Recommendation legislative act]. (1994). Retrieved July 10, 2020, from <http://docs.cntd.ru/document/901756800>

26. Ob utverzhdenii Konceptcii vneshnej politiki: Ukaz Prezidenta RF ot 30 noyabrya 2016 g. (N 640) [On the approval of the Foreign Policy Concept: Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 2016 (N 640)]. Retrieved from <https://geostart.ru/doc/read/1607><https://geostart.ru/doc/read/1607>

27. Prilozhenie k Soglasheniyu o Sovete po turizmu gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv ot 30 maya 2012 goda (vstupilo v silu dlya Rossijskoj Federacii 13 marta 2013 goda) [Annex to the Agreement on the tourism Council of the member states of the Commonwealth of Independent States of May 30, 2012 (entered into force for the Russian Federation on March 13, 2013)]. (2013, April 23). *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii*. Retrieved July 10, 2020, from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304230047?index=2&rangeSize=1>

28. Strategiya razvitiya sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv v oblasti turizma na period do 2020 goda [Strategy for the development of cooperation between the member states of the Commonwealth of Independent States in the field of tourism for the period up to 2020]. (2013, November 20). *PARAGRAF*. Retrieved July 10, 2020, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31536009

29. Tsalko, O.L. (2019, July 1). *II Evropejskie igry. Minsk. Belarus'.* *Itogi* [II European games. Minsk. Belarus. Results]. Retrieved July 10, 2020, from

<https://2chechersk.schools.by/news/984999>

30. V Samarkande nachala svoyu rabotu Pervaya Yezhegodnaya yarmarka stran SNG [The First Annual fair of the CIS countries has started its work in Samarkand]. (2019, July 9). *UzDaily.uz*. Retrieved from <https://uzdaily.uz/ru/post/44818>

31. World Economic Forum. (2017). *The Travel and Tourism Competitiveness Report 2017*. Retrieved from http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2017_web_0401.pdf

32. World Economic Forum. (2019). *The Travel and Tourism Competitiveness Report 2019*. Retrieved from http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf

33. Zasedanie Soveta po turizmu stran SNG proshlo v Samarkande [The meeting of the CIS Tourism Council was held in Samarkand]. (2019, July 9). *Ispolnitel'nyj komitet Sodruzhestva Nezavisimyx Gosudarstv*. Retrieved July 10, 2020, from <http://cis.minsk.by/news/11599/zasedanie-soveta-po-turizmu-stran-sng-proslo-v-samarkande>

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в списке.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). *Название статьи*. *Название журнала*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). *Название документа* [Формат документа]. Взято с URL

Формат даты на русском языке: (год, день месяц). Формат даты на английском языке: (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.) – для англоязычных источников.

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	<i>Название книги</i> (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. <i>Название журнала, том(номер), страницы</i> . doi: xx.xxxxxxxx Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358 Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15(2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. <i>Название газеты, том(выпуск)</i> . Взято с URL Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк, видео, твит и т.п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа</i> [Формат документа]. Взято с URL Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document</i> [Format description]. Retrieved from URL
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> . (дата). Взято с URL <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> . (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk, 18(1)</i> , 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике, 15(2)</i> , 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Rossiya v global'noj politike, 15(2)</i> , 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644
	Пучков, П. (2017, 10 апреля). <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> . (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovej v Murmanskuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region]. (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.

Russian part of the article:

7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.

The main text of the article (in English):

12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). *Title of the book*. Publisher.

Posted by A.A. (2018, May). Article title. *Journal title*, 22(3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx

Author, A.A. (2018, January 12). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	<p>Author, A.A. (2018). <i>Book title</i>. Location: Publisher.</p> <p>Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i>. M.: Gnosis.</p> <p>Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i>. New York, NY: Routledge.</p>
Book, monograph (organization indicated in as an author)	<p>Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i>. Moscow: Freedom.</p>
Book, monograph (without authors)	<p><i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher.</p> <p><i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.</p>
Book, monograph (with the indication of the editor)	<p>Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i>. Location: Publisher.</p> <p>Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i>. Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P».</p>
Article	<p>Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name, volume(issue number)</i>, page(s). doi: xx.xxxxxxxx</p> <p>Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural branches of the Russian Academy of Sciences</i>, 18(1), 43–58. doi: 10.17506/ryipl.2016.18.1.4358</p> <p>Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i>, 6(1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4</p>
Electronic resource (article)	<p>Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i>, 15(2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864</p>
Electronic resource (newspaper, magazine)	<p>Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name, volume(issue number)</i>. Retrieved from URL</p> <p>Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i>. Retrieved from http://www.sundaytimes.com</p>
Electronic resource (web page, author presents)	<p>If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, video, tweet, etc.), indicate it in square brackets.</p> <p>Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL</p>
Electronic resource (web page, no author)	<p><i>Webpage name</i>. (date). Retrieved from URL</p> <p><i>Oxford Electric Bell</i>. (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell</p>